
Глава II

ВРАГИ ЛИБЕРАЛИЗМА. ВОЛКИ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ И БЕЗ

13. Современный антилиберализм.
14. Миры и реальности концепции устойчивого развития.
15. Концепция социальной ответственности бизнеса. Факты и измышления.
16. Антиkapitalistические дети капитализма.
17. Голос во имя восстановления исторической справедливости.
18. Социализм. «Человеческое лицо» со звериным оскалом.
19. Социализм. Прошлое Европы и настоящее Беларуси.
20. Логика и здравый смысл как противоядие от марксизма.
21. Церковь Кейнса. К 70-летию экономического шаманства.

13. Современный антилиберализм

После провала социализма и централизованной плановой экономики Советского Союза можно было ожидать очищения научного, политического, экономического, медийного и культурного пространства от теорий, идей и правовых решений антисоциального, аморального, экономически неэффективного, экологически вредного социализма. Однако очищения не произошло. Растирянность коллективистов и интервенционистов разных мастей продолжалась недолго. Они быстро мобилизовали свои ресурсы и пошли в атаку на сердца и мозги людей с новыми идеями, лозунгами и предложениями, звучавшими красиво, но суть их сводилась к традиционному лозунгу: «Отдайте нам ваши деньги. Мы лучше знаем, как сделать вас счастливыми».

Интервенционизм нового тысячелетия обретал иные формы, словесную оболочку, менял повестку дня, чтобы в очередной раз понравиться легковерному избирателю. Профессор Гуверовского института (США) Дэвид Хэндерсон прекрасно описал суть и динамику коллективизма нового тысячелетия в своей книге *Anti-Liberalism 2000. The Rise of New Millennium Collectivism*¹. Он использует термин «либерализм» в его европейском, а не американском значении. Либерал – это человек, который делает упор на индивидуальные свободы, который оценивает экономическую политику и законодательство прежде всего с точки зрения их влияния на свободу. Экономический либерализм поощряет политику увеличения экономической свободы как по идеологическим, так и по экономическим причинам.

Д. Хэндерсон анализирует экономическую историю мира с конца 70-х до конца 90-х гг. XX века. Определяя параметры и сущность антилиберализма нового тысячелетия, он рассматривает поведение различных социальных групп, институтов и структур, их влияние на происходящие события.

Новейшая история экономической политики уместна не только как фон для исследования, но и потому, что она является источником разногласий между либералами и антилибералами. В 1980 – 2000 гг. судьба экономического либерализма значительно улучшилась. Правительства разных стран на разных этапах своей истории предпринимали меры по уменьшению интервенционизма государства на рынке денег, товаров и услуг. Многие страны, в том числе развитые, решались на системные либеральные реформы, потому что копирование социалистических практик приводило к стагнации и кризисам. Однако далеко не все пакеты реформ были последовательно либеральными. Многие решения были компромиссными. Они оставляли за государством монополию во многих сферах. Ни одна страна мира до сих пор не решилась убрать государство с рынка денег, из образования, здравоохранения, средств массовой информации, инфраструктурных и сетевых секторов. В подавляющем большинстве стран Запада по-прежнему много сфер, в которых наблюдается жесткий интервенционизм. Тем не менее курс на либеральные решения в экономике сегодня все больше становится *mainstream* и не вызывает такого же отчуждения, как в середине XX века.

По мнению Д. Хэндерсона, общий тренд либерализации заметен в трех основных группах стран в течение последних 20 лет. Первая группа – члены Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), вторая – развивающиеся страны, включая Китай, третья – постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР.

В странах ОЭСР нынешняя волна либерализации стала расти в конце 70-х гг. Первыми начали США, еще до Рональда Рейгана, в 1978 г. Следом последовала Великобритания во главе с «железной леди» Маргарет Тэтчер. В остальных странах ОЭСР, кроме Турции, в том числе в странах ЕС, процесс либерализации начался в середине 80-х. Заметные перемены произошли во Франции (1982–1983), в Австралии (конец 1983-го), Канаде (1984). Самым ярким примером отказа от широкомасштабного интервенционизма стала Новая Зеландия. В 1984 г. она инициировала либеральные реформы, которые были ответом на кризис государства всеобщего благосостояния.

Для стран ЕС введение единого рынка является отправной точкой для возвращения к либерализму. Это решение об ускорении и углублении межгосударственной интеграции было принято в 1986 г.

Среди развивающихся стран первая серьезная программа реформ была предпринята Augusto Pinochetом в Чили в середине 70-х. В 1978 г. произошли исторические события в Китае. Эта страна также декларировала курс на либерализацию. Затем более сорока стран предприняли серьезные меры по либерализации. Наиболее радикальными реформаторами стали Аргентина, Мексика, Маврикий и Таиланд. Продолжили либерализацию своих экономик Южная Корея, Сингапур и Тайвань. В 1991 г. исторические изменения произошли в Индии, и сегодня эта страна явно не собирается возвращаться к своему социалистическому прошлому.

После дезинтеграции советской системы в 1989 г. начали либерализацию своих экономик республики СССР и страны Европы. Лидерами реформ стали Чехия, Эстония, Венгрия и Польша. Из 29 переходных стран (определение Европейского банка реконструкции и развития 2007 г.) далеко не все постсоциалистические страны

начали системные реформы. Даже лидеры первой волны реформ застопорились на этапе воспроизведения основных институтов типичного европейского *welfare state*, т. е. сильного интервенционизма. Тем не менее список стран, которые в 90-е гг. пошли в обратном направлении, т. е. от либерализма к интервенционизму, короче. Большинство из них находится в Африке, на Ближнем Востоке и в бывшем СССР, в первую очередь Беларусь, Туркменистан и Узбекистан. В Европе, на Американском континенте и в большей части Азии интервенционисты были скорее исключением. Страны, которые в конце XX – начале XXI веков реализуют либеральную парадигму реформ, производят более 90% ВВП мира. Некоторые разногласия между либералами и антилибералами относятся к интерпретации данных событий. Д. Хэндерсон представляет самые распространенные ложные трактовки.

Миф «консервативной революции»

Некоторые антилибералы находятся под влиянием ошибочной идеи, будто либерализация принесла глубокие изменения, которые и отражают суть политики и идеологии правых. На самом деле ни о «консервативной», ни о «революции» не может быть речи. «Революция» – слишком сильное слово для обозначения произошедших перемен. Оно значит не просто постепенное изменение экономической политики, а кардинальное, глубокое изменение всех институтов общества. Таких перемен не было. Да, размер государства в большинстве переходных стран изменился, но когда чиновники и политики перераспределяют через бюджет 40 – 50% ВВП, владеют и распоряжаются землей и огромными активами, обладают монополией или доминируют на рынке образования, телекоммуникаций, энергетики, то можно говорить лишь об уменьшении степени жесткости интервенционизма.

Термин «консервативный» вообще не подходит к произошедшим преобразованиям. Либерализация далеко не всегда ассоциировалась с правыми правительствами. Многие радикальные реформы начинали левые партии и политики. Экономические реформы не выражают консервативный способ мышления, который часто расходился с положениями экономического либерализма. Принцип ограниченного государства едва ли можно считать ведущим принципом консерватизма и правых политических партий. Он является идеологической базой политических партий, которые отстаивают классический либерализм в европейском значении этого слова. Антитеза между интервенционизмом и либерализмом не идентифицируется как противостояние левых и правых, либералов и консерваторов. В XXI веке политологические ярлыки вообще потеряли смысл. Сегодня либералами и консерваторами называют себя люди с совершенно разными подходами к экономической политике, роли и месту государства, внешней политике. Даже в Европе можно найти немало примеров того, как левые партии были более последовательными сторонниками либеральных решений, чем их коллеги из так называемых правых партий (например, Россия, Польша, Чехия).

Второй вид неправильной интерпретации событий относится к истории. Целый ряд экспертов утверждает, что либерализации следовало ожидать, поскольку она является продолжением доминирующего долгосрочного тренда. С их точки зрения, процесс экономического либерализма нельзя повернуть вспять. Возникающие иногда откаты якобы подтверждают этот тезис. Так, Ф. Фукуяма считает «мирковую

либеральную революцию» последней фазой многовековых тенденций, которые уверенно можно проектировать на будущее. «Рост либеральной демократии и ее компаньона – экономического либерализма является самым выдающимся макрополитическим явлением последних 400 лет. Сегодняшняя либеральная революция представляет дополнительные доказательства того, что фундаментальный процесс диктует общую эволюционную парадигму для всех обществ, что-то вроде Всеобщей истории человечества в направлении либеральной демократии... Но циклы и возвраты сами по себе не являются несовместимыми с историей, которая направлена и универсальна»².

По мнению Д. Хэндерсона, такой взгляд может быть справедливым для либеральной демократии, но не для экономического либерализма. В течение 250 лет существования экономического либерализма и соответствующего учения его судьба не была такой однозначной. Да, со второй половины XVIII века тренд был позитивным, но в конце XIX века тенденция стала прямо противоположной. Это был ярко выраженный антилиберализм, который стал идеологической основой двух самых страшных в истории человечества войн XX века.

Данный тренд, особенно в интеллектуальной и идеологической сфере, в искусстве и СМИ, сохраняется по сей день. До начала 80-х гг. экономический либерализм находился в упадке целых сто лет. С начала 70-х антилиберальные тенденции особенно усилились. Это относится в первую очередь к странам ОЭСР. В них отмечалось существенное ухудшение экономического климата. Правительства предпринимали целый ряд интервенционистских мер: ценовой контроль, ограничения по оплате труда, внешнеторговый протекционизм, расширение места и роли государства в энергетике, спасение отдельных предприятий и даже секторов путем выдачи дотаций или даже прямой национализации. Все это подтверждает тезис о доминации интервенционизма, нелиберальных форм регулирования торговли и экономики в целом. Они включали и так называемые «добровольные» ограничения экспортных поставок, ужесточение контроля за валютообменными операциями и за иностранными инвестициями. Аналогичный антилиберальный тренд наблюдался и в развивающихся странах. Они еще пребывали в пленах мифов и заблуждений марксистов и кейнсианцев, с одной стороны, и постмодернистов – с другой.

В Индии был расширен институт государственной собственности и еще больше сокращены возможности для иностранных инвестиций. Правительства многих развивающихся стран национализировали принадлежащие иностранным компаниям предприятия в нефтяном секторе, добывающей промышленности. Отношение к прямым иностранным инвестициям резко ухудшилось. События начала 2000-х в Венесуэле, Боливии, Эквадоре, Никарагуа (национализация ресурсных секторов, приход к власти марксистов) демонстрируют, что даже временный всплеск либеральной экономической политики 90-х гг. не сделал интервенционизм историей.

Протекционизм прочно занял позиции в аудиториях, кабинетах власти и на телекранах. Правительства энергично обсуждают новый экономический порядок, устойчивое развитие – проекты, основанные на ярком антилиберализме. В свое время этим же занимались полисимейкеры Советского Союза эпохи Брежнева и Китая времен культурной революции.

После падения Берлинской стены и первых успехов посттоталитарных стран уже во второй половине 90-х начался откат к интервенционизму. Появились новые антилиберальные тенденции, которые нельзя считать временными и легко обратимыми. Не только экономическая политика стала более антилиберальной, но и общее мнение изменилось и стало симпатизировать интервенционизму. Чтобы оправиться от развала советской системы, интервенционистам понадобилось менее десяти лет.

Критики реформ часто упрощают историю. Они обвиняют либерализм в том, к чему он не имеет никакого отношения и что он не мог бы предотвратить. Это относится в первую очередь к странам ОЭСР, экономическое состояние которых в начале 70-х гг. ухудшилось. Ухудшилось не потому, что либерализм привел к кризису, а потому, что существенно вырос размер государства. Именно чиновники и политики не справились со своими задачами. Поэтому кризис 70-х абсурдно сваливать на либерализацию. Она началась гораздо позже.

Сторонники антилиберального консенсуса традиционно обвиняют либерализацию в появлении и сохранении высокой безработицы. На самом деле рост безработицы отмечен задолго до начала реформ в ведущих странах ОЭСР. Австралия является тому ярким подтверждением. Здесь отказ от интервенционизма произошел только в 1983 г., когда безработица уже превысила 10% (десятью годами раньше – 2,3%). После 15 лет либерализации уровень безработицы приблизился к 7%. В начале 2007 г., когда Австралия вошла в тройку самых экономически свободных стран мира, безработица составила всего 4,6%³. Многочисленные исследования ОЭСР, независимых аналитических центров позволяют сделать вывод, что в большинстве стран континентальной Европы причиной высокой безработицы является неспособность правительств создать свободный рынок труда. Высокая европейская безработица не предшествует либерализации. Она является следствием блокировки либерализации, т. е. интервенционизма на рынке труда.

Очередным широко распространенным ложным аргументом против либерализма является выбор времени и общей стабильности экономики, где происходят реформы. В 1992 г. Дж. Хакорт утверждает, что «дерегулирование финансовых рынков и последующее огромное расширение кредитных институтов для всех» привело к «значительному увеличению амплитуды колебаний расходов и удлинению периода рецессий»⁴. Д. Хэндерсон опровергает это утверждение. В странах ОЭСР нет признаков такого развития ситуации. С 1984 г., когда началась кампания дерегулирования в большинстве стран ОЭСР, и на протяжении последующих 15 лет не было ни одного глубокого кризиса, который повлиял бы на все страны ОЭСР и мог бы стать доказательством нежизнеспособности либерализма. Не было даже общей рецессии, которая была бы отражена в ежегодной статистике. До начала 2000-х совокупный ВВП ведущих стран ОЭСР возрос на 50%. Первые шесть лет нового века также не были периодом падения. В то же время средняя инфляция существенно снизилась, зоны устойчиво высокой безработицы в конце XX века были меньше, чем в 1984 г., когда началась экономическая либерализация. За весь этот период рост ВВП для стран ОЭСР в целом был позитивным, в то время как в предыдущие десять лет было два года падения ВВП.

После проведения даже частичной либерализации нет доказательств того, что страны стали менее динамичными, более подверженными депрессиям. В отношении стран ОЭСР можно сделать убедительный вывод в пользу либерализации. Тем не менее многие страны продолжают оставаться в парадигме интервенционизма. Для них ухудшение ситуации в начале 70-х гг. не только не привело к либерализации, но даже дало толчок новой волне интервенционистских мер и программ.

Миф о «неолиберальной гегемонии»

В начале XXI века интервенционисты утверждают, что доктрина либерализма была полностью реализована, что сегодня она доминирует в мировой экономике. Они называют ее «неолиберальной гегемонией». Такое утверждение не имеет под собой никаких оснований. Ход исторический событий, факты экономической политики, размер и место государства на разных рынках, в мировой торговле доказывают обратное. Интервенционизм разных форм и мастей был и остается главным идеологическим и экономическим трендом. Многие страны после первых шагов либерализации снова закрылись от внешней конкуренции и усилили контроль над конкуренцией на внутреннем рынке. Германия, Франция, Бельгия, Япония, даже США – все эти страны – члены ОЭСР не имеют политического и интеллектуального консенсуса во имя системной либерализации. Бразилия, Египет, Индия и Россия, как большие переходные экономики, также далеки от либеральных решений.

В каждой стране, которая на определенном этапе решилась на проведение глубоких системных либеральных реформ, все равно сохранились большие сферы экономической политики, где доминирует интервенционизм. В них государство продолжает удерживать монополию или доминировать на определенных сегментах рынка. В большинстве переходных экономик либерализация коснулась в основном только тех рынков, на которых уже было рыночное производство товаров и услуг. Это относится к финансовым рынкам, международной торговле, приватизации госпредприятий, deregulation отдельных отраслей или секторов, к которым относится энергетика, телекоммуникация и транспорт. На товары и услуги, которые в основном находятся вне рыночной экономики, либеральные принципы распространены не были. К примеру, в сфере образования, здравоохранения и производства так называемых социальных услуг, доминирует государство. Оно выступает в роли собственника или монопольного заказчика и поставляет данные услуги на рынок бесплатно или по сильно заниженным ценам.

Даже в сфере товарного производства можно найти сегменты, которые остались под жестким контролем государства. Ярким подтверждением этого является аграрная политика большинства стран ОЭСР. Сельское хозяйство до сих пор остается законсервированным интервенционистским сектором (за исключением Австралии и Новой Зеландии). В середины 80-х гг. правительства стран ОЭСР регулярно обещают либерализовать данный сектор, но провал переговоров в рамках ВТО по договоренностям в Доха еще раз подтверждает, что сельское хозяйство остается вне законов рынка и влияния либеральных решений. В отчете секретариата ОЭСР за 2000 г. делается вывод: «Поддержка производителей в конце 90-х вернулась на уровень 1986-88 гг.», т.е. периода, который был отмечен высокой степенью протекциони-

низма⁵. В 2000 – 2007 гг. общая с/х политика ЕС, отношение США или Японии также не претерпели изменений.

В странах ОЭСР помимо приватизации и дерегуляции в отдельных отраслях наблюдалась и отчетливая тенденция введения различного рода регуляций, которые ограничивают конкуренцию и укрепляют позиции интервенционистов. Речь идет о защите окружающей среды, безопасности, здравоохранении, рынке труда (условия найма и увольнения), энергетике, транспорте и телекоме. Введение Францией обязательной 35-часовой рабочей недели – только один из тысяч примеров подобного интервенционизма. В отношении международных сделок либерализация пошла очень далеко, но и здесь по-прежнему сохраняется много форм интервенционизма. Остаются серьезные ограничения при пересечении границ товарами и деньгами. Кроме отдельных случаев, когда страны имеют внутренние соглашения, международная миграция по-прежнему остается строго контролируемой сферой, закрытой для либерализма и рынка.

Одной из причин мифа о «неолиберальной гегемонии» является то, что очень мало государств-реформаторов были вдохновлены и последовательно действовали в соответствии с принципами экономического либерализма. Единицы были знакомы с трудами Л. Мизеса, Ф. Хаека, Дж. Бьюкенена или М. Фридмана. В гуманистических науках, СМИ сохранился сильный антилиберализм. В некоторых сферах полисимейкеры временно терпели либерализм, потому что продолжение интервенционистской политики грозило углублением системного кризиса. На самом деле они оставались сторонниками новых форм антилиберализма.

Даже общепризнанные реформаторы грешили непоследовательностью в реализации либеральных реформ. Так, правительство М. Тэтчер в 1979 – 1990 гг. наряду с Новой Зеландией было самым радикальным реформатором среди стран ОЭСР. М. Тэтчер сформулировала принцип политики в одной известной фразе: «*Надо сжать границы государства*» (*rolling back the frontiers of the state*). В то же время на протяжении 80-х гг. политика в отношении энергетического сектора, промышленности и особенно внешней торговли оставалась под сильным влиянием интервенционистских антилиберальных взглядов. В этих сферах политика М. Тэтчер не отличалась от политики, проводимой явно антилиберальными политическими силами. Постепенно по мере проведения реформ в Британии либерализация коснулась энергетики и промышленности в целом, но в отношении научной и инновационной деятельности политика оставалась дирижистской.

Что касается торговой политики, то два известных комментатора Вэлброк и Коз в 1987 г. написали: «*Нетрудно обнаружить протекционистские и непротекционистские государства в ЕС. Дебаты по поводу торговой политики в Совете ЕС проходят по одному сценарию: Голландия, ФРГ и Дания выступают за свободную торговлю, Великобритания, Франция и Италия – за торговые ограничения*⁶». Таким образом, в этой сфере экономических отношений М. Тэтчер не смогла выбраться из клетки интервенционизма. Правительство Британии поддерживало и продолжает поддерживать множество корпоративных проектов, в том числе инфраструктурных, выводя данные секторы экономики из-под действия законов рынка.

Горькая правда современной мировой политики заключается в том, что истинных экономических либералов в правительствах почти нет. Поэтому мы смело

можем сделать вывод о том, что «неолиберальная гегемония» остается лишь плодом большого воображения интервенционистов, вербальным оружием против настоящих либералов.

Соединение интересов и понимания

История двух антилиберальных тенденций началась давно, но до сих пор продолжает динамично развиваться. Первая тенденция – защита интересов отдельных лоббистских групп. В подавляющем большинстве такие группы антилиберальны по своей сути. В целом ряде случаев они не проявляют интереса к экономическим доктрина姆 как к таковым, но их поведение, предложения и убеждения носят яркий антилиберальный характер. Некоторые из них, например представители агробизнеса, выступают против либерализации. Они боятся конкуренции, потому что она сделает беднее тех, кто привык жить на государственных подачках. Представители других групп давления, например американские и европейские компании по производству промышленных товаров, защищают свои интересы, лоббируя принятие антидемпинговых пошлин выделения государственных концессий и квот, защиты от конкуренции со стороны развивающихся стран. Все они являются не либералами, а жесткими интервенционистами.

Поскольку эти группы сплочены и обладают большими ресурсами, они мобилизуют средства для проведения различных кампаний. Они имеют открытый доступ к политическим лидерам, чиновникам, могут заключать неформальные сделки, в которых политическая поддержка или отказ от таковой может обмениваться на желаемый результат в бизнесе.

Создание неформальных барьеров для входа на рынок является ярким проявлением интервенционизма, который ведет к коррупции, взяточничеству, кумовству и приватизации лоббистскими структурами права выступать от имени государства. Для политиков такие сделки означают «прибыль» в виде голосов избирателей, для чиновников – получение дополнительной власти в виде увеличения размера бюджета и прав по регулированию рынков.

Есть все основания говорить о существовании неформального тройного антилиберального альянса, так называемого *«железного треугольника»*. Он состоит из сильно заинтересованных в сохранении большого государства сторон, которые доминируют в экономической политике, сохраняют государство большим и антилиберальным. Такая политика направлена против интересов простых граждан. Однако те мало что могут противопоставить лоббистской деятельности интервенционистов, потому что в каждом отдельном случае высоки издержки от получения информации и мобилизации сил для противодействия антилиберальным решениям. Избиратели предпочитают оставаться в состоянии *«рационального невежества»*. Даже если многие знают, что большой бизнес и большое государство делают зло, они ничего не предпринимают, потому что не верят в успех.

Лоббистские группы последовательно выступают против экономической либерализации. Если бы не это противодействие, процесс либерализации шел бы гораздо быстрее. Трудно привести хотя бы один исторический пример, когда бы либерализация была проведена группами давления и их сторонниками в коридорах власти. Что касается интервенционистской политики или противостояния реформам, то при

отказе от либерализма объединение усилий интервенционистов часто было решающим.

Необходимо также принимать во внимание взгляды и оценки людей вне «железного треугольника», т. е. взгляды, которые могут разделять политики и чиновники внутри треугольника. Группы по интересам сильны не только своей лоббистской мощью и возможностями убеждать тех, кто у власти. Они заручаются поддержкой широкого общественного мнения, формируемого теми, кто находится вне процесса принятия решений и чей доход и занятость не зависят от вопроса, по которому принимается решение. Люди не обязательно безразличны к тем проблемам, которые их непосредственно не касаются и на изучение которых у них нет времени или желания. Типичные избиратели, даже типичные министры или официальные лица, имеют свои представления о том, что такое справедливость, эффективность или оптимальное распределение. У каждого своя оценка вероятности достижения социальных и национальных целей при применении инструментов государственной политики. Так что взгляды аутсайдеров и пассивных наблюдателей экономических и политических процессов также имеют важное значение. Они и составляют основу того молчаливого, инертного консервативного большинства, которое легализует решения горстки топ-интервенционистов.

Чикагский ученый Ричард Эпстайн в своей книге *Simple Rules for a Complex World* пишет по поводу роста объема регуляций: «Почему постоянно идет подталкивание к усложнению законодательства? Отчасти объяснение заключается в жестком давлении групп по интересам. К тому же не работают идеи. Это, в свою очередь, ведет к тому, что масса незаинтересованных людей принимает требования увеличения объема и сложности регуляции. Одна такая идея может быть невинной, но часто дает смертельный импульс для достижения идеальной справедливости в каждом конкретном случае. Вторая ложная идея заключается в том, что сложные формы регуляции, которые хорошо работают в малых добровольных группах, можно копировать и переносить на большие обезличенные социальные установки»⁷.

Аналогичный феномен можно наблюдать в случае нереформированного сельского хозяйства в большинстве стран ОЭСР. В этой сфере производственные интересы последовательно противостояли либерализации. С/х производители до сих пор не смирились с глобализацией, конкуренцией со стороны бедных стран. Их успех в лobbировании интересов в правительстве нельзя объяснить только групповыми интересами. Эти лоббисты получают поддержку извне, от большой массы незаинтересованных, невовлеченных людей, т. е. от тех же горожан, которые вынуждены переплачивать за продукты питания.

Таким образом, типичное отношение большинства населения к экономическим вопросам и в развитых, и в переходных странах можно считать антилиберальным. Часто молчаливое большинство, лузеры от доминирующей системы интервенционизма сами создают группы влияния. Совмещенные антилиберальные интересы групп и антилиберальные отношения и идеи соединены в ряде союзов и неформальных ассоциаций. Они во многом объясняют слабость экономического либерализма. Эту мозаику антилиберализма скрепляет социализированная, антипредпринимательская система образования. Именно поэтому государство и разного рода

идеологические коллективисты продолжают удерживать в этой сфере жесткую монополию.

Влияние экономики «сделай это сам» (ЭСЭС) *do-it yourself economics*

Внешний мир во многом антилиберален, потому что имеет место чрезмерное упрощение и извращение идей свободы, собственности, справедливости и закона. Стремление упрощать сложные явления привело незаинтересованных людей, т. е. обыкновенный избиратель, к поощрению регуляций, росту размера и форм государства. По многим вопросам экономической политики аналогичное влияние оказывается на цели, отношения и оценку происходящих событий. Такое влияние часто формируется интуитивно. Его можно охарактеризовать термином «доэкономический». Такой способ мышления Д. Хэндерсон назвал экономикой «сделай это сам» (ЭСЭС).

Мы наблюдаем экономические заблуждения не только среди населения, социальных групп без специальных экономических знаний, но и среди политических и профсоюзных лидеров, чиновников, известных журналистов, религиозных деятелей, судей, известных профессоров. Часто ошибки и мифы в экономической теории и практике тиражируются сами экономисты, особенно если они закончили процесс познания в вузе или в аспирантуре.

Еще больше сумятицы в понимание экономических процессов вносят звезды сцены, эстрады, кино или спорта. Они находятся в центре внимания прессы, телевидения и радио. Их спрашивают не только о сфере их профессиональной деятельности, но и о философии, ценностях, политике. Их просят оценить разные экономические явления и события. Поскольку люди в постсоветской и даже в западной культуре по умолчанию выбирают разные формы интервенционизма, эти звезды искусства и спорта превращаются в мощные инструменты влияния интервенционистов. Сами того не подозревая, они закрепляют антилиберальный консенсус, мостят дорогу Большому государству, т. е. резко ограничивают свободу человека.

Подходы экономики «сделай это сам» имеют сильно интервенционистский крен. Вот лишь несколько примеров предлагаемой его сторонниками экономической политики:

- отрасли промышленности и виды экономической деятельности можно классифицировать как «важные» и «несущественные»; их можно ранжировать вне зависимости от желания потребителя платить;
- обеспечение национальной самодостаточности в «важных отраслях» является ключевой задачей правительства;
- правительство должно систематически поддерживать производство товаров и услуг, которые, с точки зрения чиновников, имеют приоритетное значение для страны;
- когда экономический обмен проходит между представителями разных стран, участие государства обязательно, т. е. надо делать акцент на конкуренции между государствами, а не производителями; в этой межгосударственной конкуренции большие государства

имеют преимущество над мелкими; в более выгодном положении оказываются торговые блоки;

- экспорт дает стране прибыль, а импорт – убытки;
- тарифы, ограничения импорта и экспортные субсидии ведут к увеличению занятости;
- административные действия, направленные на сокращение размера рабочей силы, например принудительное сокращение рабочего времени, ранний выход на пенсию, более жесткие ограничения иммиграции, ведут к сокращению безработицы;
- действия, предпринимаемые ради прибыли или в более широком смысле во имя собственного интереса, являются сомнительными для пользы страны и национальных интересов в целом;
- когда, по версии чиновников и политиков, рынки не функционируют или работают недостаточно эффективно (опять же, критерии определяют сами чиновники), то диагностикой «болезни», определением параметров курса лечения занимается государство; для этого оно усиливает прямое и косвенное регулирование экономики, даже само берет на себя право владеть и управлять активами.

Такие убеждения (а список можно продолжить) четко формируют интервенционистскую повестку дня. Для каждой из стран они имеют большое значение, потому что широко распространены и позитивно воспринимаемы населением. Более того, большинство экономистов также не может их логично отвергнуть.

Среди *mainstream*-экономистов, которые определяют содержание экономического образования и политики, существует консенсус относительно функционирования рынков и значения цен. Они не против того, чтобы в случае острой необходимости государство вмешивалось как в ценообразование, так и в работу рынков. Разница лишь в степени, глубине и продолжительности такого вмешательства. Экономические реформы 90-х и начала 2000-х гг. характеризуются тем, что в профессиональной группе экономистов появилось гораздо больше либералов по сравнению с советской системой. Тем не менее большинство экономистов не называют себя либералами, потому что не хотят быть предвзятыми или боятся идеологического воздействия на их научные исследования. Антилиберальные взгляды XX века ассоциируются с идеями и работами С. Колльриджа, Т. Карлайла и Дж. Раскина, с враждебным отношением к экономике и экономическому способу мышления. Несмотря на очевидное поражение на практике теории интервенционизма, антиглобалистское движение XXI века основано именно на ее основных постулатах.

По отношению к ряду антилиберальных идей и положений экономисты разделены. Среди них отметим следующие:

- расширение масштаба рынков приводит к увеличению степени непредсказуемости и нестабильности внутри экономических систем, к снижению уровня безопасности людей, которые живут и работают в них;
- внутри стран нерегулируемые свободные рынки благоволят богатым и могущественным, а не бедным, поэтому результаты работы рынка несправедливы и хаотичны;

- свобода международной торговли и прямых иностранных инвестиций ставит бедные страны в невыгодное положение.

Многие из приведенных выше идей основаны на антилиберальных взглядах прошлого. Они связаны с интервенционистской концепцией экономического прогресса. Мол, достижение более высокого уровня жизни простыми людьми осуществляется не благодаря росту производительности труда и накоплению капитала, а скорее по причине действий правительства и профсоюзов: более жесткое регулирование зарплаты и условий занятости, развитие законодательства по социальному обеспечению, введение прогрессивной системы налогообложения. Если следовать такой логике интервенционистов, можно сделать вывод, что единственным способом улучшения качества жизни бедных является увеличение объема финансирования госпрограмм. Игнорируя факты реальной жизни, интервенционисты продолжают считать, что богатые получают львиную долю богатства, в том числе за счет бедных. Мол, тем достаются крохи с барского стола, что предопределяет неприятие рынка, богатства и бизнеса в целом.

При такой оценке рыночных процессов не удивительно, что даже в хорошо функционирующей капиталистической экономике есть много жертв и лузеров. Часто это психологическая оценка, которую дают люди сами себе, не представляя, каким бы мог быть уровень их жизни, возможности для самореализации, живи они при социализме.

В стране с доминацией государства во всех сферах экономики многие люди связывают возможность улучшения жизни только с коллективными действиями, направленными либо на оказание влияния на рыночные результаты, либо на их перераспределение. Иждивенчество, возведенное в императив государственной политики, приводит к грубым искажениям системы мотивации людей, в том числе молодежи. Она стремится на госслужбу, а не в бизнес, в силовые структуры, а не в предпринимательство. Происходит опасный процесс морального очищения халивы как стремления получить ценность бесплатно или с минимальными издержками. Жизнь за счет других перестает вызывать социальное порицание и отчуждение. Так называемые «простые люди» надеются исключительно на спасение сверху. Ответственность за это возлагается на общество. Во всем мире – на «международное сообщество». В реальной жизни от его имени выступает правительство, президент или наднациональные структуры. Так обыкновенные люди, т. е. общество, добровольно (через демократические процедуры) передали в руки своих поработителей мощные инструменты управления жизнью, экономической деятельностью и собственностью. В XXI веке сформировался коллективизм нового миллениума. Социализм приоделся в новые одежды, предал забвению страшные жертвы и преступления и обвинил во всем тех людей и ту систему, которая спасла и продолжает спасать от бедности миллиарды людей во всем мире.

Коллективизм нового миллениума. НГО

Негосударственные, неприбыльные организации стали важной частью современного общества. Они активно работают в богатых и бедных странах. Даже авторитарные режимы считают необходимым имитировать диалог с обществом через псевдо-НГО.

НГО активно работают и по экономической проблематике. Среди них отметим профсоюзы, ассоциации бизнесменов, потребительские союзы, различные группы по защите окружающей среды, общества по развитию бедных стран, движения за социальную справедливость, гуманитарные общества, организации, представляющие местные народы и религиозные группы. Все эти НГО мы можем назвать одним термином – гражданское общество. Этот лейбл тактически полезен, но вводит в заблуждение. Нельзя сводить гражданское общество только к неправительственным организациям. Гражданское общество гораздо шире. Когда одна или несколько НГО выступают от имени всего гражданского общества, существует большая опасность того, что эти структуры будут скорее отражать мнение своих руководителей или учредителей.

НГО стали влиятельным элементом мировой политики и идеологии. Практически везде они вовлечены правительствами и международными агентствами в процесс консультаций. Многие НГО стали исполнителями госпрограмм по распределению государственной помощи. Они активно участвуют в программах по оказанию государству определенных услуг, за что получают бюджетные ресурсы.

ТНК и бизнес поменьше имеют специальные отделы по связям с общественностью и контактам с этими организациями, с ними они консультируются и координируют свои действия. Во многих случаях НГО проводят согласованные кампании бойкота различных инициатив (к примеру, *Multilateral Agreement on Investment (MAI)*, который НГО пытались сорвать при помощи Интернета). На ставшую частью истории антиглобалистского движения встречу ВТО в Сингапуре многие представители НГО были приглашены в качестве наблюдателей или даже делегатов. Другие, более радикальные, устраивали демонстрации на улицах.

Среди НГО есть умеренные организации и воинствующие, но подавляющее большинство разделяет антилиберальные взгляды. За редким исключением они очень критически относятся к капитализму, транснациональным компаниям, свободе международной торговли, перемещения капиталов и к идее свободной рыночной экономики в целом. Их растущее влияние, готовность правительств признать их, сотрудничать с ними и выполнять их программы является важным фактором, который перевешивает экономическую политику в сторону интервенционизма. Правительства переходных стран, особенно на постсоветском пространстве, быстро научились манипулировать НГО. Появились подконтрольные властям союзы предпринимателей, которые имитируют диалог бизнес-сообщества с властью. Женские, молодежные, ветеранские, экологические организации, получающие деньги из бюджета или пользующиеся покровительством госструктур, заняли соответствующие ниши и даже стали партнерами международных НГО. Многие на Западе не подозревают, что в авторитарных странах с управляемой демократией Большое государство давно включило организации со статусом НГО в арсенал своей государственной политики.

Расширение числа жертв

В сфере идей в отличие от сферы действий современный антилиберализм отличается от своего «собрата» 30 – 40-летней давности по трем аспектам. Во-первых, сегодня очень мало сторонников антилиберализма верит в превосходство советской

системы или маоистского государства, в большую эффективность системы централизованного планирования. Во-вторых, мы наблюдаем гораздо большее количество критиков экономических реформ со стороны антилибералов. В-третьих, круг небенефициаров и жертв расширился. Многие небенефициары стали жертвами.

Проиллюстрируем эти положения конкретными примерами. Возьмем рынок труда и свободу контрактных отношений. Введение 35-часовой рабочей недели во Франции – пример старого мышления. Новое – это законодательство, обеспечивающее равные возможности. Закон ставит в привилегированное положение отдельные социальные и профессиональные группы (работники сельского хозяйства, шахтеры и т. п.). Эти законы основаны на том, что воспринимаемое неравенство в зарплате считается примером дискриминации.

Такой подход создает большое количество новых жертв. Сегодняшнее трудовое законодательство включает в себя как традиционные, так и новые формы регулирования. Пример Южной Африки, где размер минимальной зарплаты обсуждается профсоюзами и большими компаниями, затем переносится на малый бизнес в данной сфере деятельности, типичен для многих стран. Разумеется, такой уклад ограничивает вход на рынок малых фирм, потому что минимальная зарплата устанавливается на уровне часто гораздо выше рыночного. К тому же работодатели должны предоставлять наемным рабочим декретные отпуска, компенсировать переработку, нанимать пропорционально черных и женщин, платить надбавку за уровень образования. Увольнение превращается в сложную, длительную процедуру, небольшое нарушение которой может привести к выплате рабочему почти годового размера зарплаты. Такой режим работы рынка труда является глубоко антилиберальным. Франция, Германия, Польша, Италия имеют чрезвычайно зарегулированный, забюрократизированный рынок труда, поэтому в этих странах как минимум 10% населения трудоспособного возраста не может найти работу. Действующие процедуры резко ограничивают свободу выбора, особенно для самых бедных слоев общества. В той же Германии после исторического объединения многие возможности занятости были заблокированы по причине соглашений между профсоюзами и промышленными предприятиями.

Характерным элементом антилиберализма XXI века является алармистский, чрезвычайно драматизированный взгляд на глобализацию и ее влияние на жизнь в бедных странах. Глобализацию описывают как новую экономическую волну, которая смывает народы и государства. Она-де создает анархический мир без границ. В этом мире национальные государства якобы теряют контроль, а вновь созданные ТНК получают полную власть над производством. Именно они распределяют плоды работы экономики, являются аристократами нового века. Они эксплуатируют рабочих, снижают стандарты защиты окружающей среды, особенно в развивающихся странах. Такой же точки зрения придерживается большинство глобальных СМИ, профессура и преподаватели учреждений образования. В результате в действиях бизнеса, в механизмах свободного рынка многие люди видят угрозу и риски для своего благополучия, для жизни всей планеты.

Таким образом, сама Земля, различные экосистемы классифицируются как жертвы экономической системы. Такие взгляды разделяет большинство НГО, академические элиты, большинство журналистов, парламентариев и общественных деяте-

лей, которые представляют свое мнение по этим вопросам. Голливуд, Болливуд, субкультура *MTV* – все они в подавляющем большинстве выступают против свободного рынка и либеральных решений. По всему миру, в особенности среди стран ОЭСР, широко распространились алармистские (панические) настроения. Тема глобального потепления вызывает истерику среди антиглобалистов. Правительства с удовольствием переключают внимание людей на данную тему, избегая наиболее сложных и насущных вопросов (налоги, пенсионная реформа, коррупция и т. д.). В мире, в который интегрировались Беларусь, Россия, Украина и все новые страны – члены ЕС, образовался своеобразный алармистский консенсус, который составляет основу коллективистской повестки дня XXI века.

Антилибералы нового миллениума утверждают, что глобализация расширила ряды жертв и потерпевших, особенно в бедных странах. Многие доклады ООН по оценке человеческого развития посвящены именно этой теме. Особый упор делается на негативные последствия глобализации в виде растущей маргинализации бедных стран и бедных людей, увеличивающееся неравенство и нестабильность. Главным доказательством маргинализации, по мнению ООН, является длинный список бедных стран с низким уровнем ВВП на душу населения, материального благосостояния в целом. Различия между бедными и богатыми увеличились. Это считается главной проблемой современности. Такое же отношение к распределению дохода выражается по отношению к доходам различных групп внутри стран. В подтверждение своей точки зрения ООН приводит данные по состоянию здоровья и смертности. Причем причины такого состояния анализируются лишь в контексте навешивания ярлыков.

Во всех этих случаях просматривается та же идеология, то же мировоззрение. Оно характеризует коллективизм нового миллениума. Общепринятое предположение заключается в том, что существование крупных диспаритетов доказывает или, по крайней мере, предоставляет сильные аргументы в пользу восстановления справедливости. В комбинации с алармистским консенсусом данное положение составляет основу антилиберализма XXI века. Антилибералы твердят, что сам факт существования богатых и одновременно больших социальных, экологических проблем доказывает несправедливость системы. Они не только апеллируют к совести богатых людей, они призывают к тому, чтобы дележ долей сверх уплачиваемых ими налогов считался долгом и обязанностью перед миром.

Предположение о несправедливости очевидно в самом выборе используемых антилибералами слов. «Маргинализация» – их любимый термин. О странах говорится в плане «лишенные», «обреченные», *disenfranchised*. Бедные – это «жертвы» современной системы. Разница в доходах между странами увеличилась. Вина, естественно, возлагается на международную экономическую систему и на последние изменения в ней. Все эти положения и формируют алармистский консенсус.

Во многих странах ЕС «лишения» и «исключения из социума» (*deprivation* и *social exclusion*) являются главными проблемами правительства. Для их решения официальные исследовательские центры собирают данные, делают прогнозы и формулируют предложения по проведению экономической политики. Разница в доходах между разными регионами одной страны или между странами ЕС приводит в движение мощные механизмы перераспределения доходов. Чиновники и политики гово-

рят о том, что бедные регионы лишены доступа к богатству, поэтому им нужно предоставить блага за счет налогоплательщиков, т. е. сверху.

Предположения о несправедливости и лишениях действуют так сильно, что доказательства и факты обратного просто игнорируются. Возьмем, к примеру, многие страны, которые стали беднее за последнее время. Никто из них не стал бы богаче, если бы темпы экономического роста в мире были бы медленнее. Главное – не разница как таковая, а экономический прогресс в этих странах. В большинстве стран, уровень доходов в которых уменьшился, определяющими были как раз внутренние, эндогенные факторы. Во многих странах отмечались конфликты, грубые ошибки в проведении экономической политики. Меры, которые предпринимали правительства бедных стран, противодействовали включению страны в процессы глобализации. Они пытались создать модель государства всеобщего благосостояния, не имея базовых стандартов рыночной экономики и игнорируя качество услуг самого государства.

Нет смысла винить глобализацию в том, что уровень жизни в таких странах, как Куба, Северная Корея, Афганистан, Иран, Алжир, Узбекистан, Зимбабве или Папуа – Новая Гвинея, остается критически низким. Однако ООН и другие представители антилиберализма XXI века игнорируют эти доводы. Так же поступает большинство СМИ, в том числе в западных странах. Они представляют жителей бедных стран жертвами системы глобального либерального рынка, хотя именно недостаток либерализма является причиной стагнации бедности. В последние 25 – 30 лет Китай показал выдающиеся результаты экономического развития не потому, что продолжал строить социализм, а потому, что решился создавать институты капитализма, т. е. отказался от концепции предоставления благ сверху, раскрепостили предпринимательскую энергию и творчество снизу. Успех Китая является ярким примером действенности и эффективности либеральных решений. Отношение к этому успеху протекционистских государств, в том числе США, ЕС и Японии, предсказуемо. Они защищают свои рынки инструментами тарифной и нетарифной политики. Идет борьба рынка и бюрократии, политической и экономической власти. Пока побеждает интервенционизм, который, в свою очередь, порождает национализм, расизм и религиозный экстремизм.

Регулировщики

Декларации об увеличении числа жертв либерализма, эмоциональные обвинения свободного рынка во всех смертных грехах открывают дорогу интервенционистской политике и расширению государственных программ. Особенно много искажений фиксируется на рынке труда. В международных отношениях регулирование проходит под лозунгом необходимости установления международных стандартов труда. Идет расширение так называемых «позитивистских» прав человека. Социальная хартия ЕС и одно из соглашений в рамках НАФТА являются тому подтверждением. США и ЕС настаивают на включении положений о трудовых стандартах в отношении торговли и прямых иностранных инвестиций в международные договоры. При этом они игнорируют тот факт, что в бедных странах правительства совершенно иначе относятся к правам собственности, к тому, что написано в законах и договорах, в том числе международных.

Риск расширения интервенционистских практик исходит не только от действий политиков и официальных лиц. Аналогичные решения принимаются на уровне транснациональных корпораций, которые находятся под сильным давлением со стороны НГО и СМИ. Они внимательно отслеживают, чтобы стандарты для рабочей силы были такими же не только на предприятиях этих ТНК, но и у их поставщиков. Многие ТНК взяли на себя обязательства по экологическим стандартам не только в ответ на давление НГО, но и потому, что уверены в правильности своих решений. Один из официальных лиц крупной корпорации в статье *Corporate Citizenship: successful strategies for responsible companies* (McIntosh et. al., 1998) в *Financial Times* говорит о тревоге по поводу того, что «в ответ на рыночные стимулы сборочные и производственные рабочие места перемещаются. Детей и взрослых нанимают за miserную зарплату. К счастью, корпорации не идут на такие сделки»⁸.

Такие эксперты и бизнесмены совершают очевидную ошибку. Они переносят свое информационное поле на других, свои стандарты и ценности считают универсальными. Им не приходит в голову мысль, что бедные люди хотят работать на ТНК, чтобы стать богаче, что высокая зарплата есть тот ограничитель, который оставляет за бортом многих людей. Поляки, немцы, румыны или болгары не имеют права работать на условиях, которые они считают вполне приемлемыми. То же самое происходит в Южной Африке, США или Ирландии. Жители развивающихся стран страдают от европейского или американского определения «грабительски низкая зарплата». Иностранные компании нарушают свободу контракта во имя сохранения своей репутации. Тем самым они не только компрометируют стандарты свободного рынка, но и лишают миллионы людей возможности выхода из бедности.

Работая в таких условиях найма, ТНК увеличивают издержки, принимая ответственность за так называемое корпоративное гражданство. При этом их конкуренты не имеют такой нагрузки. Складывается ситуация неравенства условий хозяйствования. Транснациональные компании, которые плотно работают с властями, добиваются других привилегий или же через своих партнеров в правительстве используют политические инструменты для «регулирования» уровня конкуренции. Особенно склонны к такому поведению руководители нефтяных и добывающих компаний.

Нелиберальная «добротель» трех концепций

К началу XXI века сложился мощный коллективистский антилиберальный альянс. В него входит крупный бизнес, профсоюзы, большие НГО, журналисты ведущих СМИ, особенно телевидения, лидеры общественного мнения, политики и чиновники. Они опираются на мощную международную институциональную поддержку ООН, ОЭСР, Всемирного экономического форума, во многом Всемирного банка и МВФ. Они транслируют свое влияние через монополизированные национальными правительствами СМИ и образовательные системы.

Среди причин резкого усиления такого альянса, а также широкого членства в нем, нужно назвать три очень привлекательные концепции: права человека, социальная ответственность бизнеса и устойчивое развитие. Пользуясь методикой грубого упрощения и искажения этих понятий, члены альянса искусно «одели» антилиберализм нового тысячелетия в нарядные одежды. Кто выступает «против» или отри-

цает концепцию прав человека? Кто предпочел безответственное поведение корпораций? Кто поддерживает нестабильное развитие? Предложить людям эти три концепции – то же самое, что предложить им высказаться по таким вопросам, как «Вы за то, чтобы воздух был чистым?», «Вы за то, чтобы люди были честными?», «Вы за то, чтобы люди помогали детям?». Втянуть на свое концептуальное поле, в постмодернистский шантаж без правил, четких определений и методологий анализа – вот задача людей и структур, формирующих антилиберальный консенсус XXI века.

Все три вышеуказанные концепции сейчас интерпретируются в коллектиivistском контексте. С либеральной точки зрения, расширение списка «позитивистских» социальных и экономических прав или дополнение к длинному списку резолюций ООН – это не признак успеха. И здесь уместно привести высказывание Хаека: *«Бессмысленно говорить о праве на условие, создание которого не является ничьей обязанностью и долгом»*. Регулирование под прикрытием благозвучных лозунгов и якобы высшей цели наносит реальный экономический и социальный ущерб, в первую очередь женщинам, многодетным семьям, бедным и молодежи, т. е. тем группам, в защиту которых консолидировались интервенционисты XXI века.

Доктрина социальной ответственности бизнеса используется для того, чтобы культивировать у предпринимателей чувство вины. ТНК, бизнес, деловые ассоциации, фонды поддержки бизнеса, мозговые центры, академические и бизнес-школы в большинстве своем являются коллектиivistами нового миллениума. Они составляют часть алармистского консенсуса, некритически относятся к выводам об ужасных последствиях глобализации. По мнению Д. Хэндерсона, они принимают двойственный характер следующего антилиберального тезиса. Суть первой части заключается в том, что бизнес должен вместе с правительством, «гражданским обществом», международными агентствами включиться в кампанию по спасению мира, в борьбу с источниками несправедливости и глобальными угрозами. Власть решать и действовать переходит от правительства к корпорациям. Вторая часть тезиса – радикальное переосмысление роли и способа функционирования бизнеса, с одной стороны, и механизмов рыночной экономики – с другой. Характер современной экономики требует построения капитализма с самого начала, потому что существующая система неисправима.

Концепция устойчивого развития давно реализуется странами ОЭСР и большинством стран – членов ООН. Она стала идеологической мантрой большинства развитых и развивающихся стран мира. В одном из министерских коммюнике ОЭСР записано: *«Обеспечение устойчивого развития является ключевой целью для стран ОЭСР»*⁹. Но это положение не разъяснено и не подвергнуто критическому анализу. Из документа в документ кочуют голословные утверждения о приоритетах устойчивого развития, как будто есть политические силы, которые официально выступают за хаос и разрушение. Сторонники устойчивого развития разбивают эту концепцию на три аспекта: экономический, экологический и социальный. Природа и основы такой классификации неясны. Экологические аспекты часто заменяются голословным алармистским консенсусом, а «социальная справедливость» определяется в терминах диспаритетов и жертв.

Правительства являются очень слабыми защитниками экономической политики, в основе которой лежит свободный рынок и частная собственность. Органы

центральной власти хронически нарушают права собственности, приводят к глубоким структурным кризисам. Это объясняется в том числе и тем, что представители данных структур разделяют подходы интервенционистов нового миллениума. Они наблюдают за происходящими в реальной жизни процессами, но предпочитают жить в клетке теоретических догм и удобных эконометрических моделей. Для них экономика работает по четким правилам шахмат. Каждая фигура подчиняется однозначно интерпретируемым, прозрачным и понятным правилам. Жизнь богаче и разнообразнее. Человек – не пешка, а президент или министр – не король и не королева. Перенос ментальных схем экономически необразованных политиков и чиновников порождает чудовища, которых интервенционисты привычно приписывают либерализму.

Определение «третьего пути»

Пожалуй, нет страны в Европе, которая не пыталась бы найти свой третий путь, между капитализмом и социализмом. История не научила политиков и элиты постсоветских стран критически относиться к идеологическим рецептам западных стран. Идеологи «третьего пути» появились на Западе задолго до того, как развалилась советская система. Они прочно закрепились в ведущих университетах развитых стран, куда номенклатура бедных государств регулярно посыпает своих детей. Так, Беркли, Оксфорд, Кембридж, Сорбонна и Гарвард стали центрами идеологии «третьего пути», убежденными противниками либерализма. Например, выпускник Кембриджа и ярый приверженец английских традиций социализма Дж. Харкорт описывает свою позицию как средний путь между двумя крайностями, потому что все большее количество граждан отворачивается от ужасов плановой и свободной рыночной экономики без всяких ограничений.

Идея о том, что две системы совместимы, стара как мир. В сказке или некоей постмодернистской конструкции совместить можно все что угодно. В «Шреке» можно собрать всех сказочных персонажей и заставить их играть на компьютере новую сказку для детей и взрослых XXI века. Реальная жизнь не живет по законам сказок, и сторонники «третьего пути» забывают об этом. Выступая за такую систему, они не удосуживаются даже определить капитализм. По их мнению, идеи либерализма необходимо реализовывать с большими оговорками и ограничениями. Интервенционисты убеждают, что нельзя допускать доминации либерализма в обществе и экономике.

На самом деле свободная рыночная экономика или социально-экономическая модель *laissez faire* еще не была создана ни в одной стране мира. Идеологи «третьего пути» критикуют не капитализм, а неинституциональные, социально-экономические извращения, как они их называют. То им не нравится человеческая природа, то тот факт, что редкость – это закон природы, что человеку самому нужно делать выбор. С другой стороны, они признают, что плановая модель экономики, особенно советского образца, провалилась. Но они объясняют это не тем, что социалистическая теория, марксизм и его разновидности ущербны, а тем, что люди в советской империи не доросли до благородных идей, что извратили рекомендации западных идеологов.

В поисках оправдания «третьего пути» его апологеты часто апеллируют к истории. Одну из серий *Raffioli Lectures* Пол Стритен закончил разделом «Борьба за человеческий прогресс». Он развивает аргумент из книги Альберта Хиршмана «Риторика и реакция», родоначальником которого является бывший профессор социологии и экономики Лондонской школы экономики Т. Маршалл. Суть аргумента заключается в следующем. Более просвещенные, продвинутые общества достигали гражданского, политического и социального измерений человеческого развития в течение 300 лет. XVIII век установил гражданские права. В течение XIX века политическая свобода и участие в исполнении политической власти проделали большой путь. Право голосовать было распространено на новые категории населения. В XX веке государство всеобщего благосостояния расширило человеческое развитие на социальную и экономическую сферы, признав минимальные стандарты образования, здравоохранения, питания, благосостояния и безопасности, которые являются основами цивилизованной жизни. Государство придало гражданские и политические черты современным системам. Эти сражения проходили при жестком сопротивлении, победы давались нелегко. За каждым прогрессивным шагом следовали реакционные выпады и откаты. Борьбе за гражданскую свободу противостояли те, кто боялся тирании. Борьбе за участие в политических процессах противостояли те, кто боялся порабощения масс.

Пол Стритен считает, что мы являемся свидетелями атак на экономические свободы государства всеобщего благосостояния. На некоторых направлениях прогрессисты терпят поражение. Поэтому во имя будущего борьба за экономические права должна продолжаться.

Д. Хэндерсон не согласен с таким описанием истории и с указанными источниками прогресса. По его мнению, понятие об «*установлении минимальных стандартов в образовании, здравоохранении, питании, благосостоянии и безопасности*» не является спорным. Спорным является положение, что в сегодняшней экономике эти минимальные стандарты достигаются через коллективные действия. Во взгляд на историю в исполнении идеологов «третьего пути» *Marshall-Dahrendorf-Hirschman-Streeten* встроена вера, что прогресс, который попадает под заголовок «человеческое развитие в социальной и экономической сфере», в основном обеспечивается сверху, т. е. государством. В этом кроется их фундаментальная ошибка, извращение истории и непонимание сути создания и накопления богатства.

Идеологи интервенционизма не понимают сути реально происходивших и происходящих процессов. Они игнорируют влияние взаимосвязанных факторов на материальный аспект человеческого развития. Первый фактор – рост объемов производства по отношению к затраченным человеческим усилиям. Второй – прогресс в сфере знаний, в развитии новых, улучшенных продуктов, услуг, методов и технических возможностей. Эти два фактора действуют вместе. То, что П. Стритен называет «*социальным измерением человеческого развития*», в большей степени или почти полностью является следствием фактора экономического.

Главные уроки последних лет XX века заключаются в том, что в любой стране, где поддерживается порядок, установлены и уважаются права собственности, рынкам позволено осуществлять основное влияние на ход экономических процессов,

материальное благосостояние практически каждого возрастает чрезвычайно высокими темпами по сравнению с ранними историческими стандартами. Поэтому выводы идеологов «третьего пути», которые выделяют XX век как период достижения значительных успехов в социальной и экономической сферах якобы за счет коллективных действий, ложны.

Известный британский публицист М. Вулф из *Financial Times* очень точно возразил сторонникам «третьего пути». В одном из своих комментариев он писал, что «динамичная международная экономика уже имеет человеческое лицо. Ее человечность вытекает из экономических возможностей, которые она предлагает простым людям»¹⁰.

Сторонники точки зрения Хиршмана – Страттена недооценивают значение экономической свободы на рост благосостояния. Закономерности, установленные институтом Катона и фондом «Наследие», настолько очевидны и однозначны, что их игнорирование граничит с научной инфантильностью и озлобленным догматизмом. Интервенционисты продолжают считать, что государство лучше всех справляется с сокращением и нейтрализацией рисков, что оно должно ограничивать свободу и частную собственность, чтобы через коллективные действия добиваться равенства, справедливости и устойчивого развития. Как показала жизнь, в первую очередь для номенклатуры, политиков во власти, а также других членов коллективистского консенсуса.

Что делать

Согласно взглядам Хиршмана – Страттена, рыночно ориентированные реформы последних десятилетий видятся как «реакционные», как откат от направления прогресса. Да, действительно, реформы, проводимые с начала 90-х гг. в постсоциалистических странах, являются реакцией, но не на доминацию капитализма, а на очевидный, бесспорный провал социализма. Назвать эти преобразования регрессом могут только люди, которые либо никогда не жили и не видели, как работает этот социализм, или готовые пожертвовать миллионами людей ради реализации красивой, на их взгляд, идеи.

В бывших коммунистических странах и Китае была реакция против того, что система государственного планирования превосходит систему, построенную на частной собственности, против того, что суть прогресса заключается в постепенном упразднении рыночной деятельности. Такая реакция является одним из самых значимых позитивных изменений не только XX века, но и всей человеческой истории. Судьбы коммунистического СССР и Китая убедительно показали, что заигрывание с коллективизмом в политике и экономике ведет не к благополучию и процветанию, а к насилию и бедности.

Десятки стран мира выступают против монополии государства в экономике. Активно идет приватизация. Выходят из-под контроля государства финансовые рынки. Легче становится вход на рынок, упраздняются ценовые ограничения, в том числе на рынке денег. Эти изменения инспирированы не желанием вернуться к «золотому» прошлому, когда государство делало всех богатыми и счастливыми. Капитализм стал возвращаться потому, что, во-первых, были получены горькие уроки собственного опыта, во-вторых, произошли технические и экономические

изменения. Все это существенно расширило меню выбора. Не исключено, что в будущем возникнет точно такая же реакция против государства как монопольного поставщика услуг в сфере образования, здравоохранения или пенсионного обеспечения. Выступление против изжившей себя модели является проявлением гражданской смелости и лучшего в человеке. Это моральная позиция человека с чувством собственного достоинства, а не трусливое, безропотное принятие норм и стандартов поведения, которое корнями уходит в крепостное право и рабство.

Некоторые экономисты по-прежнему выступают за сохранение монополий в инфраструктурных, сетевых секторах, в добывающей промышленности. По-прежнему сильны позиции тех, кто не допускает частных денег. Они берегут одну из самых опасных монополий государства – монополию на рынке денег. Жесткий интервенционизм наблюдается в ТЭКе, телекоммуникациях, на транспорте. По-прежнему сильны профсоюзы, на которых лежит большая часть вины за безработицу и за созданные структурные искажения. Страны ОЭСР, в том числе ЕС, США и Япония, как зеницу ока оберегают от конкуренции свое сельское хозяйство, легкую промышленность и металлургию. Далеки от стандартов открытой конкуренции авиация и железнодорожный транспорт. Тем не менее рецепты выхода экономики из кризиса через национализацию или государственные дотации серьезно рассматривают разве только застывшие в середине XX века политические и экономические «динозавры».

Главной силой антилиберализма XXI века является не только экспертное, профессиональное сообщество. Чем больше человек понимает экономику, чем строже он подходит к научным фактам, тем меньше вероятность того, что он присоединится к антилиберальному консенсусу. Главные силы антилиберализма находятся на пересечении современных и традиционных факторов. Под традиционными факторами мы понимаем лоббистов, а также ту поддержку, которую они получают от незаинтересованных и непосредственно не вовлеченных в процесс распределения ресурсов аутсайдеров. Здесь же находятся доэкономические идеи и предположения, многие из которых до сих пор циркулируют в виде разных модификаций марксизма и кейнсианства. Эти традиционные факторы подкреплены и усилены современными. Среди них отметим широкий альянс НГО и руководителей крупного бизнеса, образовательных и медийных элит, т. е. тех, кто поддерживает алармистский консенсус, кто делает акцент на имущественном неравенстве и других диспаритетах. Прикрываясь лозунгами устойчивого развития, корпоративной ответственности и глобальной справедливости, они предлагают усилить государственное регулирование и обложить богатых еще большими налогами.

Вопреки экзальтированным утверждениям отдельных историков и социологов, с развалом Берлинской стены социализм и другие формы интервенционизма не умерли. Они переродились и создали мощный антилиберальный консенсус XXI века. Борьба за свободу на теоретическом и практическом уровнях продолжается. Выиграть ее раз и навсегда не может ни одна из сторон. Это как борьба добра со злом. Почивать на лаврах не может позволить себе ни одно поколение настоящих либералов.

14. Миры и реальности концепции устойчивого развития

Человек умирает не от болезней, а от тайного решения не оказывать им сопротивление.
Ю. Нагибин.

Число чиновников растет независимо от объема работы.
Сирил Паркинсон.

В конечном итоге люди друг другу равны – только не всегда, не везде и не во всем.
В. Гжегорчик.

*Aх, как хочется вернуться к природе!
С сигарой и рюмкой коньяку.*
Л. Кумор.

Введение

С 26 августа по 4 сентября 2002 г. в Йоханнесбурге (Южная Африка) около ста глав государств и 60 тыс. делегатов собрались на Всемирный саммит по устойчивому развитию *World Summit on Sustainable Development*. Форум был посвящен десятилетию саммита Земли в Рио-де-Жанейро. За всю историю ООН это была самая большая конференция, сконцентрировавшая внимание на глобальных проблемах современности, какими ее видят представители этой международной организации: окружающая среда, борьба с бедностью, взаимоотношения богатых и бедных, рынок и природа, государство и человек.

И хотя после саммита прошло уже немало времени, он является своеобразной идеологической вехой, которая характеризует состояние современной идеологии политического, интеллектуального и медийного *mainstream*. На первый взгляд, сам термин «устойчивое развитие» кажется безобидным и не может нести такой же смысловой нагрузки. В свое время термин «эксплуатация» в интерпретации Маркса, классовая борьба или диктатура пролетариата также казались безобидными семантическими единицами. Где вы найдете человека, который выступал бы за «неустойчивое развитие»? Однако именно тезис об устойчивом развитии поднят на знаменах интервенционистов и эстетиков всех цветов и мастей для очередной (после громкого философского и идеологического поражения социализма) атаки на свободный рынок, капитализм и индивидуализм.

Беспристрастный анализ данных, получаемых в том числе институтами ООН, Всемирным банком, ОЭСР, показывает, что ресурсов в мире становится больше, а не меньше, что Земля и без особого воздействия «зеленых», «красных», «голубых» и «розовых» развивается устойчиво. Однако сторонники концепции устойчивого развития фактам не верят.

Суть главного тезиса интервенционистов заключается в следующем: если рынок, т. е. капитализм, оставить один на один с человеком, без жесткой опеки государства, это приведет к непоправимому ущербу для окружающей среды, к бедности

и концентрации всех ресурсов в руках кучки ТНК и олигархов. Данная гипотеза, которую ООН и ее сторонники пытаются превратить в аксиому, не находит фактологического подтверждения. Она является лишь удачным *PR*-клише, маркетинговым ходом, продолжением идеологии интервенционизма.

Противопоставление экономического роста и устойчивого развития надуманно. На самом деле суть требования антиглобалистов в следующем: «На наш взгляд, это плохо, что Запад развивается так устойчиво, а страны третьего мира – нет. Дайте им часть своих ресурсов или денег, и мы поможем им развиваться более устойчиво». Главными в выполнении плана антиглобалистов являются, конечно, органы государственного управления на национальном и международном уровнях. Им должны помогать «зеленые», экологические НГО и другие сторонники равенства доходов и защиты муравьев на отдаленных островах Тихого океана за счет закрытия фабрик в США, Германии или России. Проповедуя свои лозунги, они игнорируют тот факт, что реализация на практике большинства лозунгов «зеленых» приведет к замедлению экономического роста. Рецессия сделает крайне проблематичным решение экологических задач во всем мире. Если у Запада не будет денег, то с чего он будет поддерживать тысячи экологических проектов по всему миру?

Идеологически 90% делегатов международных форумов ООН являются убежденными антиглобалистами. Попытки решить экологические и экономические проблемы мира через государство уже имели место в огромном социалистическом лагере. Они полностью провалились. Социализм распался под грузом решений «просвещенных» бюрократов и одержимой национальными интересами партхознomen-клатуры. Было ли развитие социалистической системы устойчивым? Имела ли место экологическая защита и гармония природы и человека?

Многие марксисты, которые десятилетиями не покидают удобных кафедр своих вузов или политических кабинетов, по-прежнему верят в то, что социализм – это классная идея. Вот только народ надо к нему подобрать особый. Вот они и ищут по всему миру, где бы еще поэкспериментировать. Решение экологических и социальных проблем мира через государственные трансферты сделает эти решения гораздо более дорогими, не говоря уже о вреде для граждан, с точки зрения нарушения прав собственности.

Если строго следовать фактам, философии объективизма А. Рэнд, общим принципам австрийской школы экономики или просто здравому смыслу, то естественным кажется вывод, что именно капитализм, т. е. свободный рынок, в котором священными являются права собственности, где безусловно реализуется принцип верховенства закона для всех и вся, является основой для обеспечения устойчивого развития во всех странах мира. Именно такой должна быть повестка дня как саммита в Йоханнесбурге, так и последующих собраний и форумов ООН, ОЭСР или ВЭФ. К сожалению, философской, идеологической и экономической доминантой в ООН, Всемирном банке и большинстве международных организаций являются устаревшие идеологические догмы разных видов интервенционизма. Они игнорируют опыт развития мировой экономической системы в последние 200 лет. Они не учитывают природу человека и те формальные и неформальные институты, которые определяют параметры выбора человеком способов поведения, его мотивацию и информационное поле.

Как раз в канун саммита в ЮАР директор Института Катона по изучению природных ресурсов Джерри Тейлор опубликовал работу «*Устойчивое развитие: сомнительное решение в поисках проблемы*» (*Sustainable Development: a dubious solution in search of a problem*). Свой очередной труд «*Глобализация человеческого благосостояния*» (*Globalization of Human Well-Being*) представил на саммите и Индур Гоклани, автор ряда книг по проблемам окружающей среды. Факты и аргументы этих авторов, а также выводы проведенных исследований, сильно отличаются от тех, которые можно найти в регулярных отчетах Всемирного банка *World Development Report*, работах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), например, в таких, как *Working Together Towards Sustainable Development*. Этот доклад также был опубликован к саммиту в ЮАР. Сравнение основных положений этих работ позволяет четко представить философско-идеологический и научно-экономический расклад сегодняшнего мира и увидеть опасность концепции устойчивого развития для будущего человечества.

Проблема устойчивого развития обсуждается в контексте глобализации, которая якобы делает бедных беднее, разрушает экосистемы бедных регионов и оставляет за бортом прогресса сотни миллионов людей. Дискуссии по поводу глобализации идут и вокруг темы о растущем неравенстве между богатыми и бедными. Интервенционисты упорно твердят о том, что по мере интенсификации процесса глобализации разница между доходами на душу населения в бедных и богатых странах увеличивается. На самом деле этот тезис не находит подтверждения. Даже экономисты Всемирного банка Дэвид Доллар и Аарт Краай подвергли его критике. Они считают, что «*лучшие из данных свидетельствуют: имеет место прямо противоположный процесс. Сегодняшняя волна глобализации, которая началась в 1980 г., привела к большему экономическому равенству и сокращению бедности*»¹¹. На самом деле глобализация, т. е. открытость стран друг другу в плане перемещения товаров, услуг, денег и рабочей силы, резко увеличила благосостояние людей как в бедных, так и в богатых странах. В первую очередь выиграли те, кто работает по правилам демократии и капитализма.

Что такое устойчивое развитие

Концепция устойчивого развития – одно из ключевых положений теории защиты окружающей среды. Оно не просто указывает на необходимость принятия определенных мер в области защиты природы. Оно устанавливает, как должно быть организовано все общество и как в нем проводить экономическую политику. Такой подход разделяют не только политики, активисты экологических НГО, но и многие бизнесмены, представители академических и университетских кругов.

Чтобы определить, какие социально-экономические, законодательные изменения необходимы для достижения устойчивого развития, надо сначала определить, насколько неустойчивым является сегодняшнее развитие, каковы существующие причинно-следственные связи между природой, деятельностью человека, бизнеса и государства. Представители антиглобалистского движения, которые устраивают беспорядки на улицах Сиэтла, Стокгольма, Генуи и других городов мира, где проводят саммиты ВТО, Всемирный банк или МВФ, считают, что сегодняшнее положение крайне неустойчиво. Они требуют радикальных перемен.

Поскольку научное определение термина «неустойчивость» в отношении социально-экономической модели мировой экономики невозможно, то мы сталкиваемся с сотнями различных субъективных интерпретаций. Каждая организация и группа может дать свое определение устойчивого развития и через научные конференции, учебники и СМИ убеждать полисимейкеров и простых людей, что оно является единственно правильным. Так, в докладе Комиссии по экономическому развитию ООН «Наше общее будущее», который был опубликован в еще 1987 г., устойчивое развитие определяется как развитие, которое «удовлетворяет потребности настоящего, но не за счет снижения способности будущих поколений удовлетворять их потребности»¹². Какие выводы мы можем сделать из данного определения? Каждый свои. Что мы знаем о потребностях человека в 2015, 2050 или 2200 гг.? Каков будет уровень развития техники и технологии? Как будут общаться люди через 100 лет? Если бы 20 лет назад кто-то рассказал нам, как мы сегодня будем слушать музыку и смотреть кино, как будем писать письма, мы вряд ли поверили бы.

Люди традиционно «удовлетворяют свои потребности», тратя деньги на удовольствие, одежду, образование, спорт и развлечения. Значит ли это, что устойчивое развитие является синонимом создания богатства, т. е. зарабатывания денег? Ведь аккумулируемое богатство, опыт и знания мы передаем по наследству нашим детям. Они тоже хотят устойчиво развиваться. Да, есть потребности нематериального характера: желание жить в мире, быть свободным и получать удовольствия, но сторонники концепции устойчивого развития от ООН обычно игнорируют эти психологические аспекты данной концепции. Для них определение Комиссии ООН – едва ли не призыв всячески увеличивать материальное благосостояние.

Максимизация человеческого благосостояния через реализацию концепции устойчивого развития является современным способом достижения социальной оптимальности, о которой мечтали утилитаристы еще в XIX веке. Можно ли назвать работы Адама Смита первыми призывами экономиста к устойчивому развитию? Очевидно да, потому что он попытался определить природу и причины возникновения богатства.

После публикации «Нашего общего будущего» ученые и аналитики предложили свыше семидесяти разных определений устойчивого развития. Условно их можно разбить на две группы. Для сторонников определений первой группы главным является режим, при котором ресурсная база не должна ухудшаться. Это так называемое «сильное» определение устойчивости. Сторонники другой группы опи- сывают режим, при котором ресурсная база может ухудшаться, но только в том случае, если биологические ресурсы поддерживаются на минимально критическом уровне, а богатства, создаваемые за счет использования природных ресурсов, сохраняются для будущих поколений. Иначе те будут лишены своего законного наследства. Эта категория определений известна как «слабая». Главным ее элементом является тезис об устойчивости, определяемой как объем потребления, который можно бесконечно долго поддерживать без ухудшения запасов как природного, так и созданного человеком капитала. К сожалению, и «слабое», и «сильное» определения весьма расплывчаты и не могут считаться научными. Они оставляют большую свободу для законодательного творчества полисимейкеров.

«Сильная устойчивость» слабых аналитиков

Сторонники так называемой сильной устойчивости считают, что в большинстве случаев природный капитал предпочтительнее созданного человеком путем эксплуатации природных ресурсов. Они уверены, что природный капитал предоставит будущим поколениям гораздо больше возможностей для устойчивого развития.

Данное положение весьма сомнительно. Созданный человеком капитал (технологии, оборудование, дороги, инфраструктура и т. д.) предпочтительнее голых скал, углы или глубоко залегающей руды. Созданный человеком капитал можно использовать в самых разных формах для получения коммерческой выгоды и удовлетворения нематериальных потребностей.

Сторонники сильной устойчивости считают, что мир сейчас беднее, потому что предыдущие поколения использовали нефть, железную и медную руду, минеральные продукты для производства спутников, автомобилей, компьютеров, для изобретения новых приборов для лечения людей и профилактики болезней. Профессор географии из университета Вайтако М. Харт считает, что неиспользование природных ресурсов часто непрактично и нежелательно. Зачем передавать будущим поколениям залежи минеральных продуктов, если у тех не будет технологий и знаний для их использования, для удовлетворения «*потенциальных желаний и потребностей*»? Таким образом, позиция сторонников сильной устойчивости противоречит здравому смыслу и основным положениям экономической теории. Если бы устойчивость влияла на принятие решений собственниками и предпринимателями, то не было бы добывающей промышленности, высокотехнологичного сельского хозяйства и промышленности.

Вторая проблема с концепцией сильной устойчивости заключается в том, что устойчивое использование ресурсов может быть причиной нанесения ущерба природе. Экономист Ричард Райс, эколог Реймонд Галлисон и аналитик Джон Рейд, которые на протяжении длительного времени изучали амазонскую сельву, пришли к выводу, что существующая практика вырубки лесов более полезна для устойчивого развития экосистемы, чем те методы, на которых настаивают «зеленые», т. е. интенсивные посадки большого количества видов деревьев. Но концепция устойчивости не указывает на то, как должны быть организованы лесозаготовки. Вырубка лесов может привести к потере отдельных видов деревьев, особенно если данный процесс не урегулирован в плане защиты прав собственности. Огромное количество лесных пожаров в США является результатом не лесозаготовительной политики частных компаний, а следствием реализации государством концепции сильной устойчивости.

Третья проблема с сильной устойчивостью заключается в том, что ее сторонники уверены, что сегодняшняя база природных ресурсов будет крайне важна для будущих поколений. Сохранение сегодняшней базы природных ресурсов не означает, что она будет сохраняться и в будущем. Равно как и использование природных ресурсов сегодня не значит, что будущие поколения могут остаться без ресурсов.

Ресурсы – это просто активы, которые могут быть выгодно использованы людьми для своего блага. Природные ресурсы – это набор органических и неорганических материалов, часть из которых может быть использована для выгоды людей.

Время, технологии и материальные потребности меняют представление о том, что может быть использовано людьми для получения прибыли и выгоды. К примеру, энергия волн океана сегодня не может быть использована для потребности человека, и мы не считаем ее природным ресурсом. Но когда издержки на получение такого вида энергии будут сравнимы или меньше издержек от использования существующих сегодня источников, то энергия волн станет природным ресурсом. Сто лет назад никто не считал природным ресурсом уран, полтора века назад никому не была нужна нефть, а сегодня это один из главных ресурсов человечества. Если будет разработана технология холодной плавки, то уголь, ресурс прошлого, вообще станет бесполезным в будущем. Поэтому самое понятие природных ресурсов относительно. Оно меняется в зависимости от изменения технологий и преференций человека. На него влияет фактор времени и спрос. Состав природных ресурсов сто лет назад и сегодня сильно отличается не потому, что некоторые ресурсы были полностью использованы, а из-за стремительного развития технологий. Нет оснований считать, что ресурсная база завтрашнего дня будет идентичной сегодняшней. Уже в ближайшие 30 – 50 лет могут появиться новые, немыслимые сегодня источники энергии, технологии производства, способы передачи информации, путешествий и развлечений.

Бессмысличество концепции слабой устойчивости

Концепция слабой устойчивости предполагает использование ресурсов в такой степени, чтобы сохранялся их минимальный критический уровень, а получаемые доходы были доступны будущим поколениям. Это предложение более разумно, чем предыдущее, потому что функционально не отличается от задачи экономистов максимизировать человеческое благосостояние.

Сторонники концепции слабой устойчивости ратуют за устойчивое развитие Земли с сохранением уровня человеческого благополучия и потенциала для его улучшения или, по крайней мере, недопущением снижения благополучия. В крайнем случае допускается только временное ухудшение. В этой интерпретации устойчивое развитие эквивалентно тезису о неухудшении благополучия с течением времени. Как отмечают ученые австралийского исследовательского института *Tasman Institute*, «если говорить о сути, то эффективность использования ресурсов значит их наилучшее использование. Речь идет в том числе о природных ресурсах, капитале, рабочей силе, знаниях и унаследованных институтах и культурных ценностях, которые максимизируют благополучие сообщества»¹³.

Таким образом, забота об окружающей среде является неотъемлемой частью понятия «экономическая эффективность». Если же мы примем определение, согласно которому каждый природный ресурс вне зависимости от его полезности людям должен быть сохранен выше некоего минимального критического уровня безотносительно к издержкам, то такая концепция становится просто антигуманной и неблагоприятной для будущих поколений. К примеру, американцы сохранили бы некоторое количество бизонов и не начали бы использовать чрезвычайно плодородную землю. Отвечало ли бы это экономическим и социальным интересам будущих поколений? Политика, не учитывающая анализ издержек и выгоды принимаемых решений, не может претендовать на статус моральной и эффективной в отношении

интересов будущих поколений. Включение же в анализ элемента «издержки – выгода» возвращает нас к экономической концепции максимизации благосостояния.

Справедливость между поколениями

Практически все определения устойчивого развития имеют элемент стремления к обеспечению «справедливости между поколениями». Справедливость относится не только к отношениям в рамках одного поколения (*intragenerational equity*), но и к отношениям между поколениями (*intergenerational equity*). Сторонники такого подхода считают, что будущие поколения имеют такое же право на сегодняшние природные ресурсы, как и мы, поэтому у нас нет права решать, должны они получать по наследству свою часть ресурсов или нет. Однако концепция права еще не существующих людей кажется, по крайней мере, странной. Какими механизмами можно обеспечить права будущих граждан на часть нефти, железной руды и т. д.? Если два пенсионера решили потратить на кругосветное путешествие \$50 тыс., это не значит, что они нарушили чье-то право на ресурсы или права их детей на обеспечение своего устойчивого развития.

Таким образом, концепция справедливости между поколениями является непоследовательной и противоречивой. Если решение об использовании ресурсов принадлежит будущим поколениям, то мы тоже являемся будущим поколением по отношению к поколению наших родителей. Почему же партийные боссы и представители диктатуры пролетариата не учитывали наше мнение, когда строили коммунизм в отдельно взятой стране? Если только одно поколение имеет право решать, как использовать ресурсы, то какая же это справедливость?! Если ученые серьезно относятся к концепции равенства поколений, они должны последовать совету Стивена Ландберга: «Разрешите безработным лесорубам из Орегона конфисковать видавших богатых внуков на гигантские красные деревья»¹⁴. Математика процесса очень проста: «Если ВВП на душу населения будет расти в реальном исчислении на 2% в год, то через 400 лет среднеамериканская семья из четырех человек будет зарабатывать \$2 млн. в день по курсу 1997 г. Если ВВП будет расти, как в Южной Корее, то такой же уровень благосостояния будет достигнут через 100 лет. Каждый раз, когда эксперты ООН или Всемирного банка призывают сохранить некий уголок природы для будущих поколений, они призывают отказаться от определенного уровня благополучия для будущих поколений»¹⁵.

Концепция прав на ресурсы будущих поколений основана на предпосылке, что у человека есть право силой забрать собственность для удовлетворения своих потребностей. А как же моральные принципы «не укради» и «не пожелай чужого имущества»? Почему интересы будущих поколений надо охранять политическими решениями, а не посредством сохранения рыночного механизма? Любой сравнительный анализ процесса принятия решений государственными служащими и частными лицами четко показывает, что частные агенты гораздо чаще думают о будущем, имеют в виду долгосрочную перспективу. Экономист Питер Хартли из университета Rice, а также Андрю Чисолм и Майкл Порттер из Института Тасмана, пишут: «Будущие поколения не принимают участия в выборах, но они представлены на рынке капитала. В то время как многие избиратели волнуются по поводу

будущих поколений, демократически избранные правительства склонны отражать желания маргинальных избирателей, поэтому неразумно было бы ожидать, что правительства будут действовать во имя сохранения природы и отражения взглядов консервативных избирателей. С другой стороны, рынки могут отражать экстремальные взгляды на будущую ценность ресурсов. Поскольку ценность ресурсов связана с ожиданием того, сколько другие люди будут готовы платить за данный ресурс, то представителями будущих поколений на сегодняшних рынках становятся спекулирующие агенты»¹⁶.

Поскольку сторонники устойчивого развития полагаются на действия государства, у нас есть веские причины сомневаться в том, что именно через данный механизм будущие поколения будут обеспечены ресурсами.

Миф о недостатке ресурсов

Постоянные призывы к обеспечению устойчивого развития основаны на предположении, что ресурсов становится все меньше или что некоторые из них находятся под угрозой полного использования. Ни в XX, ни в XXI веках наличие в стране природных ресурсов не является фактором, определяющим скорость экономического роста. Достаточно сравнить Россию, у которой есть вся таблица Менделеева, и Ирландию, которая еще 30 лет назад казалась безнадежным аутсайдером со стремительным оттоком людей. В экономической истории можно привести много примеров, как страны без природных ресурсов становились богатыми (Гонконг, Япония, Сингапур, Южная Корея). В менее развитых странах в условиях роста населения и ограниченного доступа к природным ресурсам экзогенные технологические инновации ведут к росту потребления в долгосрочной перспективе. Даже в растущей экономике технологическое усиление увеличивает количество ресурсов. Инвестиции в человеческий капитал, в инновации создают ситуацию, когда истощение ресурсов может быть отложено на неопределенный срок. Существует возможность постоянного долгосрочного роста, который позволяет сохранять потребление на прежнем уровне или даже увеличивать его до неопределенного уровня. Какими бы ни были выводы экономистов, моделирующих развитие экономики в будущем, факты сегодняшней жизни доказывают, что со временем объем природных ресурсов увеличивается, а не уменьшается. И нет оснований считать, что данный тренд изменится в будущем. Экономист Дж. Саймон в целом ряде своих публикаций, в том числе в замечательной книге «Неисчерпаемый ресурс», убедительно доказал, что оснований для паники по поводу истощения природных ресурсов нет.

Интервенционисты придумали концепцию устойчивого развития, чтобы разуть страхи, преувеличить риски и убедить людей наделить государство еще большими полномочиями. В раздувании экологических страшилок участвуют учёные, СМИ, политические партии, которым ранее избиратели отказали в доверии по причине полного провала их политики. Концепция устойчивого развития – это не поиск решения современных проблем. Она сама является проблемой. В случае ее реализации мир столкнется с еще большей силой Большого государства, которое не щадит ни политические, ни гражданские, ни экономические свободы.

Сельскохозяйственная устойчивость

С 1950 г. темпы производства продуктов питания существенно превышали темпы роста населения. В результате фиксируется снижение реальных цен на с/х продукцию. Как следствие, увеличилось дневное потребление калорий как в богатых, так и в бедных странах. С скачок в производстве с/х продукции произошел в результате роста производительности труда, а не за счет использования новых земель. С 1961 по 1999 гг. площади, занятые под с/х производство, увеличились только на 9%, а население за это время удвоилось. Пол Вэгоннер из *Connecticut Agricultural Experiment Station* и Джесси Осубел из университета Рокфеллера посчитали, что при сохранении существующих трендов к 2050 г. площади, используемые под с/х производство, сократятся на 200 млн. гектаров, что составляет три территории Франции. За этот же период площади, покрытые лесами, увеличатся на 10%. Комиссия ООН по продовольствию и сельскому хозяйству установила, что количество людей на Земле, которые голодают, сократилось с 35% в 1970 г. до 18% в 1997-м. Ожидается, что к 2010 г. число голодающих сократится до 10%¹⁷.

Аналогичный тренд наблюдается по недоедающим детям. В последние 20 лет XX века в развивающихся странах их число сократилось с 40% от общего количества до 30%. Ожидается, что к 2020 г. их будет 24%. Продолжающаяся практика предоставления щедрых дотаций сельскому хозяйству в развитых странах – это показатель не недостатка с/х продукции, а ее избытка. Нет оснований считать, что тренд по с/х производству вдруг изменится. Во-первых, во всем мире существуют огромные возможности для расширения с/х производства путем использования высоких с/х технологий, разработанных в богатых странах. Если они будут использованы в Африке, бедных странах Южной Америки, то мир столкнется с резким увеличением предложения продовольствия. Голод станет историей.

Во-вторых, улучшение технологий и информационного обмена уже начинает оказывать существенное влияние на работу с/х производителей. Прямые иностранные инвестиции в сельское хозяйство, снижение торговых барьеров среди развивающихся стран, введение в оборот новых, гораздо более производительных видов растений и животных являются солидной основой для окончательной победы над голодом во всем мире.

В-третьих, агронаука стремительно развивается. Ее новые открытия приводят к еще большему росту производительности труда в с/х производстве, к увеличению дневного потребления калорий в бедных странах.

В-четвертых, экономический рост в бедных странах делает продовольствие более доступными. Нет оснований считать, что в будущем мировую экономику ждет стагнация и депрессия. Конечно, военные конфликты, безответственные центральные банки и правительства могут разрушить устойчивость любой системы. Эти агенты во все времена были и остаются источниками угрозы для устойчивого развития. Тем не менее после краха тоталитарных систем (коммунистической и фашистской) у интервенционистов осталось гораздо меньше аргументов в пользу передачи экономических полномочий Большому государству.

В-пятых, ожидается, что к 2200 г. численность населения Земли стабилизируется на уровне 11 млрд. С/х потенциал с лихвой удовлетворит потребности такого

количества людей. Поэтому стенания антиглобалистов о том, что сегодняшнее поколение гробит будущее наших детей и внуков, можно сравнить с попытками чрезвычайно неуверенного в себе, обижающегося на весь мир инфантильного подростка, который хотел бы быть главным не только у себя во дворе, но и в стране, и даже на Земле.

Устойчивое развитие рыбного хозяйства

Сторонники устойчивого развития часто говорят о скором истощении рыбных ресурсов. Дж. Саймон, Б. Ломборг, Ю. Норберг на фактах убеждают, что оснований для серьезных опасений нет. Потребление рыбы составляет лишь 1% от общего объема потребляемых калорий. Через рыбные продукты люди потребляют только 6% протеина. Несмотря на муссируемые страхи по поводу скорого истощения рыбных ресурсов, достаточного количества фактов, доказывающих, что ресурсы океана реально уменьшаются, нет.

С 1950 г. общий улов рыбы возрос в 4 раза, а общий улов на душу населения увеличился в 2 раза, хотя до 1965 г. данные тренды имели одинаковую динамику¹⁸. При уменьшении некоторых коммерчески ценных видов рыб высокие цены, вкусы потребителей и образовательная кампания изменили структуру потребления рыбы. То, что сегодня коммерчески ценно, не обязательно будет таковым в будущем, и наоборот. Да, существует опасность исчезновения некоторых видов и подвидов рыб, но если рыбное хозяйство поставить на рыночные основы, если четко определить права собственности на озера, моря и даже океаны, то при сегодняшнем уровне технологий предложение рыбы наверняка будет расти.

Когда государство монополизирует или доминирует в рыбном хозяйстве, рыбные ресурсы действительно могут истощиться. Гаррет Хардин называет это «*трагедией простых людей*»¹⁹. Она связана с тем, что нет четко определенных правил собственности на моря, океаны, которые являются источниками рыбных ресурсов. В результате ни у кого нет стимулов эффективно управлять рыбными ресурсами. Огромные субсидии, квоты, жесткое регулирование рынков – все инструменты государственного регулирования не решают проблемы рыбного хозяйства. Здесь мы имеем дело с неустойчивым развитием отрасли, которая находится под тотальным контролем государства. Ее состояние – это ее полный провал.

Экономическое решение проблемы выглядит очень просто – приватизация прав на лов рыбы. Самый популярный метод приватизации – выпуск индивидуальных квот на лов рыбы, которые могут быть объектом торговли на вторичном рынке. Такой подход хорошо сработал в Исландии. При его помощи был стабилизирован объем рыбных ресурсов и одновременно защищены интересы рыбной отрасли. Еще один способ решения проблемы – так называемое рыбное фермерство. При помощи производства рыбы можно не только удовлетворить спрос, но и «снять давление» с рыбы, которая отлавливается в естественных условиях. С 1984 г. по 2000 г. объем производства рыбных ферм увеличился в 5 раз, ее объем превысил 25% от общего улова. При использовании удобрений производство рыбы на фермах может вырасти еще быстрее. Океанографы считают, что при помощи удобрений можно значительно увеличить количество фитопланктона, что приведет к росту объема производства рыбы в сотни раз.

Устойчивое потребление минеральных продуктов

Анализ трендов использования и наличия коммерчески важных металлов, источников энергии и минералов также дает результаты, о которых предпочитают не говорить на ООНовских саммитах. Оценка данных ресурсов по методике реальных цен или по методике оценки усилий, необходимых для производства одной единицы природных ресурсов, дает однозначный ответ: минералов, топливных ресурсов и металлов в мире становится больше. Существующая система однозначно обеспечивает их устойчивое производство и удовлетворяет потребление. Многие «зеленые» до сих пор не могут согласиться с тем фактом, что даже нефти становится больше. Лучшим индикатором является анализ издержек развития новых месторождений и стоимость ресурсов. Средние затраты на поиск новых залежей нефти сократились с \$12 за баррель в 1980 г. до \$7 в 1998-м, несмотря на 40-процентную инфляцию за этот период. Сегодня разведанные ресурсы нефти в 15 раз превышают те, что были в 1948 г., когда начался их учет, и на 40% – запасы 1974 г. Более того, объем используемых ресурсов в любой из периодов с 1950 г. составляет 2 – 3%.

Какой объем нефти можно перевести из разряда возможно существующих в разряд доказанно открытых залежей? Одно из исследований показывает, что на начало XXI века было открыто 6 трлн. баррелей залежей обыкновенной нефти (при нынешнем уровне потребления этого хватит на 231 год). Дополнительно существует 15 трлн. неконвенциональной нефти в такой форме, как сырье фенолы дегтя, нефтяные шельфы, оримульсии. При текущем уровне потребления их хватит на 808 лет. Аргумент, что на Земле не хватает новых месторождений нефти, не учитывает неконвенциональные месторождения, а также ценовые механизмы регулирования потребления данного товара.

Профессор Массачусетского технологического института (*MIT*) Морри Эдельмен по поводу перспектив рынка нефти пишет: «*Нефть и вправду кончается – в определенных местах и в определенное время. Добыча нефти в Аппалачских горах в США достигла максимума в 1900 г., а в Техасе – в 1972-м. Однако в глобальном измерении концепция исчерпания никогда не была верна. В конце 1970 г. доказанные запасы в странах, не входящих в ОПЕК, составляли 200 млрд. баррелей. За последовавшие 33 года эти страны добыли 460 млрд. баррелей, а запасы на сегодня оцениваются в 209 млрд. баррелей. Компании, занятые нефтедобычей, поддерживают темпы эксплуатации запасов на уровне 7% в год, после чего выводят из эксплуатации исчерпанные скважины и вводят в действие новые. Страны ОПЕК на начало этого периода имели 412 млрд. баррелей запасов. За прошедшее время они добыли 307 млрд. баррелей. Их запасы на сегодня составляют 819 млрд. баррелей, но очевидно, что они были и остаются намного больше того, что страны ОПЕК извлекли за все эти годы*»²⁰.

Опасения по поводу истощения минеральных продуктов не имеют под собой оснований. Как пишут экономисты Гарольд Барнетт и Чандлер Морс в своей классической работе «Редкость и рост», по мере того как ресурсов становится меньше, люди соответствующим образом формируют свои ожидания, что приводит к росту цен. Появляются стимулы для развития новых технологий и субститутов, что приводит к возобновлению ресурсной базы. Такая точка зрения практически не оспаривается экономистами, которые занимаются данной проблематикой.

Исторические факты подтверждают оптимизм Барнетта и Морса. Те, кто не согласен с выводами этих экономистов, не понимают теорию происхождения ресурсов. Природные ресурсы не существуют независимо от людей. Они создаются людьми. Люди являются активными агентами. У них есть идеи, согласно которым им надо трансформировать окружающий мир для удовлетворения своих желаний и достижения своих целей. Объем ресурсов не является зафиксированным или конечным, потому что ресурсы – это продукт человеческого ума, который изобрел технологии и достиг прогресса в науке. Раз ресурсы являются функцией человеческого знания, а объем знаний в последнее время увеличился, значит, не должен вызывать удивления тот факт, что и объем физических ресурсов увеличился. Одержанность идеей сохранения существующего сегодня объема ресурсов сродни желанию сохранить количество яиц, но не заботиться о курице, которая их несет.

Лесные ресурсы

Антиглобалисты бьют тревогу и по поводу истощения лесных ресурсов. Согласно самому длинному ряду данных, свидетельствующих о наличии лесных ресурсов на Земле, площадь лесных массивов увеличилась с 30,04% земной поверхности в 1950 г. до 30,89% в 1994-м²¹. Более того, все компьютерные модели прогнозируют увеличение площади лесов в будущем, вплоть до 2100 г. Причины для такого тренда следующие: открытие субститутов для древесины, увеличение плантаций леса и более эффективные вырубки. В результате развития таких практик огромные лесные массивы будут предоставлены людям для отдыха. Чего стоит одно только достижение американских ученых, которые в 2006 г. вывели вид тополя, вырастающий до 25 м за шесть лет!

С развитием сельского хозяйства Земля потеряла всего 20% от общей площади лесов. Когда агробизнес становится высокотехнологичным, нет оснований считать, что дефорестация будет продолжаться. Страхи об уничтожении так называемых дождевых лесов также необоснованы. Их площади уменьшаются со скоростью 0,3% в год, что не является необратимым трендом. При этом только 20% оригинальных дождевых лесов были «очеловечены», в то время как 50% лесных массивов в развитых странах подверглись «обработке» человеком.

Ученые, которые занимаются проблемой дефорестации, установили четкую корреляцию между отсутствием частной собственности на лесные ресурсы и активной вырубкой лесов. Лесная проблема становится явно политической. Дефорестация имеет место там, где ресурсы контролируются государством. Во-вторых, дефорестация сильно коррелирует с бедностью. Как установил Дж. Саймон, после достижения уровня дохода на душу населения \$4760 в Африке и \$5420 в Латинской Америке темпы дефорестации сократились. Причина заключается в том, что сокращается спрос на новые с/х земли. При использовании новых технологий не будет необходимости вырубать леса для новых полей.

Вторая причина дефорестации в бедных странах – потребление древесины в качестве топлива. К примеру, в 90-х гг. 80% потребленной энергии в Западной Африке производилось путем сжигания древесины. Общеизвестно, что бедность является следствием отсутствия прав собственности, нарушением принципа верховенства закона и государственной интервенции в экономику. Эксперт по лесным

ресурсам Л. Осубел пишет, что «*при существующих темпах посадок леса к 2050 г. по меньшей мере 1 млрд. куб. м древесины будет «искусственного» происхождения, т. е. из лесных плантаций. На это потребуется только пятая часть площади, из которой сегодня получается такое же количество древесины. Вместо вырубки половины лесов мира человечество оставит в покое почти 90% сегодняшних природных лесов. Практически все новые плантации леса будут находиться на заброшенных землях с/х назначения*»²².

Устойчивое развитие для животных и растений

Экологи-алармисты уверяют, что мы живем как раз во время глубокого кризиса животного мира, когда животные и растения исчезают. Якобы человек, движимый жаждой наживы, наносит экосистеме невосполнимый вред. Будущие поколения будут лишены возможности любоваться красотой тысяч видов растений и животных. Даже если принять на веру утверждения биодиверсификаторов, все равно факт остается фактом: сегодня на Земле наибольшее количество видов животных и растений, когда-либо зафиксированных человеком. Даже при самых быстрых темпах исчезновения видов животное разнообразие нарушено не будет. Тревожные цифры по исчезновению видов основаны не на наблюдениях, а на экстраполяции целого ряда предположений. По стандартной методике определения числа животных и растений делается предположение о том, сколько видов животных и растений живет на Земле. Затем биологи считают, сколько подвидов из каждого вида может исчезнуть.

Очевиден спекулятивный характер такого подхода. Ученые установили, что с 1600 г. на Земле исчезла только тысяча видов, т. е. два-три вида в год. Из стандартной же экстраполяции следует, что каждый год должно было исчезать от 17 до 100 тыс. видов. В конце XX века биологи идентифицировали 1,6 млн. видов живых существ и уверены, что учли все виды птиц, млекопитающих. При этом у них нет абсолютной уверенности в количестве учтенных видов грибков, бактерий, вирусов. Поэтому оценки количества живых существ на Земле варьируют от 3 до 100 млн. Чем больше количество видов, тем больше количество исчезнувших видов. При этом большинство из них не птицы и не млекопитающие, а грибы, бактерии и вирусы.

При анализе взаимосвязи между дефорестацией и исчезновением видов кажущейся очевидной корреляции не существует. При изучении природы Пуэрто-Рико такие связи не были установлены. За последние 400 лет в этой стране было вырублено 99% лесов, но из шестисот изначально живущих в стране видов птиц исчезли только семь²³. Аналогичная ситуация наблюдалась в США после колонизации европейцами: было вырублено почти 99% лесов, но исчез только один вид.

У «зеленых» нет фактов, а лишь гипотетические предположения, которые требуют доказательств. Это пример того, как во имя некоего тезиса НГО занимаются спекуляциями и манипуляциями фактов и мнений. В результате вместо настоящей науки мы имеем «мусорную» науку (*junk science*). Лучший из известных научных анализов животного мира – анализ Международного союза охраны природы и природных ресурсов, и констатирует он следующее: *«реальные темпы исчезновения видов остаются низкими»*.

Наличие питьевой воды

Многие регионы Земли страдали и продолжают страдать от дефицита воды, но на планете в целом мы имеем более чем адекватное количество питьевой воды. Причем ежегодно для потребления реально используется только 17% доступной воды, и ожидается, что к 2025 г. оно увеличится до 22%. К тому же более доступными становятся технологии переработки соленой воды, что делает ее ресурсы практически неисчерпаемыми. Согласно данным Всемирного банка и Института мировых ресурсов, в 2000 г. только 15 стран с населением 3,7% от общего населения Земли страдали от хронической нехватки воды. Это значит, что они не имели 2740 литров свежей воды на человека в день для нужд домашнего хозяйства, с/х производства и т.д.

Проблема снабжения водой – это проблема инфраструктуры для ее доставки, проблема очистки, но все равно за последние 50 лет она имеет позитивный тренд. В 1970 г. только 30% населения развивающихся стран имело доступ к воде, в 2000 г. – уже 80%. Доступ к базовой гигиенической инфраструктуре возрос с 23% в 1970 г. до 53% в 2000-м. Чтобы обеспечить доступ к воде всех людей в развитых странах, нужно заинвестировать около \$200 млрд. Так что проблема скоро исчезнет, даже при сохранении низких темпов экономического роста.

Отметим, что правительства развитых стран субсидируют производство воды, что делает ее дешевой и ведет к увеличению потребления. К примеру, в западных странах правительства имеют плоский тариф на доступ к ирригационной воде (на ее долю приходится 90% всей используемой воды в развитых странах и только 37% в развивающихся). Цена воды не зависит от объема потребления, поэтому нет смысла прикручивать краны. В тех же странах, которые перешли на рыночные отношения в водопотреблении, водосбережение заметно улучшилось, равно как и качество услуг по водоснабжению. Поэтому проблему водоснабжения надо видеть не в развитии промышленности или чрезмерном потреблении воды в богатых странах, а в плохом менеджменте водного бизнеса, субсидиях и блокировке рыночных механизмов.

В Докладе о развитии человека «Что кроется за нехваткой воды: власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов»²⁴, опубликованном в ноябре 2006 г. ООН, говорится, что в бедных странах Африки и Азии около 1 млрд. человек не имеет доступа к чистой питьевой воде, 2,6 млрд. до сих пор не могут пользоваться надлежащей канализацией, «каждый год почти 1,8 млн. детей умирает от диареи и других заболеваний, вызванных грязной водой и плохой канализацией». 4900 детских смертей в день! А развитый мир предпочитает бороться с пассивным курением, табачными компаниями, тратить десятки миллионов долларов на изучение социальной ответственности бизнеса и на пропаганду антинаучных идей Киотского протокола. В 2004 г. от диареи погибло больше людей, чем каждый год в вооруженных конфликтах в 90-е гг. А если подсчитать, сколько денег тратится на содержание аппарата международных организаций и на проведение разного рода конференций за счет денег налогоплательщиков, то проблема адекватности международных организаций и национальных правительств становится еще более острой.

Трудно принять факт, что в начале XXI века грязная вода является вторым по масштабу преступлений убийцей детей. Большинство политиков национального и международного уровня до сих пор считают борьбу с глобализацией и ТНК более

важной, чем строительство водопроводов и туалетов в бедных странах. Для РР и медийной поддержки не столь интересно, сколько километров водопровода было построено, сколько домов было оборудовано канализацией, удобными, теплыми и чистыми туалетами. Феминистки часто доходят до абсурда в представлении позиции женщин, а в это время миллионы представительниц прекрасной половины часами носят воду из колодцев.

Богатые в бедных странах имеют доступ ко всем благам цивилизации. Они платят за воду меньше, чем их бедные соотечественники. Двоих из трех, лишенных доступа к чистой воде, живут менее чем на \$2 в день. «*Водопровод в доме имеют в среднем около 85% наиболее состоятельных 20% населения и 25% из 20% самых бедных... Абсурдность ситуации, характерной для большей части развивающихся стран, заключается в том, что неимущие жители не только имеют меньший доступ к воде вообще и к меньшему ее количеству, но и платят за нее одну из самых высоких цен в мире*»²⁵. В развитых странах домашнее хозяйство редко платит за воду более 3% месячного дохода, а в бедных, случается, на эти цели уходит свыше 10%. Более того, в некоторых развивающихся странах бедные платят за воду и канализацию в 5 – 10 раз больше, чем их богатые соотечественники.

Казалось бы, провал политики государственного интервенционизма очевиден. К сожалению, ООН продолжает говорить скорее о политических, номенклатурных способах решения проблем с водой и канализацией. Эксперты этой международной организации предлагают, по сути дела, инициировать национальный проект со щедрой поддержкой доноров из богатых стран. При этом они констатируют, что «*даже в большей степени, чем водоснабжение, от бюрократической неразберихи страны дает решение проблем канализации, плохого национального планирования и отсутствия должного внимания*».

Правительства бедных стран на всех континентах довели свои народы до нищеты, а эксперты из ООН, ОЭСР и других международных организаций, которые поддерживают концепцию устойчивого развития, предлагают предоставить им право увеличивать государственные инвестиции в водопроводы и канализацию, оформлять юридически в виде прав человека право человека на доступ к воде, освободить бедных от платы за воду. К тому же ООН рекомендует правительствам поддерживать развитие технологий водоснабжения, но ни словом не обмолвилась о создании рынка воды, о доступе к нему иностранных инвесторов. Ни слова о том, почему чиновники не делали водоснабжение и канализацию приоритетом до сих пор и почему социализм ни в этой, ни в какой другой сферах не сработал.

В докладе ООН нет ни одного примера того, как частная инициатива без вмешательства государства решает проблему не только снабжения воды, но и полетов в космос. ООН продолжает считать, что чиновники и бюрократы лучше справляются со строительством водопроводов и туалетов, чем частный бизнес. И в этом ее глубокое заблуждение. Именно интервенционисты национального и международного уровня несут моральную ответственность за нищету бедных стран, за сотни тысяч смертей, которых можно было бы избежать при иных приоритетах интервенционистов.

Международные чиновники на очень высоких зарплатах продолжают жить по рецептам плановой экономики и «справедливого» распределения. Реализация советов ООН в бедных странах – это стимулирование коррупции, поддержка доморощенных

щенных олигархов, обогащение властных политиков за счет международных грантов. Это рост ненависти бедных стран к богатым, ведь ООН им же внушает, что вода, канализация и многое другое – это их права человека. Она же указывает, кто должен заплатить за их реализацию – богатый Запад. Так создается пресловутый конфликт Севера и Юга. Мало сказать, что миллионы людей умирают от плохой воды. Надо предлагать адекватные решения проблемы, а не уповать на то, что политики, бюрократы и главы племен в бедных странах вдруг в одночасье проникнутся идеей всеобщего добра и вместо личных дворцов начнут строить общественные туалеты.

Интересные факты по динамике загрязнения атмосферы

Очередным пунктом в повестке дня «зеленых» являются выбросы в атмосферу вредных веществ. Могут ли очистные сооружения нейтрализовать выбросы промышленных предприятий? Ряд исследований показывает, что в западных странах такие сооружения действительно эффективны.

Самыми опасными веществами, с точки зрения загрязнения окружающей среды, являются твердые частицы (дым, сажа), диоксид серы, свинец, оксиды азота и углерода. В развитых странах концентрация всех этих веществ в воздухе резко сократилась. Отметим: чтобы сделать выводы по всем странам, данных по концентрации в воздухе вредных веществ недостаточно. Только США имеют необходимое количество информации. Вот какие выводы сделали ученые из анализа данных по состоянию атмосферы:

- с 1957 по 1997 гг. концентрация твердых частиц в воздухе сократилась на 40 – 50%;
- с 1988 по 1997 гг. концентрация частиц меньше 10 мкм, которые считаются более вредными, чем крупные, уменьшилась на 25%;
- в 1965 – 1971 гг. концентрация свинца увеличилась, но с 1974 по 1997 гг. резко сократилась на 95%;
- с 1962 г., когда был осуществлен первый замер данного показателя, по 1997 г. концентрация двуокиси серы уменьшилась почти в 5 раз; в период точных статистических наблюдений с 1974 по 1997 гг. концентрация уменьшилась на 60%;
- с 1974 по 1997 гг. концентрация озона уменьшилась на 30%;
- с 1970 по 1997 гг. концентрация угарного газа сократилась на 75%;
- с 1974 по 1997 гг. концентрация оксидов азота уменьшилась на 20%;
- в 1977 – 1999 гг. экономические издержки, связанные с загрязнением воздуха, сократились в США на две трети, с \$3600 до \$1300 на человека.

Эмпирические данные показывают четкую корреляцию между доходом на душу населения и сокращением эмиссии вредных веществ. Данные по Европе не носят такого системного характера. Понятно: когда экономическое развитие достигает определенного уровня, выбросы в атмосферу вредных веществ начинают резко снижаться. Многие экономисты изучали связь между экономическим ростом, темпами индустриализации и качеством окружающей среды. Данные взаимоотноше-

ния описываются экологическими кривыми Кузнецца. Вот какие выводы были сделаны:

- концентрация двуокиси серы падает, когда доход на душу населения увеличивается с \$3670 до \$8916;
- концентрация твердых частиц падает, когда доход на душу населения увеличивается с \$3280 до \$7300;
- концентрация оксидов азота падает, когда доход на душу населения увеличивается с \$12.041 до \$14.700;
- концентрация угарного газа сокращается, когда доход на душу населения увеличивается с \$6241 до \$9900.

Анализ качества воздуха «Мегагород», который был проведен Всемирной организацией здравоохранения по проекту *Global Environmental Monitoring System*, показал, что после достижения определенного уровня благополучия концентрация вредных веществ в городе начинает сокращаться.

Данные Всемирного банка показывают однозначную корреляцию между доходом на душу населения и доступом к питьевой воде, очистной инфраструктуре. «Бедность и деградация окружающей среды идут рука об руку». С другой стороны, экономическое развитие создает ресурсы, которые потом используются для защиты здоровья человека и экосистемы. К счастью, доход на душу населения растет во всех регионах мира. С 1972 г. в Африке он вырос на 13%, в Азии – на 72%, в Латинской Америке – на 35%. Только в Западной Азии наблюдалось сокращение доходов на 6%, но и этот тренд легко обратим, если политики и олигархи откажутся от религиозных и идеологических догм.

Здоровье человека

Лучшим показателем состояния окружающей среды является здоровье людей. При ухудшении качества экосистемы следовало бы ожидать увеличения числа болезней, сокращения продолжительности жизни, увеличения детской смертности и т. д. Но факты свидетельствуют, что здоровье населения Земли улучшается. Продолжительность жизни ребенка, рожденного в начале XXI века, на 8 лет больше, чем того, кто родился 30 лет назад. Продолжительность жизни увеличивается, растет доход на душу населения – Земля становится лучшим местом для жизни. Если бы наша экосистема действительно находилась в кризисе, наблюдать такую тенденцию было бы невозможно. Сегодня бедные страны могут спокойно «перепрыгнуть» этап так называемой промышленной революции, которая характеризовалась «грязными» производствами за счет использования современных технологий. Они имеют совершенно иные стандарты.

Перед бедными странами открыты три пути обеспечения своей экономики энергией. Первый путь – копировать худшие технологии Запада (так называемый угольный путь XIX века), второй – лучшее, что есть на Западе (нефтяной путь по сегодняшней модели США или Германии), и третий путь – сразу перейти к децентрализованной системе принятия экономических решений, т. е. к капитализму. Эта система была лучшей из всех известных человечеству в XIX и XX веках. Нет оснований считать, что в XXI веке ситуация изменится.

Сегодня список новых источников энергии гораздо шире, чем полвека назад. В него входит и газ, и солнечная энергия, и энергия ветра, и биотопливо, и многое другое. Бедные страны имеют возможность совершить прыжок через одно-два технологических поколения. Главное, чтобы решения о том, какие технологии использовать, какие сектора развивать, принимали не чиновники, а рынки, т. е. частные инвесторы, предприниматели и их судьи – потребители. Когда частный сектор посчитает, что ему это выгодно, он будет использовать технологии XXI века. Многие восстанавливаемые источники энергии по-прежнему очень дороги, поэтому и не находят коммерческого применения. Навязывание их развивающимся странам приведет к резкому ограничению тех ресурсов, которые должны обеспечивать устойчивое развитие.

Известный экономист Индур Гоклани, занимающийся проблемами ресурсов и глобализации, анализирует пять индикаторов, которые, с его точки зрения, характеризуют благополучие человека. Три из них определяют нищету и отражают «негативное благополучие», один – позитивное. Пятый – известный ооновский Индекс развития человеческого потенциала, который объединяет показатель дохода на душу населения и еще два позитивных индикатора. Негативные индикаторы – это наличие пищевых продуктов (низкий уровень эквивалентен голода), детская смертность и детский труд.

Еще 50 лет назад голод уносил десятки миллионов жизней на всей Земле. Только в Китае в 1959 – 1961 гг. от голода умерло более 30 млн. человек. Первый шаг к улучшению здоровья населения – улучшение качества пищи. Голод сдерживает образование, технологический прогресс и каждый вид творческой деятельности.

Высокий уровень детской смертности и объем труда, выполняемого детьми, также характеризует устойчивость системы. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 1997 – 1999 гг. продолжительность жизни, скорректированная на инвалидность, для США, Китая и Индии составила соответственно 70, 62,3 и 53,2 лет. В 1950 – 1955 гг. эти страны имели продолжительность жизни соответственно 69, 40,8, 38,7 лет. С 1984 по 1994 гг. количество инвалидов в возрастной группе старше 65 лет уменьшалось на 1,3% ежегодно. В результате в США стало на 1,2 млн. инвалидов меньше.

С 1950 по 2000 гг. население мира увеличилось на 140%, а доход на душу населения за это время – на 170%. По причине огромного роста производительности с/х труда и благодаря международной торговле реальные цены на продовольствие сегодня самые низкие в истории. С 1961 по 1999 гг. среднее дневное количество калорий, потребляемое людьми, увеличилось с 2257 до 2808. Темпы роста в развивающихся странах были еще больше – на 39%, с 1932 до 2684 калорий. Китайцы стали питаться на 40% лучше (судя по калориям). В 1961 г. они потребляли только 1636 калорий, в 1999-м – уже 3044. Для Индии эти показатели составляют 1635 калорий в 1950-51 гг. и 2417 в 1999 г.

До промышленной революции детская смертность в отдельных регионах достигала 200 на тысячу новорожденных. В XIX веке уровень детской смертности начал падать, как следствие улучшения с/х производства, питания и медицинского обслуживания. В 50-х гг. в развитых странах показатель детской смертности был равен 59,

а в развивающихся – 178; в 1998 г. в развитых странах – 9, а в развивающихся – 64. Как свидетельствуют данные по детской смертности, меньше всего этот показатель улучшился в странах, которые не обеспечивали быстрого экономического роста, т. е. в социалистических странах.

На протяжении большой части истории человечества продолжительность жизни составляла 20 – 30 лет. Начиная со второй половины XIX века в развитых странах с рыночными институтами наблюдается постоянный рост продолжительности жизни. Факторы, которые повлияли на этот тренд, – увеличение количества продуктов питания, появление новых лекарств, улучшение санитарных условий, доступ к чистой воде, пастеризация, вакцинация, антибиотики и использование пестицидов типа ДДТ для контроля малярии. В начале 50-х гг. XX века разница в продолжительности жизни между развитыми и развивающимися странами составляла 25,7 лет. К концу 90-х – только 11,6 лет.

По мере глобализации и экономические, и людские ресурсы будут расти. Отношение к СПИДу, например со стороны США и стран Африки, наглядно демонстрирует, что нужно предпринимать для решения проблемы. Развитие технологий, появление новых лекарств, распространение информации – все это привело к тому, что число смертей от СПИДа в США сократилось с 50.610 в 1995 г. до 16.273 в 1999-м, а количество инфицированных за это время увеличилось с 216.796 до 320.282. В 1996 г. СПИД был восьмой по значимости причиной смерти в США, в 1998 г. – только пятнадцатой.

Многие страны запретили использование ДДТ и свернули его производство. Для богатых стран это прошло практически незамеченным: для них проблемы малярии не было. А вот для развивающихся стран последствия были трагическими. Перенос своего информационного поля на жителей бедных стран, игнорирование качества и сути формальных и неформальных институтов вкупе с более высокими ценами на продовольствие (по причине сокращения объемов внутреннего производства), патерналистский подход НГО богатых стран к развивающимся в плане запрета ДДТ (они постоянно говорили о пользе для людей и об устойчивом развитии) привел к трагическим последствиям. При этом богатые страны заблокировали доступ бедным к самому эффективному из имеющихся у них видов оружия в борьбе с малярией – ДДТ. В результате смертность в Африке резко увеличилась. В 1939 г. она составляла 216 на 100 тыс. населения, в 1970-м – 107, а в 1997-м – 165. Согласно Докладу Всемирной организации здравоохранения (1999), с 1990 по 1997 гг. в странах Африки к югу от Сахары смертность от малярии увеличилась со 148 до 165 случаев на 100 тыс. человек. Даже при росте заболеваемости малярией, СПИДом продолжительность жизни в африканских странах к югу от Сахары на 20 – 30 лет больше, чем до глобализации.

Принимая во внимание состояние окружающей среды, здоровья населения Земли, можно сделать вывод об улучшении благосостояния населения нашей планеты. Даже небольшие дозы политической и экономической свободы существенно оздоровили и обогатили Землю. В результате прогрессивной, гуманной комбинация экономического роста, технологического прогресса, которые невозможны в репрессивных странах, люди живут больше, чем 50 лет назад, питаются лучше. Они более образованы и открыты. Вероятность того, что в бедных странах дети пойдут не работать, а учиться, сильно возросла. И все это благодаря реализации на практике идей свободы.

Температура воздуха и климат

Угроза глобального потепления – основное идеологическое оружие антиглобалистов. При научном анализе аргументы сторонников глобального потепления не выдерживают критики. Гипотеза о том, что глобальное потепление приведет к истощению ресурсов, не находит подтверждения. В XX веке потепление было незначительным, около 1 градуса. Это гораздо меньше, чем следовало из моделей климатологов, построенных на продолжении линейных трендов.

Согласно прогнозу ООН, до 2050 г. дополнительное потепление от деятельности людей будет составлять 1,17 – 1,35 градуса. Это приведет к повышению уровня моря от 3 до 5,3 дюйма. Климатологи установили, что небольшое потепление, которое имело место в XX веке, было сконцентрировано на северных широтах во время зимней ночи. Остальные части планеты не показывают признаков потепления. Если оно будет продолжаться такими темпами, то никакого апокалипсиса не будет. Более того, потепление полярных территорий принесет экономическую выгоду.

Более теплый климат приведет к тому, что западные ветры принесут больше дождей в засушливую часть Китая и сделают его пригодным для с/х производства. В подтверждение этой гипотезы китайцы приводят интересные исторические факты. В теплые 1750 – 1790 гг. урожайность была выше, чем в холодные 1841 – 1890 гг.

Из программы по защите окружающей среды ООН, в рамках которой были проведены симуляционные эксперименты, следует вывод, что нетто-эффект от потепления будет позитивным для более холодных частей мира и негативным для субтропиков и тропиков. Надо иметь в виду, что технологические инновации постоянно уменьшают эмиссию газов и твердых веществ, которые воздействуют на атмосферу. Даже если бы в результате потепления к концу XXI века ВВП мира сокращался на 10% в годовом выражении (традиционные оценки – сокращение ВВП мира на 1 – 2% каждый год), то ВВП на душу населения будет только в 3,95 раза больше, чем сегодня, а не в 4,4 раза, если бы глобального потепления не было бы.

Таковы результаты симуляционных экспериментов, которые учитывают все существующие тренды. В результате потепления с 1990 по 2060 гг. производство зерновых вырастет на 83%. Если скорректировать данную цифру на температурный фактор, то рост производства сократится на 1,1 – 2,4%.

Таким образом, политика контроля эмиссии газов, которые являются причиной потепления, приносит экономике больше вреда по сравнению с ситуацией, когда таких мер вообще нет. Как сказал бывший главный экономист Всемирного банка Лоренс Саммерс, «бедность является более опасным убийцей, чем любой предполагаемый экологический вред. Никто не должен себя тешить иллюзиями насчет того, что он оказывает услугу Бангладеш, когда высказывает опасения по поводу глобального потепления».

О глобальном потеплении с научной точки зрения

Зима 2006-07 гг., тема погоды и климата прочно стала одной из самых популярных на бытовом, политическом, медийном и научном уровнях. Только ленивый не обсуждает изменение климата. Одним теплая зима нравится: благодаря ей мы ско-

номили много ресурсов и денег. Другие страдают от серости бесснежной природы. Для многих политиков и комментаторов, особенно на Западе, тема климата стала удобной ширмой для отвлечения людей от решения насущных проблем. А сколько денег расходуют правительства и разного рода фонды на проведение тысяч конференций, написание книг и статей! Политики хотят казаться этакими атлантами, которым под силу повернуть реки вспять, «защитить» озоновую дыру, поддержать скорость течения Гольфстрима и даже повлиять на количество пятен на Солнце. При этом они не могут справиться с простыми земными делами – сбалансировать бюджет, отменить субсидии неэффективным производителям, создать прозрачную, ответственную систему управления, подавить терроризм. Вместо этого они мечтают о звездах и теоретизируют по поводу глобального потепления. Вернее о том, как под эти темы можно получить бюджетные деньги и заработать за счет налогоплательщиков. Жару в споры добавляют разные группы энергетических лоббистов, которые каждый на свой лад интерпретируют климатические данные и использует их в разговоре с чиновниками.

Климатологи тратят много сил на создание объемных докладов. Политики же вместо того чтобы полагаться на их исследования, начинают фантазировать, придумывать свои выводы. Особенно часто извращаемыми являются те места в научных докладах, в которых говорится о неточности или недостаточности научных данных о потеплении климата. То, что для ученых-климатологов является возможным, для политизированных комментаторов – высоковероятным или почти реальным. То, что для ученых является свидетельством естественной цикличности природных явлений, для комментаторов – присущей только нашему времени природной аномалией, вызванной деятельностью человека. Ученые убеждают, что поводов для паники нет. Более того, есть все основания жить спокойно и решать проблемы, созданные людьми, а не менять уклад, придуманный не *homo sapience*. Политикам же и разным группам производителей не терпится использовать темы глобального потепления для личного обогащения.

В 2006 г. климатологи установили, что темпы глобального потепления постоянны – с 1975 г. около 0,18 градуса за каждое десятилетие. Поэтому нет оснований говорить о том, что процесс глобального потепления ускорился. Не является новостью и то, что возрастающая концентрация двуокиси углерода в атмосфере является причиной повышения температуры на поверхности земли, причем в зимнее время этот процесс идет интенсивнее, и в основном в высоких и средних широтах. Поэтому даже если верить компьютерному моделированию, то в 2000 – 2100 гг. глобальный климат потеплеет на 1,8 градуса.

Небольшая группа особо активных алармистов рисует катастрофический сценарий. Представители этой группы считают, что к 2100 г. льды Гренландии растают, и это приведет к повышению уровня мирового океана на 3 м. Как и многие другие алармисты, эти комментаторы не дружат с фактами. В начале и середине XX века таяние льда в южной части Гренландии шло более интенсивно. За исключением 2003 г. температурные изменения на этом острове в последние 30 лет соответствуют норме. Согласно данным авторитетного журнала *Science*, ежегодно Гренландия теряет около 0,0004% своего льда, или 0,4% за век. Чтобы весь лед на этом острове растаял, нужно более тысячи лет и повышение концентрации углекислого газа в три

раза. Такие предположения выглядят мало реалистичными, потому что, достигнув пика в 1979 г., за последние 30 лет концентрация углекислого газа на душу населения практически не изменилась. По последним данным, она составляет 1,14 т на душу населения.

Факты о климате

Ученые-климатологи, мнения которых опубликовал Институт Фрейзера²⁶, делают целый ряд интересных выводов: «*Данные, собранные метеорологическими станциями с 1979 г., не представляют достаточных доказательств для поддержки гипотезы об атмосферном потеплении; в последнем докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН (МГЭИК) эти тенденции оценены почти на нулевом уровне*». В нижнем слое атмосферы признаков существенного потепления не наблюдается, несмотря на то, что теоретические модели изучения процессов глобального потепления предсказывают ощущимое потепление именно там.

Ученые установили тенденцию роста температуры с 1900 по 1940 гг. и с 1979 г. по сегодняшний день, причем в Южном полушарии потепление идет гораздо медленнее. «*На сегодняшний день нет убедительных доказательств наличия опасных или необратимых тенденций в изменении климата. Впечатление о том, что в мире участились случаи экстремальных погодных условий, складывается во многом из-за постоянного привлечения внимания к этой теме репортажами алармистского характера. Для научного подтверждения этой гипотезы проверенных данных слишком мало*27. С природными катаклизмами получается примерно то же самое, что и с самолетами. Каждое происшествие сразу же привлекает внимание СМИ. Складывается впечатление, что самолетами летать опасно. На самом деле этот вид транспорта является одним из самых безопасных.

Люди любят смотреть по ТВ репортажи об ураганах, снегопадах, бурях или торнадо. В сегодняшнем глобальном мире такие события происходят едва ли не каждый день. Вот и создается впечатление, что мир идет к коллапсу. А климатологи, работающие с фактами, показаниями приборов, делают еще один вывод: «*Единой в глобальном масштабе модели долговременных тенденций выпадения осадков, в частности выпадения снега или его глубины, нет. До 1990 г. произошло существенное утончение плотности льда в Антарктике, но затем оно прекратилось. Ученых нет убедительных доказательств того, что существуют какие-либо тенденции изменения плотности льда в Антарктике*». Так что ужастики о том, как талые воды покрытых льдом континентов затопят половину Европы не имеют под собой оснований. Институт Фрейзера делает вывод: «*В глобальных масштабах нет тенденций ни изменения площадей, покрытых снегом, ни глубины снега*».

В докладе ООН 2007 г. существенно скорректировано повышение уровня мирового океана. К 2100 г. с учетом гипотезы о концентрации углекислого газа он поднимется на 44 см. Данные этого прогноза на 40% меньше предыдущих спекуляций ООН на эту тему. Имеющиеся сегодня данные показывают, что уровень мирового океана повышается на 2–3 мм в год. Моделирование предсказывает повышение в ближайшие 100 лет примерно на 20 см при потеплении на 2–4,5 градуса. «*Ученые пришли к выводу, что естественные колебания температуры выше, чем предполагалось*».

галось раньше; возросла и неуверенность в точности исторических температурных данных». Это сегодня климатологи пользуются точными спутниковыми данными, а раньше точность наблюдений была гораздо ниже. Отсюда сложности в исторических сравнениях.

Объяснить тенденции изменения климата на основе определенного фактора, например эмиссии парниковых газов, формально невозможно. Поэтому такого рода объяснения полагаются на компьютерное моделирование. При этом они имеют большую долю допущений, в которых не учитываются такие важные факторы, как солнечная активность, изменения в пользовании земли или влияние аэрозолей. На самом деле потенциал влияния аэрозолей на климат Земли в три раза превышает антропогенные эмиссии углекислого газа. Ученые еще только начинают изучать воздействие аэрозолей на продолжительность жизни облаков и на их способность отражать солнечные лучи.

До сих пор большой загадкой в изменении климата Земли остается Солнце. В ответ на изменение интенсивности солнечного излучения тропосфера становится теплее, влажнее и плотнее. Данные четвертого доклада МГЭИК показывают, что сегодня солнечная активность, оцениваемая по количеству пятен на Солнце и определенным изотопам, одна из самых высоких за последние 8 тыс. лет. С 1700 г. по настоящее время она растет. Чем выше активность Солнца, тем холоднее климат. И как бы человечество ни старалось, оно на эту аксиому даже десятью Киотскими протоколами повлиять не сможет.

Компьютеры не заменят здравого смысла

Данные компьютерных климатических игр о предсказании климата, особенно на региональном уровне, не могут быть точными. Многие климатологи вообще ставят под сомнение выводы такого анализа. Ученые без помощи программного продукта установили, что «температурные колебания совершенно естественны, и мы все еще не знаем, до какой степени они вызваны деятельностью человека и каков их эффект – отрицательный или положительный».

Климат Земли является чрезвычайно сложной системой. За последние 200 лет в большинстве регионов климат мало изменился. «Проблемы наблюдения, включая недостаток данных и изменение способа использования земли, сильно затрудняют интерпретации этих данных». Другие, более надежные данные (от спутников, радиозондов, температуры океана) показывают, что потепление идет гораздо медленнее. Изменения происходят в рамках естественных региональных колебаний. «Убедительных доказательств того, что в природе развиваются опасные, беспрецедентные явления, нет». Разные группы климатологов провели анализ аномальных температур и существенных отклонений в сторону похолодания или потепления не установили. В 1979 – 2004 гг. температура в нижнем слое атмосферы варьировала от 0,04 до 0,2 градуса за 10 лет. Экстраполяция на столетие дает среднедекадное изменение температуры в промежутке от 0,14 до 0,5 градуса. Существенного потепления в тропической тропосфере, которая составляет половину атмосферы Земли, ученые не установили. Если бы гипотеза о влиянии антропогенных парниковых газов была верной, следовало бы ожидать потепления именно здесь.

Есть еще одно малоизученное явление – Гольфстрим. Ученые считают, что в течение последних 120 тыс. лет существует взаимосвязь между его интенсивностью и внезапными изменениями температуры на Земле. Как океаны переносят тепло, с какой интенсивностью и когда выбрасывают в атмосферу углекислый газ, до сих пор остается загадкой. Однако экологов-алармистов это не смущает.

В исторической перспективе сегодняшние температуры не являются беспрецедентными. В течение последних 100 млн. лет температура на Земле была выше, чем сегодня. Большую часть своей истории Земля не имела льда. 3 млн. лет назад климат был на 2–3 градуса теплее, чем сегодня. С другой стороны, в последний миллион лет ученые зафиксировали температуры ниже сегодняшних. Продолжительные ледниковые периоды чередовались с короткими (промежутки между ледниками варьировали от 10 тыс. до 30 тыс. лет). Последний такой период длился с 129 тыс. года до 116 тыс. года. Он был теплее, чем сегодня, а температура в Арктике и Гренландии была на 4–5 градусов выше.

Последний ледниковый период начался около 116 тыс. лет назад и достиг своего максимума около 21 тыс. лет назад. Потепление началось в интервале 20 – 10 тыс. лет назад. При этом внезапные и сильные температурные колебания периодически имели место в течение последней тысячи лет. Так, ученые зафиксировали драматическое потепление в Гренландии на 8–16 градусов в течение нескольких десятков лет. После этого похолодание шло гораздо медленнее. Еще один пример резкого изменения в природе – так называемое событие Хайнриха, когда в течение нескольких тысяч лет поверхность моря охлаждалась, а потом всего за несколько десятилетий резко нагрелась.

У природы нет плохой погоды

Ученые считают, что гипотеза, согласно которой с началом эпохи индустриализации парниковые газы могут привести к значительному потеплению климата Земли, заслуживает внимания. Однако она не может быть доказана только при помощи формальных теоретических аргументов или компьютерных моделей. Даные, которыми сегодня располагают ученые, не позволяют считать ее доказанной.

Аргументы в пользу данной гипотезы основаны на компьютерном моделировании. Но на них нельзя делать научные выводы, тем более принимать решения по распределению ресурсов или бюджетных денег. Используемые сегодня модели не являются прямыми расчетами по жестким правилам физики. Они основаны на эмпирически приближенных, примерных данных о процессах в океане и атмосфере. По мнению *Frazer Institute*, неопределенность будущих изменений климата остается такой, что мы не можем сказать, в какой степени текущее потепление является результатом действия людей.

Таким образом, нет никаких оснований опасаться глобальных изменений климата. Оставим экологический алармизм для людей, которые не могут занять себя более научными и полезными проектами. Можем посочувствовать и даже посмеяться над теми, кто принимает угрозы сторонников глобального потепления всерьез. Они поступают, как экологи-экономисты в известном анекдоте. «Физик, химик и экономист оказались на необитаемом острове. Есть им нечего. Вдруг волны выбираются на берег банку консервов. Физик предлагает: «Давайте откроем банку»

острым камнем». Химик возражает: «Лучше разожжем костер и нагреем банку». Экономист: «Давайте лучше предположим, что у нас есть открывалка».

Повестка дня для устойчивого развития

Данные о наличии и использовании ресурсов Земли однозначно показывают, что западный мир находится на устойчивом пути развития. Ресурсов становится больше, состояние окружающей среды улучшается, доход на душу населения растет. Чтобы обеспечить устойчивость развития, развивающиеся страны должны выучить уроки исследования одиннадцати стран (Китай, Коста-Рика, Гана, Индонезия, Мексика, Марокко, Филиппины, Польша, Шри-Ланка, Тунис и Зимбабве)²⁸, прошедшего Всемирным банком. Один из выводов заключается в том, что для обеспечения устойчивого развития огромное значение имеет внутренняя экономическая политика. Если стоит задача сохранить природу и обеспечить экологический баланс, то самыми благоприятными формами государственной деятельности является изменение обменного курса или ставки рефинансирования, сокращение дефицита бюджета, проведение рыночной либерализации, открытие страны для внешней торговли, усиление роли частного сектора, усиление правительства и рыночных институтов вкупе с рыночной ценовой политикой в области промышленности и сельского хозяйства.

Данные выводы подтверждаются целым рядом других исследований, которые показывают важность экономической либерализации для решения экологических проблем. Тем не менее выводы из доклада Всемирного банка, который сам активно поддерживает концепцию устойчивого развития, показательны: «*Во многих развивающихся странах неуместные попытки стимулирования развития отдельных регионов или секторов создали целый ряд проблем иискажений на товарном, секторальном, макроэкономическом уровнях, в структуре цен. В результате имела место экономическая неэффективность системы, стагнация, которая ведет к чрезмерной эксплуатации ресурсов и загрязнению окружающей среды*»²⁹.

Авторы исследования посчитали, что как минимум 30% всего объема загрязнения Китая – результат неэффективных механизмов плановой экономики. И проблема не только в субсидиях. Проблема в самой природе социализма. Экономист Майкл Бернстам представил убедительные доказательства того, что свободный рынок использует энергию и природные ресурсы более эффективно, чем социалистические экономики. Как заметили Д. Пирс и Дж. Уорфорд из университета Тафтс (США), «централизация власти означает признание деградации окружающей среды».

Социалистическая система представляет собой серьезную угрозу для устойчивого развития и с/х производства. Государственная интервенция усиливает неуверенность в плане реализации прав собственности и выполнения контрактных обязательств, что также оказывает негативное воздействие на окружающую среду. После того как жители трущоб в Индонезии получили права собственности на свои жилища, инвестиции домашних хозяйств в инфраструктуру гигиены устроились.

Второй вывод исследования заключается в том, что либерализация вкупе с промышленными субсидиями может привести к негативным для окружающей среды последствиям. Принятие мер по стимулированию экспорта или программы либера-

лизации торговли без отмены субсидий и экономических преференций по использованию различных природных ресурсов ведет к их чрезмерной эксплуатации. Экономическая либерализация вкупе с плохой отчетностью по экологическим стандартам государственных предприятий, неадекватной реализацией прав собственности или слабым финансовым посредничеством склонны к искажению стимулов по эффективному управлению ресурсами.

Третий вывод: «*меры, направленные на достижение макроэкономической стабилизации, оказываются полезными и для окружающей среды*». К примеру, высокие процентные ставки, которые имеют место во время экономических кризисов, сильно подрывают устойчивость производства. Инфляция также резко сокращает стоимость произведенных и непроданных товаров (при фиксированных ценах). Активная монетарная и фискальная политика в последние десятилетия была самой главной причиной недооценки интересов будущих поколений, поскольку удерживала чрезвычайно высокими процентные ставки. Налоговая политика тоже имеет серьезное влияние на то, насколько справедливым является распределение ресурсов и ответственность между поколениями. Так, подоходный налог стимулирует текущее потребление. Он приводит к двойному налогообложению (самой суммы дохода и потом процентов по ним).

Четвертый вывод экспертов Всемирного банка заключается в том, что во многих развивающихся странах, и даже в развитых, нет институциональных возможностей для введения и применения законодательства по охране окружающей среды, на котором настаивают «зеленые». Регулирование большого количества потенциально опасных для экологии производств требует огромных ресурсов и знаний. Поэтому использование рыночных механизмов гораздо предпочтительнее и дешевле.

Пятый вывод заключается в том, что различные программы либерализации могут иметь и негативный эффект, но краткосрочный. Речь идет о различных природных ресурсах (за счет снижения способности государства контролировать использование этих ресурсов бедными). И еще один вывод исследования: экономическая либерализация ведет к экономическому росту, который, в свою очередь, «генерирует новые экономические возможности и источники для благосостояния, что повышает эффективность борьбы с бедностью и снижает давление на окружающую среду».

Защита свободной торговли

Развивающимся странам часто говорят о необходимости ограничения экспорта ресурсов для сохранения их экосистем. Сторонники концепции устойчивого развития считают экспорт ресурсов из бедных стран формой колониализма, который направлен на удовлетворение чрезмерных желаний потребителей в богатых странах. Более того, многие «зеленые» уверены, что богатые страны осуществляют экспорт вредных технологий в бедные страны, увеличивая ущерб природе бедных стран и ухудшая здоровье населения. Данные аргументы не подтверждены никакими фактами.

Индустриализация и экономический рост – жизненно необходимые элементы для обеспечения экологического прогресса. Их никак нельзя называть препятствиями. В 1994 г. экспорт развивающихся стран составлял 12,6% ВВП мира. Поскольку

свободная торговля стимулирует индустриализацию, это позитивное явление для устойчивого развития. Аргумент, что свободная торговля якобы создает «рай для загрязнителей окружающей среды», не учитывает тот факт, что экологическое регулирование составляет лишь небольшую часть издержек бизнеса в развивающихся странах. Нестабильность законодательных и экономических институтов (например, способность депатриации прибыли, недостаток коммерческой инфраструктуры) также блокирует развитие современных производств в развивающихся странах. В 1994 г. тропические и субтропические страны экспорттировали только 1,4% и 8,2% общего производства кругляка. Так что атака на свободную торговлю ведется не на фактах, а на эмоциях и идеологических догмах.

Во-первых, торговые ограничения заставляют правительства больше эксплуатировать местные ресурсы. Политика импортозамещения с/х продуктов ради продовольственной безопасности также опасна. Она ведет к ухудшению состояния экосистемы, к эрозии почвы и вырубкам леса. В то же время запрет на экспорт кругляка ведет к тому, что цена древесины падает, ее начинают использовать в других целях, что не способствует инвестиционной привлекательности данного бизнеса.

Импорт продовольствия позволяет снять напряжение с земельных ресурсов страны. В тропических и субтропических странах, которые импортируют продовольствие, свободная торговля, безусловно, оказывает позитивное воздействие на экосистему и ее разнообразие. Таким образом, торговля глобализирует устойчивость социально-экономической системы, предоставляя потребителям более дешевые и качественные продукты и ресурсы гораздо быстрее, чем в протекционистском режиме. Япония, импортируя зерно, поддерживает свою устойчивость и направляет ресурсы на более прибыльные проекты. Говоря «Япония», мы, конечно имеем в виду миллионы японских экономических субъектов, которые самостоятельно принимают решения.

Во-вторых, торговля является источником новых технологий, которые не только сокращают объем ресурсов, необходимых для производства единицы товара, но и объем эмиссии вредных газов. Большая конкуренция ведет к инновационности, модернизации, росту производительности труда и ликвидации плохих инвестиционных проектов. К тому же конкуренция помогает отменить национальные субсидии, которые, как показывают исследования, ухудшают экологические стандарты.

Опасность регулирования западного типа

Развивающиеся страны, в том числе страны бывшего социалистического блока, склонны копировать западную модель, в том числе ее регуляторную часть. Как показал опыт стран Центральной и Восточной Европы, такое копирование чревато серьезными негативными последствиями. У развитых стран просто нет ресурсов, чтобы заплатить за западный тип экономического регулирования. Развивающийся мир должен принять стратегию низких экологических издержек. Например, нейтрализация жидкых отходов может быть обеспечена при помощи дешевых технологий путем обогащения их кислородом. Существует очень много дорогих технологий, применение которых развивающимися странами должно осуществляться только после глубокого анализа выгод и издержек. Поскольку западные стандарты весьма высоки, то

их выполнение в условиях ограниченности финансовых ресурсов предприятий и жестких бюджетных ограничений практически невозможно.

Механический перенос экологических стандартов богатых стран на законодательную почву переходных экономик часто дискредитирует экологическое законодательство. Размеры штрафов и отчислений гораздо меньше затрат на сокращение эмиссии и повышение экологических стандартов. Принципы регулирования, которые весьма популярны на Западе (налоги на эмиссию, разрешения на эмиссию, которыми можно торговать), требуют регуляторной инфраструктуры, которой в переходных экономиках нет. На фоне богатства западных экономик издержки экологического регулирования гораздо меньше. Поэтому адаптация западного типа регулирования, экологических стандартов вряд ли будет способствовать обеспечению устойчивого развития для бедных стран, особенно для тех, которые борются с голодом.

Императив права частной собственности

Аксиоматичным является тезис о том, что безопасность прав собственности является необходимой предпосылкой для привлечения инвестиций в различные институты, которые обеспечивают здоровье граждан и сохранность экологии. В странах, где доступ к природным ресурсам совершенно открыт, ни один человек не несет полной ответственности за деградацию экосистемы, следовательно, это ведет к чрезмерному использованию ресурсов. Но если вместо открытого доступа имеет место упорядоченная система прав собственности, то при таком укладе резко увеличивается вероятность того, что собственник или группа собственников будет нести ответственность за ухудшение качества окружающей среды и получать выгоду от защиты природы.

Права собственности – важное средство, при помощи которого может быть обеспечено сохранение ресурсов. Через права собственности можно решать проблемы рыбного хозяйства, океанского рыболовства, содержания лесов, водоемов и т. д. В странах третьего мира право собственности на землю имеет ключевое значение для с/х производства, сохранения лесов и водных ресурсов. К сожалению, именно прав собственности на природные ресурсы, в первую очередь на землю, очень не хватает в бедных странах. Поэтому помимо острых социальных проблем эти страны часто сталкиваются с угрожающими здоровью людей экологическими состояниями.

Адекватность оценок ООН и международных финансовых организаций

Анализ документов, принятых на саммите устойчивого развития в Йоханнесбурге, а также содержание многочисленных докладов ООН, Всемирного банка, ОЭСР и ЕС, показывает, что основные международные организации не имеют реальной повестки дня для выполнения стоящих перед миром задач. Игнорирование фундаментального значения частной собственности и институтов, которые ее охраняют, недооценка опасности государственного интервенционизма, непонимание роли рыночных механизмов ценообразования и распределения ресурсов наряду с ненаучными предположениями о состоянии окружающей среды, которые формируют так называемый алармистский консенсус, – все это делает документы данных организа-

ций идеологической основой современного интервенционизма, дорожной картой для восстановления губительных социалистических практик в мире.

Отсутствие механизмов контроля и наказания за невыполнение поставленных в документах задач еще больше ослабляет ООН, ВТО, ЕС и другие международные, межгосударственные структуры. Требование либерализации международной торговли, особенно в отношении рынка с/х продуктов, это не результат реализации рыночной идеологии, а слабая попытка хаотично, а не в комплексе добиться некоего компромисса с меркантилистскими развитыми странами. То же самое относится к рынку десятков других товаров, список которых у каждой страны свой.

Если концепция устойчивого развития – это ответ международных интервенционистов, то каким должен быть вопрос? Человечество сумело обеспечить устойчивое развитие на протяжении примерно 3 тыс. лет без помощи направляющей и руководящей силы государства, «зеленых» и антиглобалистов. В результате мы имеем общество, не только более здоровое и богатое, чем любое другое в истории человечества, но и которое имеет гораздо больше ресурсов, чем все предыдущие.

Большинство позитивных экологических и ресурсных трендов в развивающихся странах позволяет сделать вывод, что наилучший способ обеспечения устойчивого развития и максимирования благосостояния – обеспечение роста производительности труда как в сельском хозяйстве, так и в добывающей промышленности; способствование улучшению эффективного использования ресурсов; стимулирование роста доходов и процесса создания богатства. Иными словами, стратегия обеспечения устойчивого развития – это стратегия создания гарантий для высокой степени экономической свободы. Это стратегия построения капитализма.

Существует четкая корреляция между индексом экономической свободы и степенью устойчивости развития человека и природы. Важно помнить, что сегодняшние условия в развивающихся странах похожи на те, что были на Западе 100 лет назад. По мнению *World Resources Institute*, «всего лишь 100 лет назад условия для жизни и защиты здоровья в Европе, Северной Америке и Японии были похожи на те, в которых живут наименее развитые страны сегодня. Схожими были и экологические условия. Лондон и другие крупные города были сильно загрязнены, реки превратились в сточные помойки, дома были перенаселены. Большинство населения было лишено элементарных санитарно-гигиенических условий. Эпидемии тифа, холеры, туберкулеза и кори выкашивали целые города. Детская смертность превышала 100 человек на тысячу населения, а в некоторых местах и более 200. Кишечные и респираторные заболевания были основными причинами смерти. По мере того как жители западных городов богатели, они тратили большие денег на обустройство своих жилищ и городов, а также на питание и здоровье. Именно недостаток экономического роста, а не загрязнение окружающей среды, вызванное этим ростом, является ключевой причиной плохого состояния здоровья в бедных странах»³⁰.

Из всех причин, которые приводят к ухудшению здоровья, главной является бедность. Сегодня самые серьезные проблемы окружающей среды – проблемы, вызванные бедностью. Более 2 млн. людей умирают ежегодно в развивающихся странах, потому что живут в местах высокой концентрации определенных химических элементов, что является прямым следствием сжигания биомассы. Электрификация бед-

ных стран, обеспечение их канализацией и водой спасло бы больше жизней, чем навязывание западных экологических стандартов. Однако электричество не может появиться без экономического развития. 3 млн. людей умирают в Африке от потребления низкокачественной воды. Но и инвестиции в водоснабжение невозможны без экономического роста. Рост же производительности труда, эффективности и доходов на душу населения не происходит автоматически. Экономисты сходятся во мнении, что это является следствием построения политической системы, которая защищает экономическую свободу, в том числе частную собственность, а также жестко ограничивает полномочия государства в обеспечении жизни, свободы и собственности.

Альтернативой для движения страны по кривой благополучия является построение централизованной плановой экономики со всеми вытекающими для здоровья граждан и природы последствиями. В этом на своем опыте убедились страны Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Если экологи настаивают на предоставлении прав решения экологических проблем бюрократам, они должны откровенно ответить на вопросы: «Кто будет определять, что полезно для экономического роста?», «Кто будет определять баланс между экологическими, социальными и экономическими проблемами в рамках одного поколения и между поколениями?».

Как и все философские теории, основанные на государственном интервенционизме, концепция устойчивого развития является опасной аморальной и антисоциальной утопией. Социализм, предыдущая утопия, которая завладела массами, унесла около 100 млн. жизней. К сожалению, пиарщики, идеологи и бенефициары концепции устойчивого развития до сих пор не обращают на это внимания вне контекста. Они не понимают, что без экономической свободы, без четких гарантий прав частной собственности нельзя гарантировать право человека на жизнь.

Индекс развития человеческого потенциала

Место в Докладе		Место в Докладе 2005 г.	Место в Докладе 2004 г.	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, Доклад 2006 г.	ИРЧП в Докладе 2006 г.	ИРЧП в Докладе 2005 г.
2006 г.	2005 г.					
1	1	Норвегия	1	79,6	0,965	0,963
2	2.	Исландия	7	80,9	0,960	0,956
3	3.	Австралия	3	80,5	0,957	0,955
37	36	Польша	37	74,6	0,862	0,858
40	38	Эстония	36	71,6	0,858	0,853
41	39	Литва	41	72,5	0,857	0,852
45	48	Латвия	50	71,8	0,845	0,836
65	62	Россия	57	65,2	0,797	0,792
67	67	Беларусь	62	68,2	0,794	0,786
77	78	Украина	70	66,1	0,774	0,766
79	80	Казахстан	78	63,4	0,774	0,761
81	85	Китай	94	71,9	0,768	0,755
114	115	Молдова	113	68,1	0,694	0,671
126	127	Индия	127	63,6	0,611	0,602

Источник: Доклад о развитии человека в 2004 – 2006 гг. www.un.org

**Динамика ВВП на душу населения,
по паритету покупательной способности***

Страна	ВВП на душу населения, по ппс			Доклад 2006 г. к докладу 2004 г., %
	Доклад 2006 г.	Доклад 2005 г.	Доклад 2004 г.	
Норвегия	38,454	37,670	36,600	+5
Исландия	33,051	31,243	29,750	+11
Австралия	30,331	29,632	28,260	+7,3
Эстония	14,555	13,539	12,260	+18,7
Литва	13,107	11,702	10,320	+27
Польша	12,974	11,379	10,560	+22,9
Латвия	11,653	10,270	9,210	+26,5
Россия	9902	9230	8230	+20,3
Казахстан	7440	6671	5870	+26,7
Беларусь	6970	6052	5520	+26,3
Украина	6394	5491	4870	+31,3
Китай	5896	5003	4580	+28,7
Индия	3139	2892	2670	+17,6
Молдова	1729	1510	1470	+17,6

*Доклад 2006г. – данные за 2004 г.

Источник: Доклад о развитии человека в 2004 – 2006 гг.

Беларусь в мире. Затраты на здравоохранение и образование

Место в Докладе 2006 г.	Страна	Расходы на здравоохранение и на душу населения, по ппс \$		Количество врачей на 100 тыс. чел., 1990 – 2004 гг.	Госрасходы на образование, % ВВП	
		2002	2003		2000 – 2002 гг.	2002 – 2004 гг.
1	Норвегия	3409	3809	313	7,6	7,7
2	Исландия	2802	3110	362	6	8,0
3	Австралия	2699	2874	247	4,9	4,8
37	Польша	604	745	247	5,7	5,8
40	Эстония	477	682	448	5,8	5,7
41	Литва	549	754	397	5,9	5,2
45	Латвия	657	678	301	5,6	5,4
65	Россия	585	551	425	3,8	3,7
67	Беларусь	583	570	455	6	5,8
77	Украина	210	305	295	5,4	4,6
79	Казахстан	261	315	354	3	2,4
81	Китай	151	278	106	4,9	4,2
114	Молдова	261	177	264	-	4,9
126	Индия	96	82	60	4,1	3,3

Источник: Доклад о развитии человека в 2005, 2006 гг.

Поддержка науки

Место в Докладе 2006 г.	Страна	Расходы на НИОКР, % ВВП		Работники, занятые в НИОКР, на 1 млн. человек 1990 – 2003 гг.
		1997 – 2002 гг.	2000 – 2003 гг.	
1	Норвегия	1,7	1,7	4587
2	Исландия	3,1	31	6807

Место в Докладе 2006 г.	Страна	Расходы на НИОКР, % ВВП		Работники, занятые в НИОКР, на 1 млн. человек 1990 –2003 гг.
		1997 – 2002 гг.	2000 – 2003 гг.	
3	Австралия	1,5	1,6	3670
37	Польша	0,7	0,6	1581
40	Эстония	0,4	0,8	2523
41	Литва	0,7	0,7	2136
45	Латвия	0,6	0,4	1434
65	Россия	1,2	1,3	3319
67	Беларусь	0,6	0,6	1871
77	Украина	1,2	1,2	1774
79	Казахстан	0,3	0,2	629
81	Китай	-	1,3	663
114	Молдова	1,2	-	172
126	Индия	0,8	0,8	119

Источник: Доклад о развитии человека в 2005, 2006 гг.

Создание и распространение технологий

Страна	Число пользователей сотовой связи на 1000 чел.		Число пользователей Интернета на 1000 чел.		Патенты, выданные резидентам, на 1 млн. чел.		Роялти и лицензионные платежи, \$ на душу населения	
	2003 г.	2004 г.	2003 г.	2004 г.	2002 г.	2004 г.	2003 г.	2004 г.
Норвегия	909	861	346	390	-	-	42,9	52,6
Исландия	966	998	675	772	7	14	0	5,8
Австралия	719	818	567	646	85	26	20,1	23,6
Польша	451	605	232	236	22	20	0,7	0,7
Эстония	777	931	444	497	8	3	3,5	3,0
Литва	630	996	202	282	15	18	0,1	0,2
Латвия	526	664	404	350	0	38	1,9	3,5
Россия	249	517		111	105	133	1,2	1,6
Беларусь	113	329	141	163	54	76	0,1	0,2
Украина	136	289	-	79	0	0	0,3	0,9
Казахстан	-	184	-	27	0	0	0	0
Китай	215	258	63	73	5	0	0,1	0,2
Молдова		187	-	96		57	-	0,5
Индия	25	44	17	32	0	1	0	0
Швеция	980	1034	620	756	317	275	261,8	384
США	546	617	556	630	302	281	167,2	178,2

Источник: Доклад о развитии человека в 2005, 2006 гг.

Экономическое развитие

Страна	ВВП на душу населения, 2004 г., \$	ВВП на душу населения, 2003 г., \$	Среднегодовые темперы роста ВВП, 1975 – 2004 гг., %	Среднегодовые темперы роста ВВП, 1990 – 2004 гг., %	Среднегодовая инфляция, 1990 – 2004 гг., %
Норвегия	54.465	48.412	2,6	2,5	2,2
Исландия	41.893	36.377	1,7	2,0	3,2
Австралия	31.690	26.275	2,1	2,5	2,4
Польша	6347	5487	-	4	17,5
Эстония	8331	6713	2,1	4,3	13,3

Глава II.

Враги либерализма. Волки в овечьей шкуре и без.

Страна	БВП на душу населения, 2004 г., \$	БВП на душу населения, 2003 г., \$	Среднегодовые темпы роста БВП, 1975 – 2004 гг., %	Среднегодовые темпы роста БВП, 1990 – 2004 гг., %	Среднегодовая инфляция, 1990 – 2004 гг., %
Литва	6480	5274	-	1,4	16,7
Латвия	5868	4771	0,3	2,8	17,0
Россия	4042	3018	-1,2	-0,6	59,4
Беларусь	2330	1770	-	1,6	163,7
Украина	1366	1024	-4,5	-3,2	73,3
Казахстан	2717	2000	-	1,7	33,6
Китай	1490	1100	8,4	8,9	5,5
Молдова	615	463	-6,1	-5,3	17,0
Индия	640	564	3,4	4,0	7,5

Источник: Доклад о развитии человека в 2005, 2006 гг.

Структура торговли

Страна	Импорт товаров и услуг, % БВП		Экспорт товаров и услуг, % БВП		Доля экспорта высокотехнол. товаров, %	
	1990 г.	2004 г.	1990 г.	2004 г.	1990 г.	2004 г.
Норвегия	34	30	40	44	12	18
Исландия	33	43	34	37	10	6
Австралия	17	21	17	18	8	14
Польша	22	41	29	39	-	3
Эстония	-	86	-	78	-	14
Литва	61	61	52	54	-	5
Латвия	49	60	48	44	-	5
Россия	18	22	18	35	-	9
Беларусь	44	74	46	68	-	3
Украина	29	54	28	61	-	5
Казахстан	-	46	-	55	-	2
Китай	16	31	19	34	-	30
Молдова	51	82	48	51	-	4
Индия	9	23	7	19	-	5
Швеция	29	38	30	46	13	17
США	11	14	10	10	34	32
Германия	25	38	25	38	11	17
Япония	9	10	10	12	24	24

Источник: Доклад о развитии человека в 2006 г.

Энергия и окружающая среда

Страна	Потребление электроэнергии на душу населения, кВт/ч		БВП на единицу использованной энергии, USD2000 по пис на 1 кг нефтяного эквивалента		Эмиссия углекислого газа на душу населения, в метрических тоннах	
	1980 г.	2003 г.	1980 г.	2003 г.	1980 г.	2003 г.
Норвегия	22,400	25,295	4,5	6,8	8,2	9,9
Исландия	13,838	29,412	3,1	2,5	8,2	7,6
Австралия	6599	11,446	3,7	4,8	13,9	18
Польша	3419	3702	-	4,6	12,8	7,9
Эстония	-	6094	-	3,4	-	13,6
Литва	-	3453	-	4,3	-	3,7
Латвия	-	2835	-	5,3	-	2,9

Страна	Потребление электроэнергии на душу населения, кВт/ч		ВВП на единицу использованной энергии, USD2000 по ппс на 1 кг нефтяного эквивалента		Эмиссия углекислого газа на душу населения, в метрических тоннах	
	1980 г.	2003 г.	1980 г.	2003 г.	1980 г.	2003 г.
Россия	-	6303	-	1,9	-	10,3
Беларусь	-	3388	-	2,2	-	6,4
Украина	-	3683	-	1,9	-	6,6
Казахстан	-	4114	-	1,9	-	10,7
Китай	307	1440	1,3	4,5	1,5	3,2
Молдова	1119	1273	-	-	4,1	3,1
Индия	173	594	3,3	5,3	0,5	1,2
Швеция	11.700	16.603	3,7	4,6	8,6	5,9
США	10.336	14.057	2,8	4,5	20,1	19,8
Германия	-	7258	3,7	6,1	-	9,8
Япония	4944	8212	5,7	6,5	7,9	9,7

Источник: Доклад о развитии человека в 2006 г.

**Индекс развития человеческого потенциала ООН
и индекс экономической свободы от Heritage Foundation**

Страна	Место по ИРЧП, Доклад 2006 г.	Ожидаемая пролонгированнос- ть жизни при рождении	ВВП на душу населения по ппп 2004 г., \$	Место по индексу экономической свободы, 2007 г.	Индексе эконом. свободы, % (100% – полная свобода)
Норвегия	1	79,6	38454	30	70,09
Исландия	2	80,9	33051	15	77,06
Австралия	3	80,5	30331	3	82,69
Ирландия	4	77,9	38827	7	81,31
Швеция	5	80,3	29541	21	72,59
Канада	6	80,2	31263	10	78,72
Япония	7	82,2	29251	18	73,57
США	8	77,5	39676	4	81,98
Швейцария	9	80,7	33040	9	79,05
Голландия	10	78,5	31789	14	77,08
Франция	16	79,6	29300	45	66,11
Великобритания	18	78,5	30821	6	81,55
Новая Зеландия	20	79,3	23413	5	81,59
Германия	21	78,9	28303	19	73,52
Гонконг	22	81,8	30822	1	89,29
Сингапур	25	78,9	28077	2	85,65
Словения	27	76,6	20939	58	63,60
Чехия	30	75,7	19408	31	69,68
Венгрия	35	73	16814	44	66,15
Польша	37	74,6	12974	87	58,77
Чили	38	78,1	10874	11	78,29
Эстония	40	71,6	14555	12	78,13
Литва	41	72,5	13107	22	72,00
Словакия	42	74,3	14623	40	68,37
Латвия	45	71,8	11653	41	68,21
Куба	50	77,6	3900	156	29,68

Страна	Место по ИРЧП, Доклад 2006 г.	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	ВВП на душу населения по ппн 2004 г., \$	Место по индексу экономической свободы, 2007 г.	Индекс экон. свободы, % (100% – полная свобода)
Болгария	54	72,4	8078	62	62,17
Россия	65	65,2	9902	120	54,01
Беларусь	67	68,2	6970	145	47,36
Украина	77	66,1	6394	125	53,35
Казахстан	79	63,4	7440	75	60,35
Армения	80	71,6	4101	32	69,43
Китай	81	71,9	5896	119	54,02
Грузия	97	70,6	2844	35	68,70
Азербайджан	99	67	4153	107	55,36
Туркменистан	105	62,5	4584	152	42,54
Кыргызстан	110	67,1	1935	79	59,87
Узбекистан	113	66,6	1869	132	52,57
Молдова	114	68,1	2056	81	59,47
Эфиопия	170	47,8	756	116	54,44
Чад	171	43,8	2090	147	46,38
Центрально-африканская Республика	172	39,1	1094	137	50,27
Гвинея-Бисау	173	44,8	722	148	45,71
Буркина-Фасо	174	47,9	1169	113	54,96
Мали	175	48,1	998	123	53,70
Сьерра-Леоне	176	41	561	141	48,37
Нигер	177	44,6	779	124	53,53

Источник: *Human Development Report 2006*, www.un.org; «Экономическая свобода мира: 2007 Heritage Foundation», www.heritage.org

15. Концепция социальной ответственности бизнеса. Факты и измышления

О бизнесе нельзя думать как о низшем уровне человеческой деятельности по сравнению с написанием романов и борьбой за власть. Бизнес – это творческий процесс. Его изучение также достойно усилий, как история, право, медицина, социальная организация и искусство.

Дж. Шэкль, Эпистемика и экономика.

Выбор между разными вариантами капитализма, одни из которых более коллективистские, другие – более либеральные, стал реальностью.

Сегодняшнее влияние коллективизма может еще больше ограничить экономическую свободу. Это повлияет не только на потребление товаров и услуг, но и на качество жизни в целом.

Д. Хендерсон.

Для того чтобы уверенно действовать за пределами знакомых маячков и преодолевать сопротивление переменам, нужны способности, которые есть не у всех. Эти способности и определяют предпринимателя и предпринимательскую функцию, которая состоит не в том, чтобы что-то изобретать или создавать условия, которые будет использовать предприятие. Функция предпринимателя – сделать дело.

Дж. Шумпетер.

Трендов, которые могут так сильно подорвать фундаменты нашего свободного общества, как принятие официальными представителями корпораций социальной ответственности, отличной от зарабатывания как можно большего количества денег для своих акционеров, очень немного. Это фундаментально подрывная доктрина. Если у бизнесмена есть социальная ответственность, отличная от ответственности максимизирования прибыли для своих акционеров, как им знать, что это за ответственность? Могут ли избравшие сами себя частные лица знать, что такое социальный интерес?

М. Фридман, «Капитализм и свобода», 1962.

Экономическая система выполняет по меньшей мере пять функций:

- координация деятельности миллионов людей, домашних хозяйств и фирм; – получение информации о желаниях людей, их вкусах и предпочтениях;
- помогает принимать решения относительно использования производственных технологий и техники;
- продвижение новых идей, вкусов, видов деятельности, о которых люди даже не подозревали бы, не будь предпринимательской инициативы;
- создание стимулов для действия в реальном информационном поле.

Только без пятой функции рынка, стимулирующей, может бояться общество святых. Но даже для святых необходимы остальные четыре, чтобы знать, как лучше служить своим соотечественникам.

С. Бриттан, «Эссе на тему морали, политики и экономики».

Зачем нужен бизнес? Интервенционисты разных стран стараются сделать все, чтобы ответ на этот простой вопрос не был слишком очевидным. Ответ «зарабатывать деньги, максимизировать прибыль» для политологов и идеологов, экономистов и преподавателей бизнес-школ, кажется слишком грубым. Большой бизнес, практически без борьбы принявший комплекс вины за свое богатство и успех, решил «обеспечить» себя в глазах общественности.

Можно предположить, что мысль о раскрутке идеи о социальной ответственности бизнеса (*Corporate Social Responsibility – CSR*, или *СОБ*) пришла в голову, с

одной стороны, политикам, чиновникам, которые «канализируют» государственные расходы в конкретные бизнес-проекты, с другой – крупным компаниям, которые из года в год пользуются разного рода государственной помощью и выступают партнерами государства.

Не последнюю роль в стремительном росте популярности концепции социальной ответственности бизнеса (СОБ) сыграл выход на международную арену мощных транснациональных общественных организаций. Они получили статус *non-profit*, но могут сокращать налогооблагаемую прибыль *for profit* корпораций. Они заинтересованы в том, чтобы культивировать тезис об изначальной греховности бизнеса (*original sin of business*). «Покупая» лояльность мощных НГО, большой бизнес получает индульгенцию на использование госресурсов или нанесение ущерба партнерам (природе, человеку) и не несет за это ответственности.

Поскольку многие проекты большого государственного бизнеса (их еще можно назвать политическими предпринимателями) проваливаются и наносят огромный вред: а) экономике (структурные искажения, безработица, ограничение конкуренции и, как следствие, рост цен и падение качества, регуляторные провалы, которые приписываются капитализму); б) экологии (затопление территорий, заболачивание, нарушение экологического баланса, загрязнение воздуха, воды, уничтожение лесов); в) морали (успех гарантирует не упорный труд, а партнерство с бюрократом, списание долгов убыточным, увеличение налоговой нагрузки успешным и т. д.), то в связи с растущей враждебностью по отношению к бизнесу, к предпринимательству, к понятию «зарабатывать деньги» надо было выдвинуть некую привлекательную идею, чтобы оправдать бизнес в глазах общественности. Для нее была выбрана обертка «социальная ответственность бизнеса». Очередная благозвучная концепция для борьбы со свободным рынком, т. е. со свободным человеком.

Государство уже давно стало «социальным» и приняло на себя огромные полномочия и противоречивые функции. Большинство избирателей, подверженное мощной идеологической обработке, уже смирилось с тем, что чиновник должен навязывать человеку нормы, стандарты, определять за него эффективность и оптимальность, а также заботиться о нем от рождения до смерти. Редкие мозговые центры, газеты и ТВ-каналы ярко и последовательно защищают естественные права человека и свободный рынок. Все стало «социальным», в том числе концепция прав человека.

Профессиональным участникам гражданского общества также не хватало некого элемента морального принуждения бизнеса давать деньги на реализацию общественных целей и задач. Для превращения транснациональных НГО в мощные лоббистские структуры силы убеждения было недостаточно. Нужно было развить у бизнеса комплекс вины. Социальная ориентация гражданского общества, или третьего сектора, аксиоматична, поэтому действия НГО были направлены на то, чтобы и бизнес стал «социально ориентированным».

Требование изменения статуса и характера бизнеса означало следующее:

- гражданское общество и институты, представляющие государство, считают вклад бизнеса в развитие государства в виде налогов малым и незначительным;

- недостаточно социальным они считают и создание рабочих мест;
- инновационная деятельность бизнеса и вклад в развитие науки и технологий не адекватны высоким требованиям эпохи и устойчивого развития, как они это называют;
- функционирование поддерживаемых бизнесом благотворительных, религиозных, научных, молодежных и других программ и организаций является недостаточным;
- слабым аргументом в пользу бизнеса является формирование адекватной желаниям и преференциям людей структуры производства, которая чутко и максимально быстро реагирует на запросы потребителя;
- недостаточно того, что бизнес, работающий в среде свободного рынка, наказывает за ошибки, культивирует культуру выполнения договоров, цивилизует жадность и делает неприемлемым грубость.

Все это с разной интенсивностью бизнес делал и продолжает делать и так, без внешнего принуждения. Причина такого его поведения ясна и понятна. Потому что богатые люди имеют свои ценности, потому что они жили в неком сообществе, поддержку которого они считают необходимым, потому что не хлебом единым живет миллиардер и миллионер. Всего этого вроде было недостаточно для того, чтобы бизнес стал полноценным, равным партнером социально ориентированного государства и гражданского общества такой же ориентации.

Для культивации чувства вины у состоятельных людей нужна была идеологема, лейбл, причем чем непонятнее, тем лучше. Термин «социальная ответственность бизнеса» как нельзя лучше подходит к этой категории. НГО и политики, бизнесмены и пиарщики десятилетиями спорят о том, что значит эта простенькая фраза. В результате помимо стандартных финансовых отчетов многие бизнесы начали готовить отчеты о деятельности в сфере социальной ответственности.

Проводятся конференции и семинары, реализовываются проекты и программы. Простая человеческая помощь стала частью баланса компаний. То, что в условиях свободного рынка, не имеет рыночной цены, вдруг стало категорией коммерческой. Лебезить перед чиновниками, совершать часто квазифискальные трансферты (они же – скрытые налоги) в политически корректные проекты или даже в политические кампании (например, адресная помощь школам, больницам или детским садам в районе, где баллотируется конкретный политик) означало приобрести статус политического предпринимателя, партнера по полупрозрачным сделкам и создать предпосылки для разрушения конкурентной среды.

Если в богатых странах с сильными формальными и неформальными институтами, свободными СМИ и политической конкуренцией такие взаимоотношения имеют не столь высокую склонность к срастанию интересов крупного бизнеса и власти, то в переходных странах прикрытие «социальная ответственность» может использоваться для олигархизации экономики, для дележа бюджетного пирога по кулачным правилам и концентрации политической власти в руках одной группировки. Поскольку зависимость бизнеса от государства остается огромной (инструментов для статизации, т. е. ограничения прав собственности остается очень много), то многие действия в рамках «социальной ответственности» бизнеса становятся еще одной формой слияния интересов бизнеса и государства.

Что такое социальная ответственность бизнеса (СОБ)

Доктрина СОБ, с точки зрения ее сторонников, является ответом бизнес-сообщества на проблемы и вызовы, связанные с тенденциями мирового развития. В современном мире бизнесу мало просто максимизировать прибыль. Надо воплощать в жизнь концепцию «корпоративного гражданства». Это значит, что свои действия нужно согласовывать не только с акционерами, но и со многими организациями, которые определяют понятие «социальный».

Политика реализации корпоративного гражданства направлена на реализацию еще одной идеологической установки современных антиглобалистов – устойчивого развития. У этой цели три измерения: экономическое, экологическое и социальное. Поэтому компании должны ставить перед собой такие задачи, чтобы соответствовать активным строителям мира по лекалам устойчивого развития. Затем они должны предоставить возможность независимым аудиторам от СОБ проверить компанию и вынести вердикт, насколько поведение компании социально ответственно.

Отметим определенную сложность с пониманием термина «социальный». Когда речь идет о социальной ответственности бизнеса в целом, слово «социальный» относится ко всем трем измерениям, т. е. экономическому, экологическому и социальному. В то же время оно относится и к более узкому термину, собственно «социальный».

По мнению авторов СОБ, бизнес будет адекватно реагировать на «ожидания общества» и получать неформальную, общественную лицензию на право работать на рынке только в случае своего социального поведения. Именно такое поведение обеспечивает прибыльную деятельность в долгосрочном периоде, поскольку ожидания населения будут удовлетворены, а люди начнут покупать товары и услуги социально ответственных фирм. При этом само население призвано вести себя так, чтобы соответствовать правилам идеологемы устойчивого развития.

Получается своеобразный круг добродетели, сплошной позитив. Почти по Томасу Мору, который придумал свою утопию. Марксисты потом заразили ею большую часть человечества. Бизнес в долгосрочном периоде обречен на прибыльность (никто не поясняет, что такое «долгосрочная перспектива»), а потребители, заходя в магазин, также должны как-то определять (наверное, при помощи эконометрических формул и уравнений), как удовлетворить себя и оставить ресурсы для будущих поколений.

По мнению сторонников концепции СОБ, такое поведение значительно улучшит функционирование рыночной экономики в отличие от того, что мы наблюдаем сегодня (максимизация прибыли в краткосрочном периоде и игнорирование тех самых трех измерений). Концепция СОБ предлагает радикально изменить принципы функционирования бизнеса. По мнению представителей активного сторонника данной концепции – компаний *Royal Dutch/Shell*, приверженность СОБ «*требует глубоких перемен в корпоративной культуре, ценностях, принятии решений и поведении*»³¹.

Экономический прогресс и роль бизнеса

В начале XXI века Ангус Мэдисон из ОЭСР опубликовал очень познавательный труд *The World Economy: Historical Statistics*³², в котором проанализировал динамику экономического развития стран и регионов, оценил динамику ВВП и ВВП на душу населения. Данные показатели могут использоваться в качестве индикаторов экономического прогресса. В историческом контексте рост ВВП на душу населения сопровождался увеличением продолжительности жизни, повышением ее качества за счет лучшего образования и услуг системы здравоохранения. Люди получали возможность больше отдыхать, что также является показателем качества жизни и экономического прогресса. А. Мэдисон предоставляет данные в долларах США 1990 г. При этом он учитывает изменение уровня цен с течением времени в разных странах.

В 1950 г. Австралия была четвертой страной мира по ВВП на душу населения. Выше были только США, Швейцария и Новая Зеландия. Тогда этот показатель составлял \$7400. В историческом контексте такой показатель, безусловно, является успехом страны. Чтобы оценить экономический прогресс Австралии, Ангус Мэдисон использовал следующую методику. Он предлагает вернуться в то время и оценить развитие Австралии (как пример), зная данные конца века. Такой прогноз должен учитывать тренды прошлого.

В 1870 – 1950 гг. ВВП на душу населения увеличивался в среднем на 1% в год. Продолжение тренда до 2000 г. дало бы нам рост ВВП на 67%, т. е. в 2000 г. этот показатель должен был составить \$12 тыс. Даже если предположить оптимистические темпы роста 1,5% в год, то ВВП на душу населения был бы \$15 – 16 тыс. В реальности же получилось \$21,5 тыс., т. е. произошло почти утроение показателя. Темпы роста в 1950 – 2000 гг. составили 2,1%. Таким образом, мы можем говорить об Австралии как о стране, где проводилась успешная экономическая политика. Это же относится и к другим странам. Причем Австралия, и Новая Зеландия сегодня пропустили вперед (по уровню богатства) многие страны мира.

В середине XX века никто такого развития мировой экономики не предсказывал. Это относится не только к Западной Европе и Америке, но и ко многим странам, которые 50 лет назад были просто нищими. Тезис о том, что богатство доступно только узкому кругу избранных стран, был успешно разрушен. По расчетам А. Мэдисона, 25 – 30 стран мира показали это на своем примере. Среди них четыре европейские страны: Греция, Ирландия, Португалия и Испания. В середине XX века все они, кроме Ирландии, считались развивающимися. Семь стран представляют Восточную Азию, причем четыре из них получили название азиатских тигров (Гонконг, Южная Корея, Сингапур и Тайвань). В Западной Азии таких стран две – Израиль и Оман, в Африке – Ботсвана, в Латинской Америке – Пуэрто-Рико. Во многих из этих стран ВВП на душу населения был выше, чем в США в 1950 г. (\$10 тыс.), а Ирландия, Гонконг и Сингапур преодолели порог \$20 тыс. Отметим также успешное развитие Чили. На протяжении 25 лет ВВП на душу населения здесь увеличивался более чем на 3% ВВП.

В 1980 – 2000 гг. девять стран удвоили ВВП на душу населения: Китай, четыре азиатских тигра, а также Индия, Малайзия, Таиланд и Вьетнам. В целом ВВП на душу населения в мире в 1950 – 2000 гг. рос в среднем на 2,1% в год, или в 2,85 раза.

Это гораздо лучше, чем в первой половине XX века (1% в год и увеличение показателя только на 67%).

Многие экономисты часто недооценивают такой исторически беспрецедентный рост. И одной из причин этой недооценки является чрезмерное увлечение межстрановыми сравнениями как по ВВП на душу населения, так и по темпам роста. Так, авторы известной книги *Walking the Talk: The Business Case for Sustainable Development* Ч. Холидей, С. Шмидхайни и Ф. Уоттс³³, считают, что «мы далеки от достижения справедливости между поколениями, потому что пропасть между богатыми и бедными растет».

В этом тезисе заключено сразу две ошибки. Первая касается заявления о растущей пропасти между бедными и богатыми. Оно неверно в отношении бедных и богатых стран в целом. Данный тезис применим только к тем странам, которые имели низкие или отрицательные темпы экономического роста. На самом деле десятки бедных стран на протяжении последних 50 лет динамично сокращали разницу доходов с богатыми. Доказательств этого тезиса много. В 1950 г. ВВП на душу населения Австралии был в три раза больше, чем в Гонконге. В 2000 г. этот показатель был практически идентичным. В 1950 г. ВВП на душу населения Тайваня составляло 1/8 от уровня Британии. В 2000 г. это отношение составляло уже 7/8. В 1978 г., когда Китай начал реформу, отношение ВВП на душу населения в этой стране к американскому было 19 : 1, в 2000 г. – 8 : 1. В 1980 – 2000 гг. совокупный доход на душу населения десяти самых успешных азиатских развивающихся стран с населением 2,5 млрд. человек увеличился на 170%, в то время как в ключевых странах ОЭСР с населением 850 млн. рост составил только 50%. В 1950 – 2000 гг. средний доход на душу населения в самых бедных странах (меньше \$800) увеличился в 4,5 раза. Этот результат лучше, чем в богатых странах.

Да, формально разница в доходах бедных и богатых в последние годы увеличилась, но для правильной оценки этого факта надо обязательно учитывать динамику роста богатства в бедных странах и многочисленные случаи, когда бедные страны, проводя политику экономической свободы, становились развитыми.

Вторая ошибка заключается в том, что неправильно считать проявлением несправедливости существование межстранового неравенства или разницы в темпах роста, которые приводят «к увеличению разницы» между доходами богатых и бедных. В качестве доказательства А. Мэдисон приводит пример Нигерии и Южной Кореи. В 1950 г. доход на душу населения в этих двух странах был примерно на одном уровне. В 1950 – 2000 гг. этот показатель в Нигерии увеличился на 50%, а в Южной Корее – более чем в 20 раз. Разумеется, экономики Южной Кореи и Нигерии развивались совершенно по-разному. Но это все нельзя считать несправедливым. Да, экономический рост в странах ОЭСР в 1950 – 2000 гг. был выше, чем практически во всех странах Африки и многих развивающихся странах Азии. А. Мэдисон считает, что это не пример увеличения разницы в доходах между богатыми и бедными странами, а доказательство медленных темпов прогресса в последних. Они оставались бедными не потому, что богатые росли быстрее. Темпы их роста едва ли увеличились бы, если бы темпы роста богатых стран сократились. Поэтому концентрировать внимание на разнице между богатыми и бедными странами было бы большой ошибкой. Например, если брать такой показатель, как продолжительность

жизни, то в «менее развитых странах» она увеличилась с 41 года в 1950 – 1955 гг. до 66 лет в 2000 – 2005 гг. За это же время в развитых странах (по классификации ООН) данный показатель увеличился с 63 до 76 лет, т. е. разница сократилась более чем вдвое: с 22 до 10 лет. Мир едва ли был бы лучшим, более справедливым, если бы люди в богатых странах жили бы меньше.

Многие исследования дают ответы на вопросы, «насколько рост ВВП на душу населения способствовал сокращению бедности» и «насколько распределение богатства в мире в целом изменило соотношение как внутри стран, так и между ними, с точки зрения обеспечения большего равенства». Результаты получаются разными по следующим причинам: разные периоды, которые берут исследователи для сравнения; как определяется «бедность»; как измеряется неравенство; вес, который придается разным источникам информации по поводу уровня и распределения национального дохода и расходов.

Исследователи сходятся в следующем: сотни миллионов людей вышли из бедности. Неравенства между людьми в мире в целом стало меньше. Как сказал представитель турецкого Минфина, «если мы соглашаемся использовать параметр покупательной способности, «взвешивать» страны по населению и... включать в анализ Китай и Индию, эмпирические данные, несмотря на все существующие проблемы, убедительно показывают, что уровень бедности и абсолютное число бедных в мире сократилось, а неравенство за последние 20 лет стало меньшим» (2002)³⁴.

Из беспрецедентно высоких темпов экономического роста мировой экономики в 1950 – 2000 гг. Д. Хэндерсон в своей книге «Роль бизнеса в современном мире» делает следующие выводы.

1. Устойчиво высокие темпы экономического роста не имели практически ничего общего с иностранной помощью; единственным исключением может быть Израиль. Экономический рост не является следствием реализации государственных программ или неким социально ответственным поведением крупных корпораций, тем более результатом реализации неких международных инициатив. В книге *Walking the Talk* делается аналогичный вывод: «*В странах сокращается бедность не потому, что они реализуют программы благосостояния, а в основном потому, что они создали условия для развития бизнеса*».

2. Как и в более ранние периоды истории, материальный прогресс в бедных и богатых странах был достигнут за счет создания благоприятных условий для экономического развития и реализации творческих планов предпринимателей. Повышение уровня доходов и благосостояния рабочих зависит не от деятельности профсоюзов, регулирования цен или уровня доходов. Данных, на основании которых можно было бы сделать вывод о том, что выгоду от более высоких темпов роста ВВП получают богатые, что бедные зависят от реализации коллективных социальных программ, нет.

3. Анализ успешных экономических стран доказывает, что при наличии основ для экономического роста страны могут богатеть гораздо быстрее, чем в более ранние периоды исторического развития. Эти условия включают такие элементы, как стабильное правительство и отсутствие гражданских беспорядков, ответственное и прозрачное правительство, в том числе по отношению к денежной политике, соблю-

дение прав собственности, экономические решения принимают преимущественно частные лица и организации, экономика открыта для транзакций с внешним миром. Таковы основные политические и экономические условия, которые и обеспечивают экономический рост. Создание таких условий и сохранение их на протяжении длительного периода – очень непростая задача.

Источники прогресса

Чтобы понять современный мир экономики и бизнеса, важно выделить источники материального прогресса, а не только условия для его достижения. Д. Хэндерсон так определяет источник: «*Главный, прямой импульс для экономического прогресса идет от ориентированных на получение прибыли отношений и инициатив со стороны коммерческих предприятий*»³⁵. Эта аксиома работает в любом историческом периоде, одинаково сильно в богатых и бедных странах.

Причина особой важности бизнеса заключается в том, что экономика характеризуется постоянными изменениями и инновациями. В свою очередь, они являются результатом целенаправленной деятельности предпринимателей. Об этом еще писал Дж. Шумпетер в своей работе *Capitalism, Socialism and Democracy*: «*Фундаментальный импульс, запускающий мотор капитализма и поддерживающий его работу, исходит от новых товаров, которые покупают новые потребители, новых методов производства и перемещения товаров, новых рынков, новых форм промышленной организации, которую создает капиталистическое предприятие*».

В нашем мире бизнес является главной движущей силой прогресса, главным фактором перемен. Он повышает производительность труда и уровень материального благосостояния, т. е. роль бизнеса не реактивная, а активная. Противники такого подхода считают, что экономический рост является следствием технологического прогресса, который, в свою очередь, вытекает из научно-исследовательской деятельности. А она, по их мнению, финансируется не бизнесом, а государством.

Таким образом, противники рынка утверждают, что роль бизнеса не творить и создавать, а всего лишь приспособливаться к условиям, создаваемым государством. На самом же деле именно бизнес является источником инноваций и научных открытий. Дж. Шумпетер пишет: «*Разве экономические успехи не были следствием череды изобретений, которые произвели революцию в производстве, а не охотой за прибылью бизнесменов? Ответ отрицательный. Реализация технологических инноваций была сутью этой охоты за прибылью. Неправильно было бы утверждать, как делают многие экономисты, что капиталистическое производство стоит в стороне от технологического прогресса. Они были одним фактором, т. е. мы можем сказать, что капиталистическое производство было движущей силой инноваций*». Таким образом, научный и технологический прогресс – это эндогенный фактор, составная часть ведомого бизнесом процесса экономических перемен.

В поддержку утверждения Дж. Шумпетера можно привести следующие высказывания. Первое принадлежит Якобу Шмуклеру и взято из книги «*Изобретение и экономический рост*»: «*Изобретение – это главным образом экономическая деятельность, которая, как и другие виды экономической деятельности, направлена на получение прибыли... Люди делают изобретения, потому что хотят решить экономические проблемы и капитализировать экономические возможности*»³⁶.

В поддержку ведущей роли бизнеса в инновациях выступил Морис Скотт в книге *A New View of Economic Growth*: «Научные открытия и изобретения – это формы инвестиций. Как и другие формы инвестиций, их надо рассматривать с точки зрения расширения экономических возможностей, которые постоянно создаются расходами на инвестиции в целом». Д. Хэндерсон считает, что быстрые темпы экономического роста в странах за пределом так называемого магического круга традиционно богатых стран убедительно доказывает тезис Дж. Шумпетера.

Поведение бизнесмена Ланга Хэнкока из Австралии подтверждает тезис австрийского ученого. Бизнесмен должен был в первую очередь преодолеть сопротивление правительства, которое в 1938 г. запретило экспорт железной руды. Это было одним из первых проявлений реализации концепции устойчивого развития. Только после снятия запрета Л. Хэнкок смог заняться собственно добывчей руды и инвестировать в инновационные технологии.

Более свежий пример – с предпринимателями в Китае. По мнению Ангуса Мэдисона, три фактора повлияли на стремительный рост производительности труда в этой стране: возвращение крестьянам возможности контролировать собственные земли; бурный рост малого бизнеса, особенно в сельской местности; упразднение жесткой госмонополии на внешнюю торговлю и отказ от политики самообеспечения. Китай убедительно продемонстрировал, что не только крупные предприятия, но и большое число предприятий МСБ обеспечивает экономический рост и рост благосостояния. Кстати, высокие темпы экономического роста сопровождались еще более высокими темпами роста объема международной торговли. В 1950 – 2000 гг. мировой ВВП увеличился в 7 раз, а объем мировой торговли – в 20 раз.

Еще одной причиной, которая заставляет бизнес заниматься инновационной деятельностью, является нейтрализация угрозы потери конкурентоспособности и/или даже банкротства. Об этом пишет У. Баумол в своей книге *The Free Market Innovation Machine*. С его точки зрения, именно давление со стороны конкурентов заставляет бизнесы инвестировать в инновации. Два аспекта, позитивный и защитный (использовать возможности и не допустить банкротства), взаимно дополняют друг друга. На этих примерах четко видна роль бизнеса как локомотива экономического прогресса. Она очевидна.

В 1950 – 1970 гг. Советский Союз и страны соцблока тоже быстро увеличивали свой ВВП, но блокировка механизма «прибыль – убытки», исключение предпринимателя из экономической деятельности наряду с другими факторами привели к коллапсу социалистической системы. Государственные предприятия, защищенные от банкротства и работающие вне контекста конкурентного давления, не могут выполнять и социальную функцию.

Первичная роль бизнеса

С точки зрения экономики в целом, первичная роль бизнеса в отличие от позиции отдельной компании заключается в ориентации своей деятельности на получение прибыли. Для выполнения первичной роли бизнесу нужны законы, институты и политическая стабильность, в которой функционирует рыночная экономика. Для процветания деловой и личной жизни, необходимы правила, но они не обязательно должны быть установлены правительством. Тем не менее принятие законов, стиму-

лирующих экономическую деятельность, — первичная роль государства, а не бизнеса. Эта функция не может стать внутренней для бизнеса.

Заявлять, что наблюдаемый в последние 50 лет стремительный экономический рост стал результатом сознательных действий предприятий, которые ставили перед собой именно такую задачу, абсурдно. Достижения капитализма не результат решительных действий предпринимателей и бизнесов для достижения этой задачи. Они следствие работы конкурентного, открытого рынка. Таким образом, первичная роль бизнеса определяется без ссылки на цели предприятий или мотивы их собственников (менеджеров, акционеров). Она заключается в том, что экономический прогресс и рост благосостояния, эффективная деятельность бизнеса не зависит от сознательных попыток бизнес-лидеров улучшить мир.

Несомненно, бизнес выполняет полезную социальную роль, и позволяет ему это функция прибыли. Нет оснований полагать, что эта роль и функции перестанут работать в будущем, что на бизнес надо навешивать некие дополнительные обязательства. Зачем нужна принципиально иная модель корпоративного поведения? Почему СОБ стала фишкой как третьего сектора, так и правительства. Почему она так часто поддерживается самим бизнесом, особенно крупным?

Сторонники концепции СОБ считают, что наступило принципиально иное время, появились новые вызовы и угрозы. И в качестве этой новой угрозы чаще всего называют глобализацию. Вместо того чтобы призывать мир к либерализации, дебюрократизации, конкуренции и упразднению торговых барьеров, сторонники СОБ убеждают нас, что «грубой», изначальной роли бизнеса — зарабатывания прибыли — уже недостаточно.

Глобализация, гражданское общество и глобальное правительство

Авторы книги *Walking the Talk* являются типичными представителями движения за СОБ. Они пишут: «Интенсификация глобализации рынка в 90-х гг. ставит перед бизнесом более широкую социальную ответственность и гражданскую задачу»³⁷. Что делает бизнес на фоне растущих планетарных страхов по поводу глобализации, бедности и изменения климата? Такой вопрос задают сторонники СОБ. Ответ звучит приблизительно так: СОБ — это изначально ответ бизнеса на глобализацию, экологические и социальные проблемы. Под глобализацией сторонники СОБ понимают более тесную экономическую интеграцию, при которой значение расстояния и политических границ резко снижается. Интенсификация международной торговли, перетока иностранных инвестиций также набрала обороты в последние 30 - 40 лет, и нет оснований считать, что эти процессы остановятся. До сих пор они приносили миру беспрецедентный рост богатства и такое же сокращение числа бедных.

Антиглобалисты и сторонники СОБ совершенно иначе видят глобализацию. Для них это новая мощная волна транснационального капитала, которая лишает власти правительства и людей. Они ошибаются по трем позициям. Во-первых, воспринимать глобализацию как вдруг взявшуюся ниоткуда волну неправильно. Тенденция более тесного международного сотрудничества наметилась давно. Мы

можем говорить о глобализации до 1914 г. и даже в период после первой мировой войны до начала второй. Ни к каким кардинальным переменам в природе бизнеса она не привела.

Во-вторых, мира без границ не существует, и едва ли можно прогнозировать его в ближайшем будущем. Несмотря на либерализацию торговли в последние 20 - 25 лет, торговые барьеры остаются чрезвычайно высокими. Место тарифных ограничений занимают нетарифные. Только 19 стран мира (по индексу экономической свободы *Heritage 2006*) могут создать глобальную зону свободной торговли, т. е. имеют соответствующий либеральный режим. Ни одно правительство в мире, ни одна международная организация не предлагает и даже не обсуждает создание реально глобальной зоны свободной торговли без изъятий и ограничений.

В-третьих, протекционистские, социалистические государства остались за полем глобализации, потому что не хотели открытости и международного сотрудничества. При этом никто не мог их принудить к другому поведению. Решения о либерализации принимают не международные организации, а национальные правительства.

Помимо этих трех ошибок, сторонники СОБ используют еще два мифа. Первый из них – *маргинализация*. Не только правительства, но и многие представители делового сообщества считают, что бедные страны являются жертвами глобализации, что они маргинализуются и обречены на нищету. Поэтому, по их мнению, необходимо придать капитализму «человеческое лицо», что бы это ни значило. Бизнес призывают по-новому помогать бедным странам, принять концепцию «глобального корпоративного гражданства».

Обвинение в маргинализации не имеет никаких оснований. Действительно, далеко не все страны оказались успешными в последние 30 лет. Есть примеры деградации стран. Однако они стали жертвами не глобализации, а наоборот, ее отсутствия, ее блокировки национальными правительствами. В отдельных случаях проблемы возникают из-за природных катастроф, войн, распространения СПИДа. При чем тут глобализация, когда африканцы сотнями тысяч вырезают друг друга и не понимают взаимосвязи между СПИДом и сексом без презервативов? Д. Хэндерсон пишет: «*Нельзя обвинять глобализацию в мире в целом, либерализацию на уровне национальных государств в глубоких экономических проблемах Кубы под руководством Кастро, Северной Кореи под руководством Кима, Ирана во власти мулл, Либерии и Сомали, контролируемых военными бандами, Нигерии под руководством коррумпированных военных диктатур, Зимбабве под Мугабе, Беларуси под Лукашенко, Венесуэлы под Чавесом или Гаити с правительствами последних десятилетий*»³⁸.

С другой стороны, страны, которые последовательно шли по пути создания основ капиталистической экономики, добились больших успехов. Правительства либерализовали торговлю и инвестиционный режим, что расширило возможности для бизнеса и создало эффективную конкурентную среду. Страны же ОЭСР в основном сохранили либеральные торговые режимы или пошли на дальнейшую либерализацию торговли. Конечно, бедные страны постоянно встречаются с большими проблемами в плане доступа к рынкам богатых стран. ЕС, США, Япония и другие члены ОЭСР сохраняют по многим товарным группам жесткую протекцию-

нистскую политику, особенно на таких чувствительных для бедных стран рынках, как с/х продукция, легкая промышленность. Однако если бедная страна решается на системные рыночные реформы, она получает большие выгоды, чем вреда. Это доказывают хотя бы постсоциалистические страны ЦВЕ и СНГ.

Еще одно яркое доказательство того, что национальные правительства часто сами виноваты в ответных мерах богатых стран, является Китай и Таиланд. В 1973 – 1998 гг. физический объем экспорта из этих стран увеличился в 16 раз, составив в среднем 11% в год. Мексика увеличила экспорт в 14 раз, а вот Индия, которая в этот период в большей мере сохранила протекционистские практики, увеличила экспорт всего в 4,2 раза. Эти данные свидетельствуют о том, что товары из бедных стран могут попасть и попадают на рынки богатых государств. Индия сделала выводы из этого важного урока и в начале XXI века начала более активно открываться миру.

Второй миф, на который опираются сторонники СОБ, – миф перемещения власти или места принятия политических и экономических решений. Они считают, что центр принятия решений сместился в сторону корпораций, поэтому они чуть ли не по умолчанию обязаны принять на себя расширенные обязательства. В книге *Walking the Talk* говорится: «В 90-х гг. произошло глубокое переосмысление роли бизнеса и государства в обществе... Компании должны действовать, принимая во внимание свои новые права и ответственность».

Антиглобалисты и сторонники СОБ заявляют, что интенсификация глобализации, либерализация и приватизация лишили государство власти и наделили полномочиями корпорации. Значит, «беспомощные» правительства не имеют возможности справиться с новыми вызовами? Раз корпорации, в первую очередь ТНК, получили новые права и полномочия, то они должны нести на себе и ответственность. Очень часто это иллюстрируется сравнением оборота ТНК с ВВП малых стран. Такие сравнения вводят людей в заблуждение, т. к. никак не отражают распределение власти между ТНК и бедными странами.

Грубой ошибкой является неспособность идентификации политической и экономической власти. Глобализация не лишила правительства ни одного инструмента влияния на проводимую экономическую политику. Налоги, регулирование бизнеса, денежная политика, торговые ограничения и статизация прав собственности – все осталось на месте. Не видно перемещения власти в богатых странах. В 1992 – 2002 гг. в десяти ключевых странах ОЭСР налоговые доходы к ВВП сократились, в трех остались неизменными, а в четырех увеличились. Тезис некоторых политологов о том, что сегодняшний более экономически интегрированный мир является миром *post-sovereign governance*, т. е. миром, в котором принятие суверенных решений правительствами невозможен, является чистой выдумкой.

Да, в результате приватизации большая часть экономической деятельности переходит в частный рынок, но целью приватизации является не наделение компаний новыми, расширенными полномочиями. Приватизация в мире началась, когда политики убедились в чрезвычайно низком качестве государственного управления. Наделение компаний новыми полномочиями не является результатом приватизации. Открытие новых рынков и возможностей никак не добавляет власти генеральному директору частной компании. Экономическая власть бизнеса не измеряется и даже не обозначается долей в ВВП, которую формирует частный сектор. В результате

либерализации происходит сокращение власти компаний, потому что появляется конкуренция.

Сторонникам СОБ, которые говорят о перемещении власти в корпорации, следует напомнить, что сегодня, как и 20, и 40, и 60 лет назад, именно государство, а не бизнес, каким бы большим он ни был, собирает налоги, принимает законы, обязывает людей и бизнес подчиняться разного рода нормативным актам. Именно государство, а не бизнес, отдает приказы армии и милиции. Именно государство, а не бизнес, имеет монопольное право на использование силы для принуждения к определенному поведению.

Эти очевидные вещи не упоминаются бизнес-организациями в своей политике взаимодействия с властями по концепции СОБ. Вместо этого бизнес некритически принял страшилку государства и его идеологов, а также активистов третьего сектора, о глобализации и новой роли бизнеса. Это яркий пример принятия на себя незаслуженной вины, когда прекрасившиеся социалисты, современные Тухи (из книги А. Рэнд «Источник») принесли новый бич бизнесу и велели себя выхлестать. То, как безропотно, большой бизнес взял его и начал себя хлестать, говорит как раз о большой слабости, а не о силе бизнеса. Он абсолютно не готов защищать себя от абсурдных обвинений.

Глобальное управление и гражданское общество

Миф о потере национальными правительствами своей власти и тезис о разрушительной роли глобализации привели к предложению создания глобального правительства или системы глобального управления. Главной частью этой концепции является более активное вовлечение в процесс управления глобальным миром международного бизнеса и НГО, выражающих общественные интересы. Речь идет о трипартийном глобальном партнерстве: правительства вместе с международными организациями (их часто называют четвертым партнером) объединяют усилия с бизнесом и гражданским обществом.

В мире бизнеса сторонником такого подхода является Всемирный экономический форум (*World Economic Forum*) в Давосе. Такой треугольник или четырехугольник должен обеспечить устойчивое развитие, повысить ответственность бизнеса и защитить бедных от происков глобализации. Вот что говорится в одном из документов форума: «*Возникнут прозрачные корпоративные сети со множеством акционеров. Они будут самой правильной формой для решения глобальных проблем XXI века. Правительства должны объединить усилия с бизнесом, международными организациями и нарождающимся международным гражданским обществом для формирования коалиции по решению критически важных проблем, стоящих в глобальной повестке дня. Они должны сотрудничать в гибких рамках для их решения*»³⁹.

Сторонники концепции СОБ уверены, что при ускорении темпов глобализации партнерство правительства, бизнеса и гражданского общества необходимо для максимизации возможностей всех участников глобального рынка. Не удивительно, что такой же подход доминирует в идеологии ООН и многих других международных НГО. При этом гражданское общество в данном контексте определяется очень узко – как ассоциации потребителей, экологические организации, организации, кото-

рые занимаются развитием бедных стран, правозащитники, движения за социальную справедливость, гуманитарные группы, организации, представляющие аборигенов, религиозные группы всех конфессий. Исторически понятие гражданского общества было гораздо шире.

Идея глобального партнерства начала развиваться в 1999 г., после запуска ООН кампании *Global Compact*. В рамках этой инициативы бизнес и ассоциации бизнеса обязались работать, соблюдая девять принципов, которые касаются: соблюдения прав человека: соблюдения определенных стандартов на рынке труда; защиты окружающей среды. Для определения этих принципов бизнес-организации должны работать вместе с агентствами ООН, избранными НГО и профсоюзами. Цель этой деятельности – «выработка совместных решений для вызовов глобализации». Трудно найти подтверждения того, что данная инициатива привела к сокращению бедных в мире или к повышению уровня и качества жизни в бедных странах. Такая деятельность зиждется на ошибочном положении, что власть переместилась от правительства к бизнесу.

Во-вторых, экономическая история последних 50 лет показывает, что добиться быстрого экономического прогресса можно без таких международных образований. Самые успешные из переходных стран, которые, по сути дела, в течение одного поколения добились статуса развитой, работали без помощи со стороны глобальных партнерств. Почему будущее развивающихся стран вдруг должно стать критически зависимым от формирования таких партнерств?

В-третьих, совсем неясно, при помощи каких инструментов и действий эти партнерства будут улучшать жизнь бедных стран. Если эти страны до сих пор не поняли важности экономической свободы, частной собственности, конкуренции и открытой торговли, то едва ли эти партнерства будут создавать их на национальном уровне. Как показала история, все другие действия, типа выделения грантов и помощи чиновникам, не приводят к устойчивому экономического росту. Нет оснований верить, что наступила некая новая эра, в которой будущее бедных стран неким особым образом будет зависеть от сознательных обязательств ТНК и некоего «международного гражданского общества», которое должно прийти на помощь бизнесменам. Граждане богатых стран далеки от исчерпания своего потенциала помочь бедным через существующие каналы. Так что предложения партнерства новой эпохи построено на непонимании или сознательном извращении событий и отношений современного мира и истории.

Case против международного корпоративизма

Попытки реализовать на практике новое корпоративное глобальное партнерство может больше навредить, чем помочь. Опасения основаны на следующих основаниях. Во-первых, возникают проблемы с конституцией. Создание некоего альянса отдельных НГО и правительства может поставить под угрозу сам демократический процесс и привести к формированию политico-гражданских кланов. Ни одна НГО не имеет права выступать от имени народа, потому что каждая страна имеет демократически избранное правительство. В дополнительном представительстве отпадает необходимость, особенно если правительство ведет себя ответственно (речь не идет о тоталитарных режимах). Ни НГО, ни бизнесы, ни

профсоюзы не имеют права принимать активного участия в международных переговорах и в процессе принятия решений. Да, они имеют право и все основания информировать о своей позиции национальные органы власти и, если посчитают нужным, в законном порядке добиваться отстранения правительства от власти. Самыи правительства могут воспользоваться услугами НГО, но это им решать, потому что мандат легитимности находится только у них в руках.

Вторая причина, по которой формирования трех- или четырехсторонних партнерств может быть опасным, кроется в самой природе НГО и международных агентств. Подавляющее большинство международных НГО, которые претендуют на особый статус, выступают против свободы перемещения товаров и капитала. Поэтому они будут препятствовать развитию как раз тех механизмов, которые исторически помогли десяткам бедных стран стать богатыми. Эти НГО и международные организации практически без исключения враждебно относятся к капитализму и идеологии свободного рынка. Они не признают решающую роль бизнеса в резком повышении уровня жизни на Земле.

Третья причина – создание еще одного партнерства, которое приведет к еще большей зарегулированности деловой среды, к созданию очень сложного международного законодательства. Еще более проблематичным является создание институтов контроля за исполнением новых регуляций и наказанием за их нарушение. Как показывает ВТО, ЕС и тем более ООН, такие механизмы практически не работают или работают очень слабо. Легко вообразить, во что выльется попытка стандартизации и унификации многочисленных положений и норм, которые должны касаться действий бизнеса, НГО и правительства. А в ситуациях, когда бизнес должен будет навязывать некие стандарты своим партнерам или клиентам, будет сорвано немало сделок и нанесен ущерб. Таким образом, попытки придать капитализму «человеческое лицо» приведут к падению уровня благосостояния или замедлению темпов его роста. Авторы книги *Walking the Talk* утверждают, что блокировка доступа бедных стран к рынку разрушает планету и людей. Это абсолютно верное утверждение. При этом предлагаемая авторами книги модель глобального управления как раз создает препятствия для свободного добровольного экономического обмена. Как отмечает колумнист газеты *Financial Times* Мартин Вулф, «у динамичной международной экономики уже есть человеческое лицо. Ее гуманность заключается в том, что она расширяет возможности простых людей»⁴⁰.

Глобальный *Salvationism* и давление консенсуса

Во второй половине XX века сильно развились две тенденции глобального спасительства. Первая относится к борьбе с бедностью и экономическому развитию, вторая – к проблемам экологии. Они описывают мир в черных красках и требуют немедленного расширения интервенции государства. Алармисты утверждают, что решения известны, нужно только применить их на практике. Главное, применить коллективный разум и начать спасать мир. Комбинация алармистского видения мира с радикальными коллектиivistскими решениями проблем – две главные характеристики сторонников глобального спасительства. Постепенно два тренда сблизились, и сегодня можно говорить о сальвационном консенсусе. В последние 20 лет он стал гораздо более влиятельной силой.

Одним из главных аспектов пессимизма развития является неправильная трактовка данных по доходу в бедных и богатых странах. Авторы *Walking the Talk* вслед за многими другими сторонниками концепции устойчивого развития повторяют, что бедных в мире 80%, а они получают только 20% дохода мировой экономики. Сравнение 80% и 20% очень часто встречается в работах антиглобалистов, когда они говорят о несправедливом распределении богатства в современном мире.

Д. Хэндерсон указывает на три грубые ошибки в подобном сравнении. Во-первых, оно идет по рыночному обменному курсу, а не по паритету покупательной способности. Если взять данные А. Мэдисона, т. е. сравнение ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, то в 2000 г. 80% людей, живущих в бедных странах, имело не 20%, а 37% мирового ВВП. Соотношение 80 : 20 можно найти и в работах Всемирного банка, экологических организаций, которые продолжают упорствовать, что 20% богатых распоряжаются 80% ресурсов земли.

Антиглобалисты считают, что товары и услуги производит некая мистическая категория «планета», а потом их несправедливо и неравно распределяют по всему миру. Богатые страны богаче потому, что производительность труда там выше, они больше инвестировали в политическую и экономическую конкуренцию и свободу. Третий аргумент алармистов заключается в том, что бедные страны обречены оставаться бедными, пока их неким магическим способом не спасут путем иного распределения мирового богатства. История убедительно доказала, что это не так.

Искусственное увеличение разрыва между богатыми и бедными странами, а также неверное утверждение, будто неравенство есть результат неправильного распределения благ или товаров планеты, ведет к двум другим ошибкам. Первая – разница в уровне доходов между странами является проявлением несправедливости. Вторая – положение бедных стран можно исправить только через коллективные действия и программы, которые, с точки зрения алармистов, практичны и реалистичны. Ресурсы под эти программы, разумеется, должны выделить богатые страны. Мол, бедные страны по жизни зависят от щедрости богатых и от программ иностранной помощи. Такой подход является частью политики ООН и международных НГО, а вытекает он из ложного утверждения, будто страны стали бедными из-за их маргинализации глобализацией. Требований к перераспределению в ООН, ОЭСР и НГО много, а вот призывов к свободной торговле, конкуренции и частной собственности нет.

Вторая волна страхов касается окружающей среды. Уже после второй мировой войны начали высказываться мнения относительно разрушительного действия человека на окружающую среду. Страхи подпитывались учеными, а разносились международными НГО. Традиционно высказывались опасения по поводу перенаселения Земли: мол, людям грозит голод, потому что нечем будет прокормить 5, 6 или 7 млрд. человек. Затем эти страхи начали перерастать в алармистское движение. Как писал в 1989 г. Дж. Мэк Кормик в книге *The Global Environmental Movement: Reclaiming Paradise*, «озабоченность нескольких ученых, администраторов и консервативных групп переросла в бурное массовое движение, которое захватило прогнивший мир». Оно начало влиять не только на правительства, но и на международные организации и бизнес. Постепенно два направления – экономическое и эко-

логическое – сближались, добавляя истеричности и интенсивности проблемам современного мира.

Алармисты игнорируют работы таких авторов, как Дж. Саймон или Б. Ломборг, которые доказывают, что в последние 50 лет в мире фактически не отмечено признаков надвигающейся экологической или гуманитарной катастрофы. Эти ученые подвержены острой критике, но не со стороны делового сообщества, а академического мира и НГО. Принимая экономический и экологический пессимизм, бизнесы, поддерживающие концепцию СОБ, формируют более широкое движение в общественном мнении. Они становятся на сторону НГО, академиков, политиков, обвиняющих их в жадности и требующих от них еще больших дотаций и трансфертов, разумеется, через структуры этих самых международных агентств и НГО. Они являются активными участниками сальвационного консенсуса.

Факты развития современного мира в последние 50 лет должны были убедить в несостоятельности алармистского консенсуса. Многочисленные предсказания катастроф оказались ложными. Мир стал гораздо богаче и безопаснее. Появились средства от ранее неизлечимых болезней. Сотни миллионов людей вышли из бедности благодаря развитию предпринимательства, а не по причине реализации некоей глобальной стратегии международными организациями. Страны, которые остаются в нищете, до сих пор не поняли значения свободного рынка. Даже коллапс коммунизма им ничему не научил.

Вопреки фактам реальной жизни, сальвационный консенсус в последние 20 лет усилился. Первой причиной этого является распространение лживой информации относительно природы глобализации. Вторая причина – выход на международную арену мощных транснациональных НГО, третья – интенсификация эгалитарных подходов к распределению дохода. Позиции сторонников глобального консенсуса, которые поддерживают СОБ, основаны на том, что экономическая активность, мотивацией которой является жадность и прибыль, является серьезной угрозой для планеты Земля. Их второй идеологемой является тезис о том, что люди, за исключением богатых, гетеросексуальных мужчин работоспособного возраста и не имеющих инвалидности, везде являются реальными или потенциальными жертвами. Их благосостояние зависит в основном от законов, регуляций и программ, которые реализуются от имени общества или «международного сообщества».

Перед нами типичный пример современного коллектivistского мышления, которое полностью игнорирует факты и уроки экономической истории. Перекрасившиеся марксисты считают, что современный бизнес сегодня просто обязан за свой счет решать глобальные проблемы современности, в том числе проблему изменения климата. Это четвертый фактор, который усилил сальвационный консенсус. Пятый – некритическое принятие концепции устойчивого развития. Это клише стало лозунгом экологов, и эгалитаристов, и сторонников концепции СОБ. В преамбуле к основному документу «Повестка дня» (*Agenda 21*), принятому на конференции в Рио-де-Жанейро, говорится: «Человечество находится на решающем этапе своей истории. Мы столкнулись с расширением диспаритетов между странами, усугубляющейся бедностью, голodom, ухудшением здоровья и расширением неграмотности, продолжающимся ухудшением экосистем, от которых зависит наше благосостояние»⁴¹.

Так глобальный сальвационизм стал официальной идеологией ООН. С точки зрения данной организации, решение всех этих проблем простое – создание «нового глобального партнерства во имя устойчивого развития». Игнорируя факты и экономическую историю, ООН при поддержке международных НГО и особо «сознательных» бизнесов начала новый этап социализации мира.

Триумф концепции устойчивого развития объясняется следующими факторами.

1. Ее сторонники рассуждают, принимают документы, как будто есть общее понимание значения клише «устойчивое развитие». На самом деле существуют сотни интерпретаций этого понятия.

2. Некритически было принято положение о том, что устойчивое развитие включает три элемента: экономический, социальный и экологический. Страны ЕС, ОЭСР утверждают, что они должны работать на выполнение задач устойчивого развития. Они не замечают, что многие проблемы, которые скрываются под вывесками «экологический» и «социальный», на самом деле являются экономическими проблемами, решаемыми в рамках обычного экономического анализа.

3. Клише прочно вышло на уровень выработки и принятия решений. Отныне любой департамент национального правительства или наднационального органа должен работать во имя достижения устойчивого развития.

4. Рост популярности устойчивого развития привел к продвижению концепции СОБ, т. е. компании должны работать во имя достижения устойчивого развития.

Давление на бизнес с целью принятия концепции СОБ исходит из трех источников. Первый – антипредпринимательские движения и НГО. Среди них есть и те, кто враждебно относится к капитализму, и те, кто воспринимает бизнес только в «шкуре» концепции СОБ. Вторая группа – люди, которые более позитивно относятся к бизнесу и не требуют «крови». Они считают, что СОБ – это новая возможность для бизнеса, адекватный ответ критикам капитализма и бизнеса. Эти люди в разной степени разделяют сальвационный консенсус и считают необходимым навесить на бизнес социальные цели. И третий источник – чиновники, которые занимаются экономической политикой на национальном или международном уровне, в том числе министры финансов и экономики. Они используют клише «устойчивое развитие» для получения дополнительных бесплатных ресурсов.

По сути, концепция СОБ стала одним из идеологических фундаментов ЕС и ОЭСР. Еще в 2001 г. в работе над документом «Рекомендации для мультинациональных предприятий» (*Guidelines for Multinational Enterprises*) ОЭСР представила концепцию СОБ как «инструмент продвижения идеи корпоративной социальной ответственности». В Монтеррейском документе ООН 2002 г. говорится: «Мы призываем бизнес учитывать не только экономические и финансовые аспекты своей деятельности, но и социальные, гендерные, экологические, а также аспекты развития»⁴².

Так что против бизнеса сегодня ополчились серьезные силы. С одной стороны, они нашли себе работу и источник финансирования, с другой – придумали удачную форму скрытия своих философских взглядов и ценностей после очевидного провала социализма и колlettivизма. К сожалению, много бизнес-организаций подыгрывало

вает им. Одни искренне заблуждаются, другие используют ширму СОБ для «цивилизованного» диалога с чиновниками. По сути дела, эти бизнесмены добровольно несут чиновникам и НГО хлыст, которым сначала слегка, а потом все сильнее этот самый бизнес будет выхлестан. Вместо того чтобы придумывать новые клише и течения, нагнетать страхи и усиливать фобии, международные организации взялись бы лучше за тщательное изучение экономической истории. А распространение идей А. Рэнд, Л. фон Мизеса и других защитников философии свободы, без сомнений, значительно быстрее и дешевле сделало бы мир более стабильным, безопасным, богатым и ответственным.

Прибыль, благосостояние и добродетель

Главный тест на определение социальной ответственности бизнеса – демонстрация его баланса и графы «прибыль». Люди сами дают ответ на вопрос, добродетелен бизнес или нет, – покупая его товары и услуги или отказываясь от покупки. Прибыль не является точным измерителем, но важным индикатором того, сколько добра делает бизнес людям. В этом смысле прибыль является важным информационным сигналом рыночной экономики. Из всех лозунгов сторонников концепции устойчивого развития самым ложным, антирыночным и вредным является лозунг «Сначала люди, потом прибыль». В конкурентной рыночной экономике прибыль получается только в результате прилежного служения потребителю. Конечно, идеализировать прибыль нельзя. Случается, в погоне за прибылью компания ставит под сомнение свою устойчивость.

Для полноценного анализа важно учитывать многие компоненты деятельности бизнеса. Возможен сговор отдельных участников рынка с целью определения маржи прибыли. Еще один популярный способ, который часто практикуют многие бизнесы, – обратиться за помощью к государству за ограничением входа на рынок конкурентов, которые сбивают цены. На размер прибыли влияют также квоты, импортные тарифы (особенно дискриминирующие отдельных производителей), лицензии, налоговые привилегии, первостепенный доступ к дешевым ресурсам и т. д.

При деятельности бизнеса возникают позитивные и негативные экстерналии. Одним из популярных аргументов экологов против механизма прибыли является то, что при формировании цены не учитываются издержки, связанные с интенсификацией процесса глобального потепления. Путем использования корректирующих механизмов сторонники концепции СОБ предлагают интернализацию негативных экстерналий. Эти механизмы может вводить только государство.

Одним из самых популярных способов искусственных манипуляций размером прибыли является сложнейшее законодательство по регулированию разных аспектов деятельности бизнеса. Чем сильнее регулирование, тем труднее бизнесу выполнять свою первичную роль. Тотальному регулированию подвергаются химические производства, биотехнологии и многое другое. Причем мнение ученых далеко не всегда принимается во внимание.

Приведем пример оценки регулирования химических веществ в ЕС. Это мнение ученых, а не лоббистов: «*Данное законодательство непрактично и имеет огромные экономические и этические импликации. Оно предполагает интенсивное тек-*

тирование на предмет безопасности всех не тестируемых ранее химических элементов, производимых в количествах более одной тонны, вне зависимости от рисков, включая такие компоненты, как обычная соль или гидрокарбонат натрия» (профессор К. Блейкмор, президент британской федерации биологических наук)⁴⁵.

Такое регулирование сильно завышает издержки бизнеса и делает многие товары недоступными для «предельных» потребителей. Таким образом, государство должно не искать некое новое человеческое лицо бизнеса (интересно, чью фотографию предполагается использовать для этих целей?), а создать условия, в которых бизнес работал бы для выполнения своей первичной функции. Предлагать законодательные решения – ответственность государства, а не бизнеса. Бизнес может выступать в качестве консультанта, но не должен нести ответственность за несовершенную налоговую систему или закон о регистрации предприятий. Было бы ошибкой относиться к бизнесу как к роботу, который знает только две вещи – прибыль и убытки. В бизнесе работают живые люди, со своими ценностями, взглядами и идеалами. Наконец, нельзя говорить о том, что неким кардинальным образом изменился характер экстернализ. Провал новых интернет-компаний, известных как *bubble.com*-мы, еще раз доказал, что опасно «покупаться» на посулы бизнеса новой, нетрадиционной ориентации.

Устойчивое развитие и концепция СОБ

В отношении экологических проблем (экстернализ) решение в рамках подхода СОБ предлагается ценовое, т. е. включение в цену затрат на нейтрализацию загрязнения. Это значит превращение экологически вредного производства в экономически невыгодный проект. Однако в отличие от рыночного подхода, в котором размер прибыли является определяющим, сторонники СОБ настаивают на том, чтобы чиновники сами определяли параметры производства. Они считают, что, если бизнес будет реализовывать концепцию устойчивого развития, это будет гарантировать ему более высокую доходность.

Таким образом, прибыль в подходе СОБ не является критерием, индикатором вклада бизнеса в благосостояние общества. Она считается вознаграждением за благородительное поведение, которое само по себе непосредственно будет стимулировать общее благосостояние. С течением времени благородительные компании должны получать больше прибыли. Попытки утопистов, коммунистов и фашистов изменить природу человека закончились трагедиями вселенского масштаба и отбросили развитие человечества на десятки лет назад.

Почему вдруг бизнес начнет работать добродетельно (определять понятие «добродетель» будут, разумеется, все те же далеко не добродетельные чиновники)? Почему это вдруг бизнесмены сами по себе начнут устанавливать цены, которые наилучшим образом «отражают стоимость земли», непонятно. Сторонники СОБ считают, что в новое время нужен новый договор между обществом (что это такое?), правительством и бизнесом. В рамках такого договора бизнес примет на себя обязательства инвестировать в эко-эффективные технологии, чтобы добиться не постепенных, а радикальных изменений.

Поскольку концепция устойчивого развития довольно обширна, то бизнес, продвигая общее благосостояние, должен заботиться (вкладывать деньги) о правах чело-

века, социальной справедливости, поддерживать бедные страны и аборигенов, обеспечивать равные возможности, бороться против исключения разных социальных групп из общества и т. д. О конфликте интересов, отвлечении средств от инвестиционных проектов и нанесении ущерба акционерам, речь, разумеется, не идет. Если менеджеры будут принимать во внимание цели и задачи СОБ, им будет гораздо сложнее сбалансировать свои предпринимательские планы и выполнение экологических или социальных задач. Выполнение этих задач увеличивает издержки и может привести к потере конкурентоспособности. Это серьезный риск.

Второй формой риска является увеличение затрат на учет своей деятельности в рамках СОБ. Потребуется создание системы мониторинга, оценки, контроля социальной или экологической деятельности. Значит, нужно будет нанимать новых людей или еще больше нагружать старых сотрудников.

Третий источник рисков – реализация принципа последовательного контроля за поведением поставщиков, клиентов и подрядчиков. В этом случае вы не в состоянии будете предвидеть, какие стандарты, когда и в каком объеме потребуют выполнить ваши экономические партнеры по экономическому обмену.

С этими рисками для прибыли можно было бы справиться, если бы в результате социально ответственной деятельности действительно было бы получено больше прибыли, улучшена мотивация сотрудников, а государство также неким магическим образом стало бы вести себя ответственно. Было бы классно, если бы и потребители в один прекрасный день вдруг начали покупать товары только социально ответственных фирм, несмотря на более высокую цену. Кто же будет их информировать об этом и почему отказ от покупки аналогичного товара «безответственной» фирмы, который на 5–50% дешевле, будет нормой? При этом правительство не сможет заставлять потребителей покупать дорогие «эко-эффективные» товары, поддерживая «этическую торговлю» и «социальную справедливость».

Сторонники СОБ считают, что потребители ждут от компаний социально ответственного поведения, но данный тезис ничем не подтвержден. Очередной сомнительный тезис сторонников СОБ заключается в том, что общественность не приемлет мотив получения прибыли и ненавидит бизнес. В данном случае мнение лидеров НГО выдается за глас народа. Такой же подход в свое время практиковали большевики. То же самое наблюдаем мы в Беларуси сегодня. Если бизнес примет концепцию СОБ, он своими руками резко увеличит регуляторную нагрузку. И если для больших и богатых компаний это не так страшно, то многие малые бизнесы либо будут имитировать социальную ответственность, либо уйдут с рынка. Это относится к выполнению как экологических, так и социальных задач. А если будут навязаны единые нормы и стандарты, то исход МСБ с рынка будет еще более массовым.

Пока бизнес сам будет выбирать, принимать ли ему нормы СОБ или нет, пока потребителей не будут принуждать к приобретению товаров только от «социально ответственных» компаний, пока государство не начнет наказывать за социально безответственное поведение, концепции СОБ можно не бояться. Однако то, что многие международные организации уже приняли СОБ в качестве своей идеологемы, что концепцию устойчивого развития вкупе с СОБ настойчиво продвигают новые социалисты и коллективисты, заставляет мобилизоваться на борьбу с очередной

попыткой перераспределения ресурсов во вселенском масштабе под вполне благочестивым подсчетом.

Активными сторонниками продвижения концепции СОБ являются компании, которые уже являются «дойными коровами» международных НГО. Так, Хью Морган, который одно время возглавлял добывающую компанию *WMC Resources*, вспоминает разговор с представителем одной из крупнейших сырьевых корпораций. Тот сказал ему: «Хью, разве ты не понимаешь? Сегодня моей организацией управляет «Гринпис». Моя задача сделать так, чтобы завтра он управлял и твоей организацией»⁴⁴. Это типичный пример оказания давления на фирмы, которые не хотят или не могут добровольно выполнять требования СОБ. Часто корпорации богатых стран через международные НГО и организации оказывают давление на своих конкурентов из бедных стран. Это также способ недобросовестной конкуренции при помощи государства и угрозы применения «черного» PR. Аналогичным образом может вести себя большой национальный бизнес, который при помощи тех же инструментов может дискриминировать малый бизнес или иностранных конкурентов. Реализация концепции СОБ может привести к «загрязнению» чистоты показателя «прибыль», к ее искажению.

Почему же мотив получения прибыли имеет такую дурную славу? Многие считают, что стремление к получению прибыли является проявлением жадности. А раз жадность – плохо, значит, и прибыль – плохо. В такой грубой интерпретации места прибыли как информационного индикатора, как показателя прилежного служения потребителю вообще нет. Акцент делается исключительно на мотивации, причем представленной в карикатурной, извращенной форме. Противники бизнеса не делают никакого различия между *self-interest* и жадностью. 250 лет назад в классической работе А. Смита *Theory of Moral Sentiment* доказывалось, что деятельность по удовлетворению своего интереса аналогична добродетельному поведению. Привычка быть бережливым, трудолюбивым, внимательным, творческим, реализация на практике теорий и идей – все эти элементы человеческого поведения заслуживают похвалы, поощрения, а не осуждения. «Через торговый обмен, переговоры мы получаем гораздо большую часть благ, чем нам нужно. Не из благожелательности мясника, производителя пива или пекаря получаем мы свой ужин, а потому, что они преследуют свои интересы»⁴⁵.

Конечно, бизнес может ошибаться. Ярким примером такой ошибки, совершенной которой помогли правительства, является создание и эксплуатация самолета «Конкорд». Британо-французский проект был шикарным, модным, но в результате финансировали его налогоплательщики. Аналогична судьба проектов по строительству тоннеля под Ла-Маншем и созданию аэробуса А380.

Таким образом, при оценке полезности экономической деятельности нужно судить по результатам, а не по мотивам. Во-вторых, для товаров и услуг, которые продаются на рынке, самый эффективный тест – размер прибыли. В-третьих, тот факт, что бизнес и те, кто им управляет, имеют моральные обязательства, не ставит под сомнение поведение, направленное на удовлетворение личного интереса, первичную функцию бизнеса или информационную функцию прибыли.

Концепция СОБ – это новая «обертка» довольно старых идей. Она делает акцент на чистоте мотивов поведения бизнеса и выступает против мотива получения при-

были. Сначала ее сторонники сознательно разъединяют поведение, направленное на получение прибыли, и поведение, направленное на общественное благо. Например, девиз «Бритиш Петролеум», заявленный в 1998 г., звучит так: «Хороший бизнес должен быть успешным, с точки зрения конкуренции на рынке. Он также должен быть силой во имя добра». Как будто первое исключает второе. Вот что заявляется в докладе 1999 г. Всемирного бизнес-совета за устойчивое развитие (*World Business Council for Sustainable Development*): «Хоть причиной существования каждого легального бизнеса является генерирование приемлемого (!) дохода для акционеров и инвесторов, бизнес и его лидеры на протяжении столетий делали значительный вклад в общества, частью которого они были»⁴⁶.

Эти высказывания свидетельствуют о непонимании бизнесом роли и функции прибыли. Она считается средством для достижения некоей высшей цели. В своих схемах сторонники концепции СОБ принизили фундаментальную роль бизнеса, а также ориентированную на получение прибыли деятельность. Они пытаются защитить бизнес и рыночную экономику посредством их популяризации и формирования уважения к ним. Для этого сторонники СОБ по-новому определяют миссию бизнеса, описывают его деятельность в свете общественных ожиданий.

Возможно, бизнес сам по себе и придет к необходимости иного поведения, потому что когда-нибудь, в далеком будущем, будет стоять вопрос выживания. Но когда СОБ ослабляет деятельность предприятия, ограничивает экономическую свободу и конкуренцию, он только ограничивает благосостояние. Он лишает частный бизнес его уникальной добродетели и причины существования. Неспроста разговор об изменении миссии и определении функции бизнеса напоминает тезисы в поддержку национализации и огосударствления экономики. И в социалистических, и в западных экономиках XX век убедительно доказал, что национализация и развитие государственного сектора не сделали мир устойчивым и не повысили благосостояние людей. Эксперимент с верой в порядочного, благодушного и благожелательного чиновника, который одновременно был бы социальным инженером и заменителем механизма «прибыль – убытки», который ориентировался бы на изменение природы человека, провалился. Современный мир беспрецедентного богатства является результатом работы частного бизнеса, работающего в открытой, конкурентной среде. Концепции социальной ответственности бизнеса, равно как и устойчивого развития, стали популярными, но пока далеко не такими разрушительными, как марксизм в XX веке. Бизнесу не надо стыдиться своих успехов. При этом любые его связи с государством, под «соусом» ли устойчивого развития или социальной ответственности, оказываются порочными и вредными для простого человека и страны в целом.

Десять заповедей реальной социальной ответственности бизнеса

1. Не проси дотаций у государства.
2. Не используй чиновников для уничтожения конкурентов.
3. Не требуй льгот для своего бизнеса.
4. Не лоббирай торговый протекционизм.
5. Не участвуй в государственных программах.

-
6. Поддерживай политическую конкуренцию и независимый суд.
 7. Выступай за прозрачность своих и государственных финансов.
 8. Живи по закону, а не по понятиям.
 9. Сотрудничай с человеком в нужде.
 10. Будь партнером в своем местном сообществе.

16. Антиkapitalistische дети капитализма

Телевидение Белоруси и России с удовольствием смахивает разборки полиции западных стран с демонстрантами. Особенно шокирующими были выступления в Сиэтле и Праге. Молодые, хорошо одетые люди, с сотовыми телефонами и навороченными ноутбуками при помощи традиционного оружия пролетариата – булыжников и палок – запугивали представителей стран – членов Всемирной торговой организации, МВФ и Всемирного банка. Они яростно выступали против глобализации, капитализма и бессердечного бизнеса с его зацикленностью на священности частной собственности. Именно так они трактуют данную систему. Били витрины, переворачивали машины, не пускали людей в здания, дрались со стражами порядка.

Символом глобализации молодые люди выбрали почему-то рестораны быстрого питания *McDonald's*. Именно те рестораны, которые привлекают детей и подростков во всех странах мира. Веселые кафе не связаны с вредной химией, опасной атомной энергетикой и тяжелой промышленностью. Они продают банальные бутерброды, мороженое и картошку – самые что ни на есть мирные продукты. Хорошие или плохие – это другой вопрос. Не нравится – не ешь. Но антиглобалисты выступают не только против свободного выбора вида бутерброда. Социалисты и интервенционисты разных мастей в течение XX века навязывали людям свои нормы и идеалы. Несогласных оказалось около 100 млн. Они пали жертвами тоталитарных режимов. Были убиты на фронтах войн, связанных тоталитарными государствами, уничтожены в концлагерях, тюрьмах или на трудовых стройках коммунизма.

Антиглобалисты выступают против прогресса, продолжая славные традиции луддитов, с одной стороны, и утопистов – с другой. Для большинства из них уличные разборки и шумные публичные кампании – просто способ избавиться от скучки обеспеченной, беззаботной жизни. Для других, меньшинства, это просто источник доходов. Конечно, есть люди, которые верят в светлые идеалы экологизма, в то, что частная собственность является врагом чистой природы. Но в то же время они являются частью молодежной толпы, такой же безрассудной и опасной, как та, которая брала Зимний в 1917 г. Спесь проходит, родители быстро возвращают активных детей в лоно цивилизованных капиталистических специальностей (типа банкир, брокер или маркетолог), а ряды вечно недовольных неважно чем, пополняют новые ребята, которым редко приходит в голову мысль изучить основы рыночной экономики и человеческого поведения.

Духовные братья Вудстока

15 августа 1969 г. 300 тыс. молодых людей со всей Америки собрались на поле Бесел возле Вудстока. «Ярмарка музыки и искусства» искусство напоминала весьма отдаленно. Она проходила на пастбище площадью в тысячу акров, взятого в аренду у местного фермера. На рекламу было потрачено около \$200 тыс. – большие деньги по тем меркам. На нее откликнулись 300 тыс. хиппи. Фестиваль скорее напоминал племенную сходку. Почти все курили марихуану. Героин, гашиш и *LSD* продаются свободно. Вокруг образовались горы мусора. Журнал *Newsweek* так описывал происходящее: «Запасы продовольствия быстро истощились. Вода в колодцах закончилась. Сильный дождь ночью в пятницу превратил амфитеатр в болото, все поле – в грязное месиво. Промокших, простуженных и раненых хиппи, с переломами, ранами от колючей проволоки, поместили в насконо развернутые медицинские палатки. Доктора назвали фестиваль «чрезвычайным положением». «Цветы сексуальной революции» требовали всего сразу, требовали любви. Все остальное не имело значения.

Кто заплатил за дикую оргию? Жители городка Бесел, которых полиция и государство бросили на произвол толпы. Гражданские права, права собственности жителей никого не интересовали. Поруганию подверглись не миллионеры из *Wall Street*, а простые фермеры и малые бизнесмены. Их впечатления о прожитом фестивале напоминали сводки после военных сражений. Ричард Джойнер вспоминает: «Подростки практически захватили мою собственность, разбили палатку на моей лужайке и превратили двор в туалет». К. Таунсенд пишет: «На наших полях были запаркованы тысячи автомобилей. Повсюду были дети. Они превратили мою собственность в отхожее место, сломали все заборы и уничтожили весь урожай. Для костров они использовали все, что горит». Р. Габриэле: «Они превратили мой труд в болото. Сломали все заборы, загадили всю собственность, уничтожили все съестное».

Конечно, хиппи, как предвестники антиглобалистов, не думали о любви к этим мелким фермерам и простым людям, чьи права были вопиющим образом нарушены. Речь шла просто о любви вечной, безадресной и безусловной.

Манипуляция животными инстинктами

Организаторами Вудстокского фестиваля выступили четверо молодых людей, каждому из которых было чуть за двадцать. Один из них был богатым наследником производителя лекарств. Узнав, что материальный ущерб после мероприятия был оценен в \$2 млн., парни были в шоке. Но *PR*-акция сулила гораздо большие дивиденды. Они быстро поняли прелести зарабатывания денег на протесте молодежи и образовали *Woodstock Ventures Corporation*. Один из лидеров хиппи презирал туфли, рубашки и парикмахеров, зато любил дорогие «кадилаки», путешествия на самолете в бизнес-классе и игры на фондовом рынке. Вот такой своеобразный антиматериализм.

Каждый из учредителей имел связи с известными корпорациями и *Wall Street*. Что касается участников фестиваля-оргии, то подавляющее большинство из них было из состоятельных семей среднего класса. Они учились в частных школах,

потом поступили в хорошие университеты и вполне комфортно слились с ненавистным в отдельно взятом эмоциональном порыве истеблишментом. Вот признание одного из «бунтарей» Джимми: «У меня всегда было почти все, что я хотел. Мне надо иметь все необходимое до конца жизни. Только сейчас мне надо будет самому это обеспечивать. А я не хочу работать, потому что если мне надо будет оставаться в одном и том же месте с 9 утра до 5 вечера, я не смогу иметь все и делать все, что я хочу». И этих людей «прогрессивная» американская и европейская пресса называла представителями «новой культуры», молодежным движением значительной моральной важности! Журнал *Time* писал: «...молодежь 60-х открыто продемонстрировала свою силу, мощь и привлекательность. Это было одно из важнейших политических и социологических событий века... Спонтанное сообщество молодежи ... было тем материалом, из которого слагаются легенды».

Молодые противники ВТО, МВФ и ВБ начала XXI века недалеко ушли от своих духовных собратьев по Вудстоку. Парадокс ситуации заключается в том, что обструкции подвергаются организации, являющиеся не результатом функционирования капитализма, а как раз государственной интервенции. Все это институты, образовавшиеся в результате мирового порядка после второй мировой войны. Их часто используют международные и национальные бюрократы для разрушения того самого рынка, который ненавидят современные «зеленые» хиппи. Логично было бы, чтобы они объединились, а не воевали друг против друга.

Еще одна интересная деталь. Экологические и другие общественные организации давно работают по совместным проектам с Всемирным банком, ООН и ВТО. В Сиэтле и Праге бушевали те, кто не вошел в когорту избранных. Организации Красного креста, по оказанию помощи беженцам (*Oxfam* и *Save the Children*) традиционно оказывали услуги за деньги Всемирного банка. В 1997 г. они осуществляли проекты на сумму до 50% всех средств ВБ, в том числе 81% с/х проектов банка, 60% проектов в сфере здравоохранения и других социальных секторах. Без поддержки Всемирного банка эти организации не могли бы функционировать или были бы обычными национальными НГО без транснационального размаха.

Экохиппи просто против

Против чего был бунт? Против системы, которая создала невиданный в истории уровень материального благосостояния. Именно капитализм обеспечил экохиппи кучей свободного времени, чтобы можно было на деньги родителей ездить по всему миру и протестовать. А против чего – всегда можно найти. Спрос на идеологов молодежной толпы всегда высок. Вряд ли среди экохиппи были крестьяне, которым надо выращивать урожай на свои кровные сбережения, а не госсубсидии. Сомневаюсь, что закусочные громили рабочие, которым надо самим зарабатывать на обучение детей. В Вудстоке речь шла хоть о любви. А в Праге и Сиэтле это было проявление агрессии по отношению к «стрелочникам», а не виновникам экологических катастроф, бедности и многочисленный войн.

Если и был позитивный мессидж у этих выступлений, он потонул в пиве, «травке» и дыме развлекательных заведений прекрасной чешской столицы. Как-то гротескно выглядит картина, когда молодежь выступает против перемен, против прогресса, замены старых, непроизводительных рабочих мест новыми. Эти экономи-

ческие невежды кричат о вредности торговли, открытых финансовых рынков и при этом хотят, чтобы и деньги были стабильные, и акции приносили стабильный доход, и зарплаты росли. Старое как мир требование упразднить или ограничить мотив получения прибыли звучит через суперсовременные средства связи, разработка и внедрение которых стали возможными благодаря присутствию этого мотива.

Современные луддиты пользуются Интернетом, мобильными телефонами, цифровыми камерами и другими *hi-tech* «игрушками». Парадоксально, но, по сути, они требуют разрушить источник, генерирующий все эти блага. Едва ли они серьезно считают, что эти продукты можно производить под принуждением. Вы думаете, они могут убедительно доказать преимущества системы, в которой все производится во имя общественного блага? Вы рассчитываете на то, что они представят реальные доказательства моральности и эффективности «третьего пути»? Зря. Формально они против социализма (потому что люди для реализации этой системы плохие попались; они не смогли воплотить в жизнь великолепную идею). Но их предложения сводятся к известному набору мер. Бедные страны: а) могут нарушать права интеллектуальной собственности, если это выгодно народу; б) требовать того же уровня зарплат и социальных выплат, как и в богатых странах; в) должны заставлять миллионеров делиться сверхприбылью по справедливости (как определить это «сверх», никто толком не знает); г) должны получать часть бюджетных доходов богатых стран, собираемых с нефтяных, газовых и других ресурсных компаний.

Такова экологическая схема нового социалистического порядка. Они требуют всем все, здесь и сейчас, правда, за чужой счет. Эта часть идеологии уже более двухсот лет повторяется с завидным постоянством. При этом антиглобалисты-интервенционисты хотят быть как раз теми самыми распределителями и нормотворцами, которые дают свое определение понятиям «справедливость», «эффективность» или «оптимум».

В свое время вожди большевизма неистово выступали против индустриализации XIX века, которая позже значительно повысила уровень жизни в их же странах. Сегодня враги глобализации выступают против технологий и производственного порядка, которые значительно улучшают условия жизни самых бедных людей, которые сближают народы всего мира и позволяют эффективнее бороться против бедности. Именно глобализация позволяет консолидировать силы всего мира, чтобы успешно решать природные, социальные и экономические проблемы.

Доказывать? Зачем? Надо просто верить

Глобализация приносит пользу, если ее не сдерживать лицензиями, квотами, антидемпинговыми санкциями, нетарифными «цепями», таможенными пошлинами. Все эти барьеры – не рыночного происхождения. Почему бы экохиппи не выступить против государств, их устанавливающих? Почему бы им не выступить против международных институтов, их поддерживающих? Среди этих институтов будет не только известный набор (МВФ, ВБ, ЕС), но и ООН. Почему бы не потребовать создания всемирной зоны свободной торговли, чтобы любой белорусский, африканский или азиатский производитель, рабочий мог бы на равных конкурировать в любой стране? Почему бы не пропагандировать частную собственность как

краеугольный камень самой справедливой и эффективной из всех возможных альтернативных систем (утопии и мифы не в счет)?

Чтобы делать все это, надо напрягаться, учиться, искать факты, вступать в споры и отстаивать свою точку зрения, которая чаще всего не совпадает с мнением большинства. Во всех стычках антиглобалистов речь не шла о научной дискуссии или поисках правды. Как и в Вудстоке, идеологи толпы прекрасно отработали свой номер. Они развлеклись, пообщались, отдохнули в пивных Праги.

Пройдет время, сойдет спесь, бунтари возьмутся за ум и, окончив престижные школы, пойдут работать в бизнес или же займут места своих отцов или родственников в политике. Бывший министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер является тому ярким примером. Появятся другие наследники поколения «цветов любви». Может, они будут более последовательными. Не исключено, что они станут более деструктивными и радикальными.

Антиглобалисты будут ходить в домотканых одеждах, красить волосы травами, есть вырезанными вручную деревянными ложками. Да, они будут устраивать пешие паломничества на встречи МВФ или ВТО, а для связи пользоваться голубиной почтой. «Нереально», – возразите вы. Конечно, нереально, поэтому хиппи и их современные последователи останутся бесцельно и праздно шатающейся молодежью, очередным потерянным поколением. Потерянным в комфортных рамках благосостояния, заработанного их родителями. А вот о философском, идеологическом вакууме современного мира давно пора задуматься. Этот вакуум является следствием глубокого непонимания природы либерализма.

17. Голос во имя восстановления исторической справедливости

Что общего между 20 ноября 1945 г. и 25 января 2006 г., между Нюрнбергом и Страсбургом? С одной стороны, очень много, с другой – непозволительно мало. Первая дата вошла в историю как день начала Нюрнбергского процесса. Преступная идеология фашизма и ее сторонники попали на скамью подсудимых за преступления против человечества. Они погубили десятки миллионов людей, разрушили активов на триллионы долларов, не говоря уже о моральном и психологическом ущербе. Идеологию фашизма осудили, жестко и решительно.

Аналог фашизма под красными знаменами – коммунизм – уничтожил больше человеческих жизней, нанес больше вреда экономикам и природе, чем фашизм. Но осуждать его за это никто не спешит. Сначала все боялись Советского Союза. Потом были благодарны Михаилу Горбачеву за его мирный развал империи зла. Вернее, за то, что он не пытался сдержать объективные процессы разрушения при помощи оружия. Сейчас весь Запад хочет делать бизнес и торговать с формально коммунистическим Китаем. Опять не с руки для оппортунистов-политиков поднимать тему коммунистических преступлений против человечества.

Коммунизм ждал своего первого общеевропейского осуждения непозволительно долго, до 25 января 2006 г. К сожалению, в Страсбурге пока не было полноцен-

ного судебного процесса. Для такой формы осуждения красного тоталитаризма «розовая» Европа еще не созрела. Вопрос «*О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов*» рассматривался на пленарном заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Обратите внимание на формулировку вопроса. Речь шла не об «осуждении», а о «необходимости», и не каждого коммунистического режима, а только тоталитарного. Это как если бы в середине XX века стоял вопрос об осуждении только гитлеровского фашизма, а не, скажем, баварского или римского.

Социализированная Европа, где во многих странах коммунисты находятся в структурах власти, до сих не решились признать очевидное: коммунизм – такой же кровавый, преступный и античеловеческий режим, как и фашизм. Чтобы восстановить историческую справедливость, извиниться перед родственниками жертв коммунистических палачей, нужен полноценный суд истории. Нужен Нюрнберг для коммунистических преступлений. Пленарным заседанием ПАСЕ Страсбург только начал давно ожидаемый процесс осуждения преступлений коммунизма.

Беларусь, Украина, Польша и Россия являются одними из самых больших жертв коммунизма. Не будь В. Ленина и его группы фундаменталистов-фанатиков, их германских спонсоров, сегодня наша страна была бы полноценным участником всех европейских процессов, зажигательным и свободным государством. Не было бы в нашей трагической истории голodomора, красной кровавой диктатуры НКВД, переселения сотен тысяч «неблагонадежных», безумий экономического уклада колхозов, коррупции и аморальности партхознomenклатуры. Не было бы у нас Чернобыля и тысяч других болезненных и трагических событий. Российские, украинские и польские депутаты, как никто другой, должны поддерживать проведение полноценного судебного процесса против коммунизма. Беларусь до сих пор не представлена в ПАСЕ, поэтому ее голос не слышен в осуждении системы, которая погубила миллионы ее жителей.

Речь идет не столько о том, чтобы посадить на скамью подсудимых палачей НКВД и их начальников из КПСС и компартий постсоветских стран. Этот процесс нужен для будущих, новых Беларуси, России и Украины, для иммунизации молодежи от бациллы крайне опасного идеологического вируса.

Россия, как ни одна другая страна, пострадала от коммунизма. Миллионы невинных людей были уничтожены, судьбы десятков миллионов граждан были искорежены тоталитарными архитекторами людских жизней и мыслей. В своем развитии страна была отброшена на века. Нынешние российские депутаты являются прямыми наследниками не жертв, а палачей. Если бы было иначе, они не выступали бы в Страсбурге против открытого осуждения коммунизма. В погоне за реализацией своей новой geopolитической фишки – супердержавы – они не могут допустить даже мысли о том, что преступления коммунизма против человечества это не уступка Западу или трусость. Это способ извинения за десятилетия преступлений, физических и моральных издевательств. Это проявление уважения к прошлому. Это признание ответственности за будущее.

Почему так трудно осудить коммунизм

Надо отдать должное шведу Г. Линдбладу. Выступив на пленарном заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы, он взялся за столь острую тему, как осуждение преступлений коммунизма. Логичнее было бы, если бы с докладом выступил представитель страны, больше других пострадавшей от «красной чумы». Непонятно, почему эту тему отдали скандинавам и западным европейцам, а не, к примеру, украинским, польским или российским депутатам.

ПАСЕ справедливо подчеркнула, что европейское сообщество до сих очень мало знает о преступлениях коммунизма. Она «*жестко осуждает нарушение прав человека и призывает все коммунистические и посткоммунистические партии в странах – членах Совета Европы, которые этого еще не сделали, пересмотреть историю коммунизма и свое собственное прошлое, четко дистанцироваться от преступлений, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами, и однозначно их осудить*»⁴⁷. Комитет министров Совета Европы должен прислушаться к рекомендациям ПАСЕ и создать комитет независимых экспертов по сбору и оценке информации и законодательства, которые относятся к преступлениям коммунизма.

Предстоит нелегкая работа. После раз渲ала этой тоталитарной системы в Европе прошло почти 20 лет, а, по словам Г. Линдблада, «*до настоящего времени ни Совет Европы, ни какая-либо другая международная или межгосударственная организация не предприняли усилий по общей оценке коммунистического правления. Нет серьезной дискуссии по поводу преступлений, совершенных от имени коммунистических властей*»⁴⁸.

Причины такого аморального поведения международного сообщества докладчик видит в том, что в мире до сих пор существуют режимы, основанные на этой идеологии, и что свободные страны просто хотят поддерживать с ними хорошие отношения. Очевидно, речь идет о Китае. Все больше под эту категорию попадает Россия. Беларусь вообще воспроизвела основные институты советской системы и плавновой экономики. Многие европейские политики и бизнесмены активно ведут дела с посткоммунистическими странами. В прошлом они поддерживали коммунистические режимы. Осуждение коммунизма означало бы осуждение и их собственной политики. Многим партиям даже из Западной Европы трудно наступить на горло собственной песне и осудить коммунизм, под знаменами которого многие продолжают работать и сегодня.

Наконец, многие элементы коммунистической идеологии (равенство, социальная справедливость) до сих пор прочно сидят в мозгах многих европейских политиков, которые опасаются, что осуждение коммунистических преступлений будет означать осуждение этой идеологии. Когда на протяжении десятилетий успешно развивалась политическая карьера, нарабатывались социальные связи, решиться на переоценку ценностей в пожилом возрасте под силу лишь единицам.

Если преступления не встречают наказания и осуждения, они будут повторяться. Г. Линдблад говорит о ностальгии по коммунизму, которая по-прежнему жива во многих странах Европы. Такая атмосфера неосуждения, непротивления тоталитаризму создает угрозу возвращения коммунистов к власти со всеми вытекающими

щими отсюда последствиями. Если очередная волна этой тоталитарной системы накроет наш континент, то, не успеем мы оглянуться, как наступят времена «холодной», а может, и «горячей» войны. В контексте существующих сегодня в Европе проблем (хроническая безработица, потеря идентичности, экономическая стагнация, потеря моральных ориентиров) такой сценарий нельзя исключать. Во времена экономической смуты желающих решить проблемы за счет других (то ли народов, то ли этнических или религиозных групп) хватает. Поэтому кампанию по осуждению коммунизма надо рассматривать как кампанию по предотвращению серьезных конфликтов в Европе. Беларусь, Россия, Украина, Польша, страны Балтии, как жертвы коммунистического тоталитаризма, должны принять в ней самое активное участие.

Преступления коммунистических режимов

Напомним, что такое коммунистический режим. Власть находится в руках небольшой группы партийной элиты, которая ни перед кем не отчитывается и не подпадает под действие общих законов. Компартия контролирует государство настолько сильно, что провести разграничительную линию между первой и вторым весьма трудно. Политического pluralизма, права собраний не существует. При этом граждан насильно заставляют участвовать в так называемых общественных организациях. Полномочия спецслужб и сеть «стукачей» достигают беспрецедентных размеров. СМИ монополизированы государством. Содержание образования и информации жестко регулируется компартией. Экономика страны закрыта от конкуренции со стороны иностранных товаров. Частной собственности нет вообще или она разрешена в очень ограниченном размере. Государство является единственным работодателем и жестко расправляетя с теми, кто не поддерживает мнение начальства.

Коммунизм – явление не только нашего региона. Этот тоталитарный режим существовал более чем в двадцати странах на четырех континентах, где до 1989 г. жило более 1 млрд. человек. В опасную сказку поверили не только жители бывшего Советского Союза, но и почти пятая часть планеты. Коммунисты не чурались использования террора против своих оппонентов. В 1956 г. – Венгрия, в 1968-м – Чехословакия, в 1971, 1976 и 1981 гг. – Польша, в 1989-м – Китай. Это только самые брутальные примеры коммунистического террора. *«По самым скромным оценкам (точных данных нет), число людей, убитых коммунистическими режимами по странам и регионам выглядит следующим образом: Советский Союз – 20 млн., Китай – 65 млн., Вьетнам – 1 млн., Северная Корея – 2 млн., Камбоджа – 2 млн., Восточная Европа – 1 млн., Латинская Америка – 150 тыс., Африка – 1,7 млн., Афганистан – 1,5 млн.* Эти данные включают как индивидуальные, так и массовые убийства, смерть в концентрационных лагерях, а также количество жертв голода и депортаций⁴⁹. Все эти цифры, по мнению Г. Линдблада, документально подтверждены. Он использует «оценочные» данные, потому что есть основания полагать, что число жертв гораздо больше. Россия до сих пор ограничивает доступ к военным архивам, что делает точные оценки невозможными.

Коммунисты любили находить коллективных виновных и жертв: кулаки, аристократия, буржуазия, казаки, украинцы, евреи и другие группы десятками тысяч погибали в результате реализации на практике коммунистической теории классовой борьбы. Советские коммунисты любили морить голодом. И особенно пострадала от

с/х политики диктатуры пролетариата Украины. В 1932 – 1933 гг. от голода умерло 6 млн. украинцев.

В 1919 – 1920 гг. советы уничтожили от 300 до 500 тыс. казаков, в 1937 – 1938 гг. очищение страны от врагов СССР вылилось в 690 тыс. жертв. Тысячи людей были депортированы. В период с 1.10.1936 г. до 1.11.1938 г. было арестовано около 1565 тыс. человек, 668.305 из них расстреляны. В 1929 – 1933 гг. было уничтожено около 30 тыс. кулаков, еще 2 млн. было депортировано. В 1937 г. параноидальный страх советских коммунистов привел к тому, что 144 тыс. человек было арестованы за связь с «врагами», т. е. с поляками, 110 тыс. из них было расстреляно. 42 тыс. было убито в 1937 г. за связь с немецкими рабочими. Депортация сотен тысяч поляков, украинцев, литовцев, латышей, эстонцев, молдаван, поволжских немцев и крымских татар, чеченцев и ингушей – вот что такое мультикультурализм по-коммунистически.

Первые концентрационные лагеря советские коммунисты создали в сентябре 1918 г. В 1921 г. их было уже 107, и в них томилось более 50 тыс. человек. Заключенные умирали как мухи. Так, в Кронштадтском лагере из 6500 заключенных (по данным на март 1921 г.) через год живыми были только 1500 человек. В 1940 г. число «жителей» 53 концентрационных лагерей, 425 специальных колоний, 50 колоний для нацименьшинств и 90 домов для новорожденных составило 2,35 млн. человек. На протяжении 40-х гг. число заключенных в лагерях держалось на уровне 2,5 млн. С учетом высокой смертности это означает, что оборот фабрик смерти был огромным. В 1930 – 1953 гг. через лагеря прошло в общей сложности 15 – 20 млн. человек.

Примерно следовали идеям и идеалам Ленина и его банды корейцы, китайцы и камбоджийцы, уничтожая своих граждан через аналогичные структуры.

Вторжение Красной армии в некоторые европейские страны всегда сопровождалось волной террора и морем крови. В 1939 г. было убито 400 тыс. поляков. В 1940 г. были уничтожены польские офицеры в Катыни. Эстония потеряла 175 тыс. (17,5% всего населения), Литва и Латвия – 119 тыс.

Для коммунистических режимов депортации целых наций не были чем-то из ряда вон выходящим. В 1940 – 1941 гг. около 330 тыс. поляков были вывезены с территории, оккупированных советской армией, в Казахстан. Своих домов в Поволжье лишились 900 тыс. немцев. В 1941 г. было депортировано 92 тыс. калмыков, в феврале 1944 г. – 521 тыс. чеченцев и ингушей. Этот трагический список можно продолжать долго.

Сартр – преступник

Сегодня в Европе в отношении коммунизма часто можно слышать: «Идеи хороши, только люди подвели». Это аморальная форма оправдания гнусных, зверских преступлений против человечества. К сожалению, европейские объединенные левые (сначала они назывались коммунистами) жестко выступили против доклада, осуждающего тоталитарный коммунизм. Естественно, их поддержал российский коммунист Г. Зюганов и глава российской делегации К. Косачев. Только В. Жириновский сказал, что доклад надо еще больше усилить и непременно осудить преступления коммунизма. Хоть Беларусь больше других пострадала от второй мировой войны, ее представители не были приглашены на слушания по осуждению коммунизма.

Перед смертью Жан Поль Сартр признался, что он знал о существовании ГУЛАГа, но ничего не говорил о нем, потому что не хотел деморализовывать рабочий класс и его веру в будущее. Скрывать преступления – значит совершать преступление. В этом плане Ж. Сартр – преступник. Нам надо очистить свою совесть. У нас есть долг перед миллионами живущих родственников – жертв коммунизма. Беларусь, Украина, Россия, страны Балтии и другие постсоциалистические страны должны провести у себя суд над коммунизмом. Голос стран, живших в плену тоталитарной системы многие десятки лет, должен убедить Европу в опасности молчаливого игнорирования кровавых преступлений нашей общей истории. Нельзя создавать общее европейское сообщество на сартровской лжи. 25 января 2006 г. ПАСЕ заложила первый камень в процесс осуждения коммунизма. Гражданские общества постсоциалистических стран должны стать главными строителями этого важного монумента. Важного не только для Беларуси, России или Украины, но и для Европы, всего мира.

18. Социализм. «Человеческое лицо» со звериным оскалом

«Советская власть плюс электрификация всей страны», «рай на земле», самый справедливый строй с избытком продуктов питания, самым развитым и бесплатным образованием и здравоохранением. Все это про социализм, который под ударами дубинок, дулами автоматов дружно строили в огромной тюрьме народов под названием СССР. Нет больше Советов (современная Беларусь не в счет). Место электричества все чаще занимают благородные средневековые свечи. Лечить некому и нечем. Учить не за что. Да и зачем? Слишком умных, слишком независимых, имеющих свою точку зрения государственная машина выплевывает и давит. Потерянный рай. А может, неприобретенный? Миф о Золотом веке, когда не было частной собственности, так и не был разбит.

Коммунизм и социализм потеряли налет романтизма. Мечта стала менее яркой, цвета размылись. Как много людей в различных сферах – госуправлении, науке, бизнесе, политике, образовании – все еще ностальгируют по социалистической справедливости. Они считают, что прилагательные «социальный» и «социалистический» являются синонимами. Социализм развалился, но миф о нем живет. В XXI веке надо потратить не один миллион долларов, чтобы донести факты реальной жизни, доказывающие непреклонную истину: «социальный» и «социалистический» – это антонимы, т. е. слова, противоположные по значению.

Пожалуй, нет в истории более кровавой страницы, чем та, что посвящена социализму. Молодежь должна тщательно изучать время, когда горстка лжеученых, мизантропов во главе с высокомерными, аморальными Марксом и Лениным при активной поддержке или молчаливом соглашательстве интеллигентов заставила мир поверить в самую кровавую из сказок.

Местом для проведения кровавого, беспрецедентного по масштабам преступного эксперимента над человеком и природой стала самая большая страна в Европе. Шиканье PR-акция. За немецкие деньги целый ряд радикалов и террористов

решили сказку сделать былью. Нашли самый легковерный, добродушный, темный и глуповатый народ. Он (Ленин) сказал: «Поехали!». Он взмахнул рукой – и запломбированный ж/д вагон легко пересек все границы Европы навстречу самой большой трагедии XX века. Фальстарт в светлое будущее положил начало не молочным рекам с кисельными берегами, а морю слез и горя, потокам невинной крови, миллионам золотых рублей, упывающих на счета диктатуры пролетариата за рубеж. Нет, большевики не хотели вести свой народ за всем цивилизованным миром. «Ты помнишь, как все начиналось, все было впервые, все вновь...»

Кто был никем, тот при помощи силы оружия, расстрелов и национализации стал всем. Не весь народ, а лишь те, кто при помощи насилия узурпировал право выступать от имени народных масс.

О классиках

Классики социализма ненавидели потребителей и хотели, чтобы бюрократы и чиновники из высоких кабинетов указывали и приказывали, что, сколько, кому, за сколько продавать, покупать или просто отдавать. Ленин от корочки до корочки прочитал «Коммунистический манифест» и воплотил его в жизнь. Западная Европа не пошла так далеко, остановилась на полу пути. Америка не читала по-немецки, да и больше была занята реальной жизнью, индустриальной революцией производства богатства, а не социалистическим бунтом и перераспределением капитала. Поэтому к концу тысячелетия она подходит с лучшими результатами. А план социалистов был прост:

- упразднить частную собственность на землю и использовать ренту в личных целях;
- обложить всех прогрессивным подоходным налогом, чтобы неповадно было деньги зарабатывать;
- упразднить все права наследования, чтобы разрушить преемственность поколений и породить безразличие к детям, конфисковать собственность всех эмигрантов и бунтарей, т. е. тех, кто не согласен с политикой партии и вождя;
- централизовать финансовую и банковскую системы, упразднить все частные банки, чтобы, не дай бог, никто не дал денег «бунтарям» или производителям вредных товаров и услуг;
- объявить государственную монополию на средства связи и транспорт, чтобы поставить под полный контроль передвижение и разговоры;
- составить общий план развития государственной экономики, каждого завода, сельхозпредприятия и определить каждому, что он должен производить, у кого покупать сырье, сколько рабочих использовать при смене перегоревшей лампочки, а также количественные нормы и параметры качества;
- главным капиталом объявить рабочую силу и принять все меры, чтобы превратить ее в промышленную и сельскохозяйственную армию, подчиняющуюся приказам главнокомандующего;
- постепенно устранить различие между городом и деревней: забрать у тех, кто побогаче, и отдать тем, кто живет в нищете; если

слишком много людей живет в городе – равномерно переселить их в деревню; неважно, что они могут этого не захотеть, ведь они не в курсе «божественного» плана построения рая на земле;

- обеспечить бесплатное образование и совмещать обучение и профессиональную подготовку; при этом учебники должны быть идеально выдержаны, дети объединены в детскую и молодежную армию, молодые «патрончики» и «снарядики».

Маркс предполагал, что по мере развития капитализма бедность, нищета, дегенерация и эксплуатация простого человека будет постоянно увеличиваться. Он врет с первой же страницы первого тома своего «Капитала». Он пишет, что обмен товарами происходит потому, что существует равенство экономических ценностей покупателя и продавца. На самом же деле обмен происходит как раз потому, что продавец и покупатель оценивают товар *по-разному*. Зачем менять шило на мыло? Покупателю больше нужен товар, чем деньги, а продавцу больше нужны деньги. *Без неравенства оценок обмен или торговля невозможны*. Он полностью игнорирует то, что при социализме невозможен экономический расчет и рациональное распределение ресурсов для производства продукции, нужной конечным потребителям.

Утверждение, что Маркс хорошо знал капиталистическое производство, – ложь. Историк Пол Джонсон утверждает, что за всю свою жизнь Маркс ни разу не был на заводе или на мануфактуре. Но Марксу поверили, как верят мессии. Казино он спутал с заводом, беспробудные пьяники в богатых ресторанах Лондона считал общением с народными массами. «Примерный семьянин» Маркс стал отцом ребенка своей служанки и при этом жил с женой. Став отцом «на стороне», он ни копейки не дал на выживание ребенка. Он угубил жизнь своей жены и стал причиной самоубийств своих детей. «Бедный» Маркс входил в 5% самых состоятельных людей Англии за счет пожертвований Энгельса и других мизантропов. Только представьте на миг, как бы вы относились к такому человеку-монстру, если бы он жил среди нас. Был бы живее всех живых или стал бы объектом всеобщего осуждения?

Простой человек – это просто пустое место

Помните, что обещали первые коммунисты? Хлеб, землю и мир. В результате мы получили две войны, геноцид народов, сотни тысяч политзаключенных, десятки тысяч упрятанных в психушки, сошедших с ума, спившихся, отчаявшихся и просто уехавших с мозгами и идеями на Запад. Книга французских историков «Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии» шокировала социалистическую и коммунистическую интеллектуальную элиту Европы и мира. Ссылаясь на документы, авторы установили, что коммунистическими и авторитарными режимами было погублено около 100 млн. человек. Кто отважится предоставить анализ издержек-прибыли, чтобы оправдать такое количество жертв? Если к бурному росту советской экономики и ее показной эффективности прибавить затраты в виде десятков миллионов человеческих жизней, сотни миллионов долларов на личных счетах «слуг народа» в швейцарских банках, которые известны помощью самым кровавым диктатурам мира, то мы получим совсем другую картину, чем ту, которую рисуют в учебниках по экономике социалистические и западные специалисты, включая П. Самуэльсона, У. Бомол и А. Блейнера, Р. Липси и Б. Стайнера. (Кстати, их учебники входят в десятку самых популярных учебников по «экономике» в запад-

ном мире.) Лучших агентов влияния трудно себе представить. Это вам не Е. Гайдар и Г. Явлинский с горсткой демократов и А. Чубайсом. Тут миллионы студентов, которым из года в год вбивают в головы очевидную чушь и которые таким образом учатся социализму или его более мягким разновидностям.

В начале XXI века среди 50 самых бедных стран мира находятся 32 представителя Африки с их натуральным обменом и руандийско-заирским способом решения проблем и 18 социалистических или постсоциалистических стран. Удивительно, что в числе 50 самых богатых стран мира ни одной соцстраны нет. Социализм произвоздил танки, ракеты, сталь и сельхозмашины. А людям нужна была колбаса, мясо, зубная паста, туалетная бумага и современные технологии. В течение 90-х гг. народ потреблял продуктов питания меньше, чем в 1913 г. Больше трети сельхозпродукции «передовых» колхозов и совхозов не доезжало до рынка и гнивало по дороге. Зато бюрократов в СССР было больше, чем фермеров в США, которые кормили себя и еще полмира.

В 1990 г. чернокожие в Южной Африке имели больше автомобилей на душу населения, чем счастливые строители коммунизма в СССР. Ребенок, рожденный сегодня в Мексике или Чили, проживет на 10 лет дольше, чем ребенок в постсоветских странах.

Общественные туалеты стали символом и запахом эпохи и самой яркой хартистикой отношения людей к себе: немного припудрить «грязное белье», чтобы не бросалось в глаза, а остальное сбросить в общую помойную яму, которая не только отпугивает зловонием туристов и инвесторов, но и становится разносчиком разных общественных болезней. Надо быть действительно аморальным, бессовестным человеком, врагом своего народа, чтобы, зная все это, заикаться о светлом социалистическом прошлом и не менее светлом социалистическом будущем.

Думай – или проиграешь

Почти 60% белорусов считают себя средним классом. Если бы они видели, как живут сегодня афроамериканцы или мексиканцы в Нью-Йоркском Гарлеме, они заплакали бы от осознания упущеных возможностей. Поселение в наши «хрущевки» даже уголовники из американских тюрем посчитали бы нарушением прав человека. Мясо у нас дороже, одежда дороже, бензин дороже, фрукты и овощи дороже, средства гигиены – на порядок дороже. Многим они до сих пор недоступны. В то время как цивилизованный мир превращается во всеобщую глобальную информационную сеть без границ и преград, мы никак не можем выйти из телефонной эпохи.

Более 70 лет марксистско-ленинского эксперимента не прошло даром. Сегодняшняя нищета и низкий уровень жизни – это плата за трагический выбор социальной и экономической теории, а не следствие ее неправильного понимания лидерами и массами. Вот вам прямая связь между бредовыми идеями прожигателей жизни из лондонских салонов и шушенских «шалашей» и правовым, экономическим беспределом, который творится сегодня в Беларуси, России и на Украине.

Инвестировать в социализм – то же самое, что финансировать государственную программу обеспечения каждой семьи ковром-самолетом или скатертью-самобран-

кой. Именно такие решения предлагают современные политические партии коммунистической и социалистической ориентации. Их во многом поддерживают социал-демократы. Как вообще они могут смотреть в глаза потомкам жертв семидесятилетнего геноцида и издевательства над народом? Гордо носить звание коммуниста – то же самое, что презрительно смотреть в глаза бедной старушке или запуганному студенту и требовать: «Отдай мне свои деньги! Мне не хватает на второй «мерседес»! Какой может быть выбор под дулом пистолета или зловещим перстом налогового инспектора?!

Социалист может отличаться от рационального, думающего человека либо недостатком информации и знаний (но это поправимо, если человек не утратил способности думать), либо хронической врожденной жаждой забрать у других для себя произведенный ими капитал под предлогом всеобщего блага народа, «национальной стабильности» или «борьбы с доминацией НАТО». А простому человеку все равно. Он в любом случае будет жертвой.

Богатых, состоятельных людей (новое явление в социалистической действительности) сейчас называют «новыми» и прибавляют национальную принадлежность. Беларусь пала жертвой, вернее добровольно-принудительно принесла себя в жертву новому марксу-ленину как в социальной, так и в экономической сфере.

Исторический процесс нельзя повернуть вспять. Время стирает города и цивилизации. Целые цивилизации, не говоря уже о маленькой Беларуси. Нас однозначно сотрет, если мы не избавимся от смертоносной бациллы социализма. Задача архисложная, потому что болезнь сильно запущена. Но если мы хотим увидеть новое поколение белорусов среди богатых, цивилизованных народов, другого не дано.

Благо есть в Беларуси новые люди, которым не все равно, которым небезразлично, где будут жить их дети. Они не обязательно говорят на белорусском языке, не всегда ходят на митинги и стараются обходить стороной громкие тусовки политически корректных оппозиционеров. Они делают свое дело, потому что они профессионалы, потому что им есть что предложить потребителю и избирателю. Они – надежда Беларуси в XXI веке и новом тысячелетии, которое станет эпохой свободных, ответственных высокоморальных творцов.

19. Социализм. Прошлое Европы и настоящее Беларуси

Трудно и больно проходит процесс прощания Европы с социализмом. Двадцатый век – это, бесспорно, век колLECTIVизма не только в странах с его кровавым оттенком (германский фашизм и советский коммунизм), но и в подавляющем большинстве стран, совершивших за последние 70 лет тихий социалистический переворот. Стремление «облагородить» природу, сделать ее справедливой, укротить жадность человека и его страсть к богатству и комфорту, желание раздать каждой сестре по серье привело к значительным диспропорциям в экономической системе Европы. Рожденный как лекарство от экономических и моральных пороков капитала

лизма, социализм значительно превзошел своего противника огромными размерами экономических издержек и моральной жестокости.

Развал социализма советского образца явился ощутимым ударом прежде всего по ученым, академикам, докторам общественных наук, зорко стоявшим на страже философско-идеологических завоеваний колlettivизма. Элита, в большинстве своем находящаяся на государственном обеспечении, с трудом воспринимает идеи, согласно которым государство должно быть отделено от экономики именно во имя социального благополучия каждого человека. «Социальная справедливость», «равенство», «нормативное потребление» по-прежнему являются территорией вне критики в большинстве европейских и белорусских учебных заведений.

А был ли социализм?

Многие сейчас говорят, что, мол, у нас социализма никогда и не было. Были его извращенные формы. Утверждают, что настоящий социализм благороднее и человечнее. Да, трудно принять реальный мир таким, какой он есть на самом деле. Легче сначала создавать в своем воображении воздушные замки, а потом всю жизнь строить их на практике. Легче поставить «я хочу» выше «это есть». Природа ностальгии простых, одухотворенных, чувствующих горе другого человека людей не в стадности, врожденном колlettivизме, а в элементарном незнании механизмов реализации социально-экономической политики, в стремлении модернизировать классиков социализма. Груз многолетнего идеологического промывания мозгов нельзя сбросить с плеч, как мешок с картошкой.

При детальном научном анализе часто оказывается, что ярые сторонники социализма просто хотят помочь бедным, детям и старикам. Не отказываясь от ярлыка «социализм», они дают карты в руки ястребам, одержимым одной идеей – сначала забрать, конфисковать, а потом распределить по своим схемам, в пользу своих родственников и друзей. Простые люди попадаются в искусно замаскированную ловушку. Смятение и неприятие происходящего приводит к неприятию политики вообще и рынка как альтернативной модели в частности. Единственная реально работающая социально ориентированная экономическая система так и не удостаивается внимания и тщательного изучения. Единственная известная неработающая система централизованной экономики остается в сознании людей «по умолчанию», не удостаиваясь серьезной критики. Замыкается идеологический круг, который знаменует возведение очередного железного занавеса вокруг страны-жертвы, страны-экспериментатора.

Призрак коммунизма уже давно живет почти в каждом белорусском, российском или украинском доме. В квартирах многих доморощенных экономистов он обрел плоть и кровь, стал полноправным членом семьи. С марксизмом и ленинизмом многие поколения возились всю сознательную жизнь. Несмотря на полное поражение централизованной плановой экономики, несмотря на провал системы интервенционизма, студенты экономических факультетов в постсоветских странах, даже в Центральной и Восточной Европе, по-прежнему изучают преимущественно Маркса с Энгельсом, Ланге с Касселем, Тейлора с Диккинсоном. Идеологи интервенционизма убеждают нас, что это не классики тоталитарных систем совершили многочисленные теоретические ошибки, это мы, люди, глупы и несовершенны. Мы

не дорошли до идей великих терминаторов человечества. Нам не было дано понять всю глубину их залитых алкоголем и погруженных в разврат умов. До тех пор, пока экономисты и бизнесмены будут считать Маркса и социализм в целом очень хорошей, но трудно реализуемой теорией, до тех пор будет существовать опасность третьей мировой войны и полного уничтожения человечества то ли от военных действий, то ли от экологической катастрофы, то ли от действий террористов.

Демонизация утопии

В начале XIX века планы построения социалистического общества активно обсуждались в различного рода городских тусовках. Однако утопистам не удалось создать конструкции, которая бы выдерживала критику экономистов и социологов. В теории было столько прорех, что не составляло особого труда доказать, что общество, основанное на таких принципах, будет мертворожденным ребенком. Казалось, опасная идея неминуемо уйдет в прошлое. И тут появился Маркс. Именно он вывел социалистическую идею из тупика. Поскольку против социализма выступала наука и логика, надо было разработать систему, устойчивую к такой критике.

Маркс двигался по трем направлениям. Он отверг притязания логики на истинность для всех времен и народов и с пеной у рта доказывал, что мышление определяется классовой принадлежностью. «Великий бородач» рассуждал очень просто: логично лишь то, что я считаю таковым, и лишь тогда, когда я этого хочу. Все остальное было заклеймено буржуазными извращениями истинной науки.

Маркс заявил, что общество неизбежно развивается к установлению социализма, который предполагает полную общественную собственность на средства производства. Это и есть цель и конец развития общества. Важно было доказать обреченность человечества. Мол, сколько бы вы ни баражались, а конец-то давно определен. Если он не наступает, значит, вы, люди, виноваты. Таким образом, Маркс навязал огромному количеству людей комплекс вины.

Маркс заявил, что нельзя, подобно утопистам, выдвигать какие-то определенные планы устройства социализма. Поскольку его приход неизбежен, то незачем пытаться заранее предопределять его устройство. В многочисленных томах его работ только несколько страниц посвящено описанию того, как будет работать воспеваемая им социалистическая система.

Успех марксизма связан с тем, что он обещает исполнение вековой мечты о счастье и мечты о возмездии, которые так глубоко укоренились в душе человека. Он обещает рай на земле, молочные реки с кисельными берегами (в его понятии это не есть загрязнение природы). Естественно, логика и разум здесь ни при чем. Ведь они могут показать абсурдность мечтаний о мести и блаженстве. Марксизм есть реакция против рационализма и господства науки. Это антилогика, антинаука, антимышление, потому что его главный принцип – запрет на мышление и исследование, особенно в вопросах, касающихся устройства социалистического общества. Он нацепил себе ярлык «научный социализм», приобщился к престижу науки, всей своей сущностью отвергая ее. Марксизм есть опиум для тех высших слоев, которые еще могут мыслить и которых нужно отучить, отвернуть от этого процесса.

Маркс и Энгельс никогда не пытались противопоставить оппонентам какие-либо аргументы. Они оскорбляли, высмеивали и клеветали. Их полемика никогда не была направлена против аргументов оппонента. Мишенью всегда была сама личность. Запрет на изучение того, как должно функционировать социалистическое общество, имел целью скрыть слабость марксистского учения и избавить его от разоблачения. Дискуссия на предмет сущности социализма могла погасить энтузиазм масс, которые искали в социализме спасение от всех земных бед.

Теория трудовой стоимости

Марксовая теория трудовой стоимости рассыпается под напором рациональных аргументов. Они доступны каждому человеку, который дружит со здравым смыслом. Основными недостатками этого краеугольного камня марксизма является то, что она: а) не учитывает материальных факторов производства, основанных на ценности, а не на объеме труда, и б) игнорирует качество труда. Для Маркса весь труд экономически однороден, поскольку он всегда представляет собой «производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук». Маркс не замечает, что люди разные по способностям, по уровню квалификации, что у них разные предпочтения и вкусы.

К. Родбергус предложил использовать термин «нормальный рабочий день» как критерий оплаты по труду: «*Для каждой отрасли установлено время, которое может отработать средний по силе работник со средним прилежанием, а также производительностью труда, посильной для среднего работника средней квалификации и трудолюбия*⁵⁰». Найти в реальной жизни и следовать вышеописанному критерию среднего человека невозможно по той простой причине, что такого человека нет в природе.

Успех производителя – это не его успех, а успех партии или коллектива. Убытки, связанные с расхлябанностью, также списываются на всех. В реальной жизни такой подход к оплате труда приводит к полному произволу чиновника, партработника. Это удавка, которую при желании всегда можно потуже затянуть. Фундаментальным недостатком марксизма является то, что данная система не создает, а блокирует стимулы к производительному труду. Злоупотребление властью встроено в саму социально-экономическую модель. Именно поэтому насилие столь популярно в различных марксориентированных странах, в том числе в белорусской модели конца XX – начала XXI веков.

Бредовая утопия

Маркс нарисовал прекрасную картинку счастливой жизни. Исчезнут тяготы повседневной жизни. Жизнь будет, как в русских сказках: печь возит на работу, скатерть-самобранка кормит, золотая рыбка делает все остальное. Большое воображение Ш. Фурье подтолкнуло не более здорового Маркса к всеобщей бредовой идиллии: «*Антибобр станет ловить рыбу, антикит станет плавно вести по морю корабли, антибагемот – тянуть на буксире лодки. Вместо льва на земле заведется антилев для поразительной плавной верховой езды*». К. Каутский вторит этим бредням: «*При социализме создастся новый тип человека ... супермен ... человек высокой души*». Л. Троцкий подхватывает: «*Человек станет несравненно сильнее, умнее,*

тоныше; его тело – гармоничнее, движения – ритмичнее, голос – музыкальнее. Средний человеческий тон поднимется до уровня Аристотеля, Гете, Маркса». Несколько поколений экономистов, политологов, социологов защищали диссертации по этой откровенной чуши. К сожалению, даже в начале XXI века эти люди во многом определяют направление развития человеческой мысли в мировой философии и экономической теории.

Маркс считал, что не стоит заботиться об экономическом использовании природных факторов производства. К такому представлению неизбежно приводит система, в которой труд является единственным элементом затрат, которая не признает закон убывающей отдачи, отрицает закон Мальтуса о народонаселении. Желание нарисовать картинку без тягот труда приводит к совершенно абсурдным выводам. Марксисты исходят из того, что человек ленив и даже малое количество труда его обременяет.

Жизнь опровергает эти предположения. Человеку свойственно стремиться к активности. Целенаправленный труд приносит удовольствие, но только до определенного момента, после чего труд становится тяготой. Почему человек продолжает трудиться и после того, как тяготы начинают превосходить прямое удовлетворение от труда? Потому что он хочет получить удовлетворение от продукта труда. Труд продолжается до тех пор, пока его тяготы не перевесят удовольствия от результатов труда. Труд прекращается, когда его продолжение приносит больше тягости, чем пользы.

В социализм – через АО

Одним из глубоких заблуждений социализма является убеждение, что акционерные компании представляют собой предварительную стадию социализма. При этом сторонники такой гипотезы ссылаются на то, что руководители акционерных обществ не являются владельцами средств производства и тем не менее предприятия под их руководством процветают. Если функцию владельца вместо акционеров будет выполнять общество, то ничего не изменится.

В природе не существовало акционерных компаний, которые соответствовали бы этому интервенционистскому идеалу. Успех сопутствует только тем компаниям, руководители которых лично заинтересованы в их процветании. Только когда их интерес совпадает с интересом владельцев акций, тогда дело ведется в интересах акционерного общества. Во всех акционерных компаниях, еще не задущенных бюрократизмом, те, кто обладает реальной властью, всегда ведут дело в собственных интересах, независимо от того, совпадают ли они с интересами акционеров. Именно поэтому главные управляющие крупных компаний получают самые высокие в мире вознаграждения за свою работу.

В социалистическом обществе экономический расчет невозможен, и, значит, нельзя быть уверенным в величине издержек и прибыли. Существует и другая неразрешимая трудность на пути социализма. Невозможно найти такую организационную форму, при которой экономические действия индивидуума, не зависящие от сотрудничества с другими гражданами, не сделали бы пустышкой его ответственность за риск. Маркс и его последователи практически полностью игнорируют эти два фундаментальных вопроса. Забыли о них и те реформаторы, которые предла-

гали правительствам программы перехода от плана к рынку. Даже многие экономисты, которые осознают несостоительность трудовой теории ценности, продолжают верить в возможность измерения ценности. Они до сих пор не потеряли надежду на выведение некоей единицы полезности типа утиля, которую можно использовать в эконометрических моделях.

Маркс был не в силах осознать неизбежность постоянных изменений производства. Его концепция экономической системы всегда статична. Он приравнивает предпринимателя и феодала, не видя никакой разницы между ними. Феодал стоял вне производства и, только когда заканчивались деньги, требовал свою часть дохода. Предприниматель с самого начала «сидит» в производстве. Маркс не понял того, что даже в социалистическом обществе каждому экономическому действию противостоит неопределенность будущего и что его экономические последствия неясны, даже если оно технически вполне успешно. В неопределенности, которая ведет к спекуляции, он видит лишь последствия анархии производства. На самом же деле это результат изменчивости экономических обстоятельств, это объективная характеристика нашей жизни.

Маркс и иже с ним не способны были осознать, что в экономической жизни постоянны только изменения. Предвидеть и действовать с расчетом на будущее, следовать новым путям – всегда дело немногих, предпринимателей и творцов. Социализм – это экономическая политика толпы, масс, игнорирующих природу экономической деятельности. Марксисты не понимали сути и функции предпринимательства. Прилежный ученик Маркса Ленин писал, что *«труд, который при капитализме выполняют все те, кому отказано в праве называться трудящимися, может быть сведен к контролю над производством и распределением»* и *«учету труда и продукции»*. Эти операции могут быть легко выполнены *«вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом»*. Этим полностью исчерпывается представление социалистов о предпринимательской деятельности. Их представление об основах экономической жизни такое же, как у неопытной девушки-секретаря, для которой вся работа предпринимателя заключается в умении записывать в строчки и столбцы буквы и цифры.

Жонглирование словами

Маркс сделал все возможное, чтобы провести резкую черту между огосударствлением и обобществлением средств производства. Маркс не смог бы поднять за собой массы, если бы не придумал нового слова для процесса, по сути дела, означающего национализацию. Он придумал доктрину отмирания государства. Либералы настаивали на ограничении власти государства и передаче ее народным представителям. Маркс и Энгельс захотели переплюнуть либералов. Они без критики приняли анархистскую доктрину уничтожения всех видов государственной власти, вовсе игнорируя то, что социализм должен означать не уничтожение, а неограниченное расширение власти государства. Пытаясь найти разницу между огосударствлением и обобществлением так же бесполезно, как и между известными «в лоб» и «по лбу».

Национализация части средств производства является шагом по направлению к полному социализму. Семантическая игра Маркса и его команды привела в замешательство.

тельство весь мир, очаровала массы и открыла возможности для мировой социалистической бойни. В угоду марксовым сказкам об экономике и политике было пожертвовано более 100 млн. жизней. Некоторые последователи отцов мирового коммунизма сделали попытку национализировать только крупные предприятия, сохранить частную собственность на малых. При сохранении за крестьянами титула собственника им была запрещена «эгоистическая ориентация только на мелочную прибыль». На жителей села возложили «долг выполнять цели государства». То же самое относится к труду ремесленников и торговцев. Зачем формально все национализировать, если можно на бумаге оставить крестьянина собственником, но лишить его возможности продавать, обменивать или дарить продукты его труда. Если фермеру говорить, что на его земле можно выращивать только кукурузу и только с мая по сентябрь, причем продавать ее можно по фиксированной цене и только государству, то земля, на которой он работает, не может считаться частной.

Несуществующие классы

Извратив и неправильно истолковав Рикардо и Смита, Маркс выдвинул теорию классов и классовой борьбы. Даже в своем «Капитале» он не дает определения класса. Он лишь перечисляет основные классы, следуя классификации Рикардо. Он не пишет, что для классика экономики деление на классы было лишь элементом теории межличностного обмена. Он упускает из виду тот факт, что объединение факторов производства в две, три, четыре группы было произведено *только для удобства экономической теории, и только в этом контексте деление имеет какой-либо смысл.*

Классификация факторов производства представляет собой классификацию функций, а не людей или групп людей. Например, выделение земли вызвано особым положением земельной ренты в классической теории. Экономическая теория развивалась. То, что раньше называлось проблемой распределения, превратилось в проблему образования цен на блага высших порядков. Старая терминология сохранилась только в силу консерватизма научной классификации. Духу теории соответствовала бы совершенно другая группировка, например разделение источников доходов на статические и динамические. Важно то, что никакая система не выделяла определенную группу производственных факторов как некое единство по природным свойствам или по способу их применения. Непонимание этого и составляет грубейшую ошибку теории экономических классов. Эта теория исходит из наивного предположения о природности внутренних связей тех факторов производства, которые были выделены в одну группу. Она описывает некую однородную землю, некий однородный труд.

Квалифицированный труд – такая же абстракция, как и труд вообще. Выведенная Марксом и Лениным концепция «класс» – это мертворожденный ребенок, потому что в природе такого образования просто не существует. Делить людей на классы – то же самое, что делить общество на блондинов, брюнетов и рыжих, считая эти социальные группы экономически однородными.

Социалисты-«первооткрыватели»

Интервенционисты утверждают, что Маркс открыл движущие законы капиталистического общества и определил цели современного социального движения. Многие считают Маркса одной из героических фигур мировой истории и причисляют его к великим экономистам, социологам, философам. Огромная толпа опять создала себе фальшивого идола. При более внимательном рассмотрении мы видим, что у Маркса-экономиста совершенно отсутствовала оригинальность. Он был последователем классической политэкономии, но ему не хватало способности анализировать важнейшие экономические проблемы без политических пристрастий. Маркс – агитатор, для которого главное – произвести впечатление на толпу. Но даже здесь он не был по-настоящему оригинален, поскольку английские социалисты 40-х опередили его во всех существенных моментах.

Научная ценность марковской материалистической концепции истории равна нулю. Более того, выдвигая все новые несовместимые версии, Маркс так и не довел ее разработку до конца. Его философская позиция была простым гегельянством. Прошли десятилетия, прежде чем его стали называть философом и причислили к разряду великих мыслителей. Маркс не мог вразумительно излагать свои мысли. Только в политических текстах он был эффективен, и то благодаря звучным противопоставлениям и легко запоминающимся фразам, в которых игра слов скрывала полную смысловую пустоту. Вместо опровержений и анализа фактов он использовал брань и оскорблений.

Об оригинальности Маркса можно говорить только применительно к области политических технологий. Он осознал, какую громадную силу в современном обществе могут представлять массы, сконцентрированные на заводах и фабриках, если удастся сплотить их политически. И он нашел лозунги для их сплочения. Распространение идей марксизма можно сравнить с распространением ислама, который вдохновил детей пустыни на опустошение огромных культурных стран, на уничтожение невинных людей в городах капиталистического Запада.

В основе учения Маркса лежит единство пролетарских интересов. Однако рабочий пребывает в состоянии острой конкурентной борьбы с другими рабочими, всегда готовыми занять его место. Вместе с товарищами по заводу он конкурирует с рабочими других отраслей за потребителя, за инвестора. Маркс превратил обиды простого человека в науку и этим привлек отзывчивых людей. В технике демагогии Маркс – гений. Его политическое искусство – это всегда тактика. Здесь нет и не может быть стратегии. Лозунг на день, термин на неделю, программа на месяц – так писал и работал Маркс.

Как, зная все это, можно называть Маркса великим экономистом или философом, тем более великим человеком? Советская экономическая и философская школа насквозь пропитана марксизмом. Даже лучшие умы, не имея доступа к альтернативным источникам мировой мысли, не могут до конца избавиться от его навязшей в зубах «жвачки». Социализм и любая другая форма интервенционизма и тоталитаризма никогда не вернется лишь только в том случае, когда Маркса будут рассматривать в учебном курсе «Страшные сказки народов мира», когда национальные элиты раскаются в его поддержке. Для марксизма должен состояться свой

Нюрнбергский процесс, иначе мы не можем исключить, что когда-нибудь под маской новых звучных фраз очередному шизофренику не придет в голову благородная идея разжечь пожар всемирной революции.

Принять дословно, наказать условно

Европа не отважится на революцию, потому что интервенционисты из разных политических партий управляют происходящими в ней процессами. Безработицу, замедление экономического роста, демографический кризис они хотят списать на «объективный глобальный кризис» или на специфику бизнес-цикла. К счастью, редкие политики в Европе мечтают о возвращении к порочной практике социализма, хотя его теории по-прежнему очень популярны в ведущих европейских вузах. Об этом свидетельствует прежде всего изменение программ главных политических партий левой ориентации, с одной стороны, и полевение правых партий – с другой.

В середине 90-х гг. Беларусь решилась еще на один «круг ада», еще на одну попытку строительства социализма в отдельно взятой стране. Властные политические элиты не понимают, что насилием нельзя добиться даже самых благородных целей. Насилие в мирное время – это огромные налоги, государственная монополия на образование, медицину, пенсионное обеспечение. Это административное у становление цен, лицензирование, ограничение валютного рынка и принудительная воинская служба. Логическим завершением социализма является либо гражданская война, либо внешний конфликт, либо захват страны более рациональным дальновидным партнером. Выход Беларуси на траекторию устойчивого долгосрочного экономического роста на рыночных условиях возможен только в случае полного перехода на принципы либерализма и его практического воплощения – капитализма. Властным элитам продолжение интервенционистских практик в Беларуси невыгодно, потому что оно не гарантирует сохранение накопленного (награбленного?) богатства, равно как и их статуса в ином geopolитическом качестве Беларуси. Значит, социализм невыгоден даже тем, кто его так яростно поддерживает, кто в его рамках стал богатым. Богатым не за счет творческого, упорного труда, а за счет перераспределения денег от миллионов налогоплательщиков в пользу сотен долларовых миллионеров.

20. Логика и здравый смысл как противоядие от марксизма

Австрийцы и марксисты всегда обладали уникальной способностью поднимать похожие фундаментальные вопросы. На обе школы мысли оказали влияние аристотелевские, немецкие и шотландские традиции. Обе школы считают, что социальная реальность – это динамичный процесс на основе человеческой деятельности. Обе школы мысли критикуют мейнстри姆, статичность, экономический анализ, основанный на равновесии. Обе школы отказываются отделять экономическую сферу от социальной сферы в целом, частью которой экономическая сфера является. Их живые и красочные

интеллигентские отношения начались в конце XIX века в виде исторической дискуссии по поводу идеи Маркса о трансформации ценности в цену.

Эта дискуссия продолжается до сих пор».

К. М. Шиабарра, «Маркс, Хаек и утопия».

Настоящая история взаимосвязи между капитализмом и возникновением пролетариата почти прямо противоположна той, которую представляет теория эксплуатации масс... Пролетариат, который, можно сказать, был «создан» капитализмом, не был частью населения, существовавшей и без капитализма и жизнь которой капитализм резко ухудшил. Пролетариат – это дополнительная часть населения, появление которой стало возможным благодаря новым возможностям занятости. Эти возможности были созданы капитализмом.

Ф. Хаек, во введении в *Capitalism and the Historians*.

Товар производится не тяжелым трудом самим по себе, а тяжелым трудом, управляемым разумом.

Л. фон Мизес.

Обнищания рабочего класса так и не произошло. Как предсказатель, Маркс был колossalно неудачлив, а его система колossalно бесполезна.

П. Самуэльсон, 1967 г.

Престиж «Капитала» обеспечен его неперевариваемой длиной, непроницаемым стилем, показной эрудицией и алгебраическим мистицизмом.

Социалист М. Вессон.

Вообще, при капиталистическом производстве всякий общий закон осуществляется весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некая средняя постоянная колебаний, которая никогда не может быть точно установлена.

К. Маркс, «Капитал», т. 3.

Карлу Марксу до сих пор отведена значительная часть времени в учебных курсах экономических вузов. Не меньше внимания уделяют его идеям и современные полисимейкеры. Политики и экономисты переходных стран, начавшие реформы и возглавившие движение на пути к капитализму, в подавляющем большинстве своем были вооружены экономическими взглядами К. Маркса либо из курса «Политэкономии социализма», либо после факультативного изучения «Капитала». Как ни парадоксально, коллапс социализма и грубого интервенционизма не остановил марксизм не только в вузах постсоветских стран, но и в учебных заведениях Западной Европы. Марксизм начал появляться в новых формах. Игнорируя причины провала системы централизованного планирования, марксисты придумывают новые модные одежды для своей обветшалой, полностью дискредитированной себя теории.

К сожалению, широкой русскоязычной публике мало известны основные работы австрийских критиков марксизма и его основных положений. Статьи Ойгена Бём-Баверка «К завершению марксистской системы» и «Теория эксплуатации

ции» (1909) являются классическими работами по критике базовых положений Маркса, изложенных им в «Капитале». Чтобы глубже понять экономическую доктрину социализма, контуры которой следовали из работы Маркса, полезно изучить книгу Л. Мизеса «Социализм». Работы родоначальников неоавстрийской школы являются полноценным, интеллектуальным ответом марксисткой школе. XX век убедительно доказал правоту австрийцев. Но марксизм нельзя сбрасывать со счетов, потому что его принятию сопутствует тот факт, что человек в постсоциалистическом обществе по умолчанию (если он специально не изучает экономическую теорию и праксеологию) склонен принимать на веру коллективизм, социально-экономические утопии и агрегаты. Ознакомление с работами О. Б. Баверка позволят сегодня, как и 100 лет назад, показать научную несостойтельность краеугольных положений марксизма.

Теория эксплуатации. А. Смит не понял, Маркс извратил

Маркс отрицал творческую, производительную роль предпринимателя в экономическом процессе. Его теория эксплуатации основана на том, что весь доход естественным образом и по справедливости принадлежит рабочим. При капитализме, утверждает он, рабочие получают только часть того продукта, который они создают. Все остальное бизнесмены экспроприируют и получают прибыль, процентные платежи или ренту – прибавочную стоимость. Развивая теорию эксплуатации, Маркс прибегает к двум доктринаам: трудовой теории стоимости и «железному» закону зарплаты (о неизбежной связи между зарплатой и минимальным прожиточным уровнем).

Маркс многое перенял от классических экономистов. Некритическое принятие их тезисов позволило ему развить теорию эксплуатации и совершить крупномасштабный «наезд» на капитализм в целом. А. Смит, который считается чемпионом рыночной экономики, является также отцом теории эксплуатации Маркса. Он писал: «*Таким образом, труд производителя, в общем, прибавляется к стоимости материалов, с которыми он работает, издержек на свое содержание и прибыль хозяина*⁵¹. В «Богатстве народов» Смит однозначно говорит о том, что единственными производственными экономическими субъектами являются рабочие. Он начинает с того, что считает труд создателем всего богатства на Земле, но затем он отождествляет труд и зарплату (*labor and wage earning*) и делает вывод, что весь доход как результат применения труда – это зарплата; все, кто работает, получают зарплату.

Отбросив возможность того, что прибыль может быть результатом применения труда, и считая, что применение труда дает только зарплату, А. Смит создает концептуальную основу для теории эксплуатации. Она заключается в том, что зарплата (*wages*) является изначальной первичной формой дохода, из которого в результате возникновения капитализма и бизнесменов появляется прибыль и другие формы дохода, отличные от зарплаты.

А. Смит считает, что разделение труда и, следовательно, рост производительности труда, никак не связано с деятельностью предпринимателей и с развитием института частной собственности на землю. «*Если бы состояние отсутствия собственности на землю и накопления богатства продолжалось, зарплаты*

выросли бы вследствие всех улучшений производственных возможностей, которые появились в результате развития системы разделения труда»⁵², – писал Смит. Он очень резко отзывался о собственниках земли: «Как только вся земля в стране становится частной собственностью, ее владельцы, как и другие люди, начинают собирать урожай из того, что они не сеяли, – они требуют ренту из того, что естественно растет на земле. Деревья в лесу, трава в поле, все природные недра, которые, когда земля не была частной, стоили человеку только труда их сбора, теперь же за них требуют определенную плату. Он должен платить за лицензию их сбора. Он должен отдавать землевладельцу часть того, что он собирает или производит. Эта часть, или цена этой части, является земляной рентой. Она является третьим компонентом цены большинства товаров»⁵³. Возможно, ошибка А. Смита возникла потому, что он спутал тогдашних аристократов Англии, имевших особые привилегии по закону, с настоящим институтом частной собственности, который работает в условиях открытой конкуренции. Делать вывод относительно частной собственности на землю только на примере Англии того времени – то же самое, что считать российский или украинский способ приватизации и демократии единственными возможными.

Вторая доктрина А. Смита заключается в первичности зарплаты. Мол, в докапиталистическом обществе рабочие просто производили и продавали результаты своего труда, а не покупали, чтобы потом перепродать, т. е. весь доход был в виде зарплаты. Следовательно, по Смиту, прибыль появляется только при капитализме. Она является частью зарплаты, которая по праву принадлежит рабочим. Это положение является очередным краеугольным камнем теории эксплуатации Маркса, т. е. в докапиталистическом обществе работала известная формула «Т – Д – Т», а в капитализме уже «Д – Т – Д». Разница между первоначальной суммой денег и той, которую он получает от продажи, называется прибавочной стоимостью. При этом Маркс не описывает, откуда же взялись первоначальные деньги для осуществления операции.

Сами классические экономисты, в частности Дж. Миль, быстро исправили ошибку А. Смита. Они утверждали, что зарплата не была первоначальной формой дохода (*income*) и что прибыль (*profit*) является частью зарплаты. Определение базовых понятий классиками помогло избавиться от первоначального заблуждения. «Прибыль» (*profit*) – это маржа между доходом от продажи товара и денежными издержками на его производство. «Капиталист», или предприниматель – это человек, который покупает товар для его последующей перепродажи и осуществляет производственные затраты.

«Зарплата» (*wages*) – это деньги, которые выплачиваются взамен труда, а не за продукты труда. Как писал Дж. Миль, спрос на товары это не спрос на рабочую силу. Когда вы покупаете товар, вы не платите зарплату и не получаете ее. Нельзя путать выручку и зарплату. Прибавочной стоимостью можно назвать весь доход, а не лишь какую-то его часть. У рабочих в процессе производства нет никаких затрат (кроме собственно времени и усилий). В докапиталистическом обществе они не действовали как предприниматели, поэтому и получали весь свой доход. До капитализма в формуле «Т – Д – Т» 100% выручки было добавленной стоимостью, при капитализме – только ее часть. Здесь следует указать на ошибку Д. Рикардо, кото-

рый говорил, что прибыль увеличивается по мере того, как сокращается зарплата, и наоборот. По его мнению, зарплата выплачивается со сбережений и капитала предпринимателя, а не с выручки, полученной от потребителя.

Не появление капиталистов стало причиной возникновения прибыли. Прибыль существовала и до этого. С появлением капиталистов появился феномен производственных затрат, зарплаты и денежных издержек производства. Прибыль при капитализме это не часть зарплаты. Наоборот, зарплата и другие денежные затраты – это вычеты из выручки. Капитализм создает зарплату и сокращает прибыль. Поэтому капитализм приводит не к обнищанию людей, а создает им возможности для зарабатывания денег. Именно предприниматель отвечает за феномен «прибыль» и за феномен «зарплата». Значит, если рабочие хотят получать большую зарплату, они должны желать больше капитализма, больше денег «M» относительно денег «M'» по терминологии Маркса.

Таким образом, между капиталистами и рабочими существует самая тесная гармония интересов, потому что предприниматель создает зарплату и расширяет возможности людей для выживания и процветания. Позже сам А. Смит стал говорить о важной функции предпринимателей, которые направляют процесс производства, а не являются простыми паразитами. При этом он все равно делает явно антикапиталистический вывод: *«Интересы третьего порядка [капиталистов] не имеют такой же связи с общими интересами общества, как интересы двух других групп [наемных рабочих и землевладельцев]»*⁵⁴. А. Смит не видел разницы между выручкой от продажи и зарплатой. Он даже писал: *«В некоторых частях Шотландии бедняки торгают разноцветными камнями, которые собирают на берегу моря. Они называются шотландской галькой. То, что гравировщики платят им за камни, и есть их зарплата. Никакой ренты, никакой прибыли»*. На самом деле деньги, которые получают бедняки за камни, – это выручка с продажи, а не зарплата. Если бы Смит это понял, мир мог бы пойти совсем иным путем. Именно Смит является крестным отцом теории эксплуатации. Кстати, О. Баверк, критикуя Маркса, также не оспаривал концептуальные рамки для теории эксплуатации, считая прибыль вычетом из зарплаты. Тем самым, по мнению Дж. Райсмана⁵⁵, он также нанес большой ущерб престижу классической экономики.

Пять необходимых изменений в классическую теорию

Чтобы классическая школа экономики перестала быть фундаментом для теории эксплуатации, в нее, по мнению Дж. Райсмана, надо внести пять изменений⁵⁶.

1. Надо последовательно применять тезисы Дж. Милля «*спрос на товары это не спрос на труд*» и Д. Рикардо «*прибыль увеличивается по мере того, как сокращается зарплата, и наоборот*». Из них следует, что в докапиталистическое время весь доход был прибылью, а не зарплатой. Зарплата появилась с появлением капиталистов. Зарплата выше, прибыль меньше, если использовать терминологию Маркса, в такой степени, в какой деньги «M» больше относительно денег «M'».

2. Необходимо признание позитивной производственной функции предпринимателя или бизнесмена. Именно они направляют процесс производства и управляют им. В результате ревизии классического подхода становится понятным, что в капитали-

листической экономике рабочие получают полную оплату своего труда, когда предприниматели получают выручку от продажи товаров.

3. Надо признать позитивную роль частной собственности на землю для повышения производительности труда в сельском хозяйстве и добывающей промышленности. На основании такой корректировки классиков мы делаем вывод о важнейшей роли частной собственности в развитии системы разделения труда, что привело к созданию возможности трудоустройства рабочих на промышленных предприятиях и в сфере торговли. Частная собственность на землю сокращает значение земляной ренты и увеличивает долю зарплаты в так называемом национальном доходе. В результате растет покупательная способность. Все эти корректировки классической школы находятся в рамках ее основных положений.

4. Чтобы оградить классическую школу от обвинений в создании теории эксплуатации, надо внести изменения в трудовую теорию стоимости. Согласно классикам, относительное количество труда, необходимое для производства товара, является основным определяющим фактором его относительной меновой стоимости. Труд – это все усилия людей, которые прямо или косвенно связаны с производством товара. К примеру, если речь идет о производстве автомобиля, то мы говорим не только о сборочном цехе, но и о производстве металла, покрышек, строительстве самого завода и т. д. Если на производство единицы оборудования было затрачено 1 млн. человеко-часов, это оборудование будет использоваться 10 лет, на нем будет производиться 1 млн. автомобилей каждый год, значит, в результате применения данного оборудования в производство каждого автомобиля будет вложено соответствующее количество труда. Оно будет равно одному человеко-часу.

Классическая школа утверждает, что относительные цены, скажем, автомобиля, мотоцикла, велосипеда или роликов, отражают относительное количество труда, необходимое для производства этих товаров. Если для производства одного автомобиля необходима 1 тыс. человеко-часов, велосипеда – 100, пальто – 10, а роликов – 1, значит, относительная ценность этих товаров будет сохранять пропорции 1000, 100, 10 и 1.

В системе, в которой в качестве денег используется товар, трудовая теория стоимости применяется для определения абсолютных цен, а также относительных обменных ценностей. Если для производства одного килограмма золота нужно затратить 100 часов, то цена одного автомобиля будет 10 кг золота, мотоцикла – 1 кг и т. д. Да, количество труда имеет большое значение при определении цены, но труд является не единственным фактором, определяющим конечную цену. По мнению Дж. Райсмана, при определении цены необходимо учитывать не только труд, но и фактор «спрос-предложение», а также роль предпринимателя в процессе повышения уровня жизни.

Классические экономисты, в первую очередь Рикардо, хорошо осознавали недостатки своей теории ценности. Во-первых, трудовую теорию ценности нельзя было применить к целому ряду редких товаров. В список исключений следует отнести не только товары, которых в мире мало, но и те, которые регулируются не количеством затраченного труда, а законом спроса-предложения. К этим исключениям нужно отнести и сам по себе труд как низкоквалифицированный, так и высококвалифицированный. Тот же Д. Рикардо понимал важность фактора времени:

«Товары, на производство которых было затрачено одинаковое количество труда, будут иметь различную monetную ценность, если их нельзя вывести на рынок в одно и то же время»⁵⁷. Возьмем хотя бы пример вина и виски. Эти товары со временем набирают ценность, а не теряют ее.

Д. Рикардо также признает изменение ставки прибыли как фактор, влияющий на относительную ценность товаров. Этот тезис позже подтвердил О. Баверк, доказав, что прибыль не может варьировать исключительно в соответствии с трудом, затраченным на производство товара.

Классический экономист идет еще дальше, критикуя трудовую теорию ценности: «*Те же правила, которые регулируют относительную ценность товаров в одной стране, не регулируют относительную ценность товаров, обменываемых между двумя и более странами*»⁵⁸. На мировом рынке цены на одни и те же товары приблизительно равны, вне зависимости от того, сколько труда было затрачено на их производство. К примеру, в Индии для производства одной тонны зерна может быть затрачено в 5 – 10 раз больше труда, чем во Франции, но никто индийцам за их зерно больше не заплатит. Таким образом, при определении относительных цен необходимо учитывать еще один фактор – относительный уровень зарплат (*relative wage rates*).

5. Последним элементом, который необходимо исправить в классической школе, является так называемый «железный закон зарплаты» (*iron law of wages*). Основным недостатком классиков в теории ценности было непонимание ими роли предельной полезности и потребительского спроса при определении ставок зарплаты на различные виды труда и относительных цен других факторов производства, предложение которых не может немедленно изменяться в ответ на изменение спроса.

Классики глубоко заблуждались, когда утверждали, что в свободном обществе ставки ЗП не склонны снижаться до прожиточного уровня («железный закон зарплаты»). Этот вывод классики сделали на основании закона убывающей доходности и демографических идей Мальтуса. Классики считали, что, если зарплаты вырастут сверх прожиточного минимума, то в результате население увеличится. Значит, нужно будет использовать менее качественные земли, чтобы прокормить и обеспечить всем необходимым большее количество людей. В результате использования дополнительного количества труда будет произведено меньше товаров, т. е. произойдет падение предельной производительности труда. Это, в свою очередь, приведет к росту цен на товары первой необходимости. Люди не в состоянии будут покупать больше, чем необходимо для выживания. Значит, население перестанет увеличиваться, потому что родители не в состоянии будут прокормить более двух детей. Значит, по мнению Рикардо, прожиточный минимум был принят как равновесный уровень реальной зарплаты. Д. Рикардо на самом деле имел в виду не прожиточный минимум, каким мы его знаем, а средний уровень благосостояния, который необходимо обеспечить более чем для двух детей. Это субъективная категория. Каждый из нас вправе устанавливать ее для себя, но при чем здесь экономическая теория?

Веру классических экономистов в «железный закон зарплаты» подкрепляло убеждение в том, что работодатели могут произвольно устанавливать уровень зарплаты. Только в конце «Богатства» А. Смита подошел к мысли о том, что уровень

зарплаты на рынке определяется конкуренцией за рабочую силу, дефицит которой постоянен. Д. Рикардо утверждал обратное: рабочие имеют власть требовать установления зарплаты на произвольном уровне. Классики считали, что облагать налогами зарплату нельзя, потому что она и так находится на уровне прожиточного минимума. Д. Рикардо писал: «*Доктор Смит однозначно и, по-моему, справедливо считает, что рабочий класс не может нести материальное бремя содержания государства. Поэтому налог на предметы первой необходимости или на зарплату будет перенесен от бедных на богатых*»⁵⁹. Ложность этого утверждения классиков очевидна. Налоги на богатых в большинстве своем переносятся на бедных в виде более низкого спроса на труд и более низкой производительности труда. Она, в свою очередь, является последствием более низкого спроса на средства производства по сравнению с потребительскими товарами, а также следствием более слабых стимулов для производителя по улучшению качества производства. В любом раскладе именно рабочие несут основное бремя налогообложения в прямой или косвенной форме.

Несмотря на все недостатки классической теории, ни А. Смит, ни Д. Рикардо, ни Дж. Миль не утверждали, что решением всех проблем и недостатков является наделение полномочиями государства, национализация или установление чрезмерных налогов на богатых. К. Маркс извратил многие положения классиков, вырвал из контекста тезисы, на основе которых он и подготовил свою теорию эксплуатации.

К. Маркс. Теория эксплуатации

Теория эксплуатации (ТЭ) Маркса продолжает оставаться одной из самых влиятельных экономических теорий. Несмотря на провал социализма, она является основой теории заработной платы. Согласно ТЭ, капитализм – это система рабского труда, которая служит узким интересам небольшой группы эксплуататоров. Ими движет ненасытная жажда наживы и власти. Несмотря на стремительный рост богатства на Западе, эти взгляды, в том числе и в интеллектуальной элите, не претерпели существенных изменений. Сторонники этой теории по-прежнему считают, что богатство и прогресс современного мира – заслуга не капитализма, а тех институтов, которые ограничивали его действие (профсоюзы, социальное законодательство).

Маркс существенно изменил классическую трудовую теорию стоимости. Ни Смит, ни тем более Рикардо не согласились бы с ее марксовой интерпретацией. Маркс считал, что единственным детерминантом цены является количество труда, необходимое для производства товара. Он просто проигнорировал многочисленные замечания Рикардо по этому поводу. В ответ на вывод, следующий из его интерпретации теории стоимости, что более дорогими должны быть те товары, при производстве которых используется труд наименее квалифицированных и ленивых рабочих, он ответил, что имеет в виду. В свою очередь, «социально необходимое» рабочее время он определяет как время, «необходимое для производства товара при нормальных условиях производства рабочими средней квалификации и преобладающим уровнем трудоспособности для того времени»⁶⁰.

Феномен, который можно описать словами Маркса, называется конкуренцией. Именно она приводит к состоянию, когда на одном и том же рынке в одно и то же

время одинаковое количество товаров одного же типа продаются по одинаковой цене вне зависимости от затраченного труда. Но в следующем абзаце «Капитала» Маркс противоречит себе: *«Таким образом, товары, в которых заключено одинаковое количество труда или которые могут быть произведены в одинаковое время, имеют одинаковую стоимость. Стоимость одного товара относится к стоимости другого товара, как время, необходимое на производство одного, ко времени, необходимому на производство другого. Как и стоимость, все товары представляют собой завершенную массу застывшего рабочего времени»*⁶¹. Маркс игнорирует тот факт, что квалифицированный труд более производительный, чем неквалифицированный: *«Квалифицированный рабочий труд – это простой труд, только интенсифицированный или умноженный простой труд. Данное количество квалифицированного труда считается равным большему количеству простого труда... Для простоты мы далее будем считать весь труд простым. Тем самым у нас просто отпадает необходимость делать редукцию»*.

Таким образом, просто проигнорировав фундаментальные препятствия на своем пути, Маркс начал развивать свою собственную версию трудовой теории стоимости. С его точки зрения, меновая стоимость товара определяется количеством застывшего в ней труда. По мнению Дж Райсмана, Маркс представил абсолютистскую версию трудовой теории стоимости. Понятие «застывшее рабочее время» следует, очевидно, понимать как некий товар, скрепленный потом рабочих или крестьян.

Маркс очень просто объясняет детерминанты «прибавочной стоимости», т. е. объем прибыли, которая была вычтена из зарплаты (это один из ошибочных тезисов теории эксплуатации). Разумеется, Маркс принимает тезис о том, что понятие прибыли возникло только с появлением капиталистов. По его мнению, сумма добавленной стоимости на каждой стадии производства должна быть следствием применения свежей рабочей силы. Маркс вводит понятие постоянного (машины, оборудование, здания) и переменного (зарплата) капитала. Постоянный капитал, по его версии, только передает в товар ту стоимость, которой он сам обладает. Он не создает стоимость. Согласно логике Маркса, на полностью автоматизированной фабрике стоимость товара не может превышать стоимость материалов плюс амортизация завода и оборудования. Нет объяснения и тому, что старое вино или виски гораздо дороже, свежих.

Маркс предлагает свою версию «железного закона зарплаты». С его точки зрения, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимым для производства рабочей силы: *«Как и в случае с другим товаром, стоимость рабочей силы определяется стоимостью рабочего времени, необходимого для производства, и, следовательно, воспроизведением данной единицы рабочей силы»*. Маркс и его сторонники обвиняют капитализм в том, что он трактует рабочую силу как товар. На самом деле именно он считает, что стоимость рабочей силы определяется так же, как и стоимость товара. При этом, говоря о работодателях, он использует такие выражения, как «наши друзья Мешки с деньгами».

Точка зрения Маркса на «железный закон зарплаты» принципиально отличается от позиции классических экономистов. Маркс предполагает, что зарплата каким-то образом непосредственно определяется прожиточным минимумом, вне зависи-

ности от демографического роста населения и действия закона уменьшающейся доходности. Когда Маркс говорит о прожиточном минимуме, он имеет в виду реальное биологическое выживание. Капиталисты стремятся платить зарплату, равную нулю. Чтобы этого не было, государство должно их сдерживать.

Марксовая версия «железного закона зарплаты» может показаться привлекательной, потому что она якобы зиждется на двух очевидных постулатах: потребностях рабочих и жадности капиталистов. Чтобы выжить, средний рабочий должен работать. На сбережениях долго не протянешь. В случае необходимости он согласится работать за любую зарплату, которая должна обеспечивать ему физическое выживание. Капиталистам также вроде выгодно платить меньше.

На самом деле эти постулаты не имеют ничего общего с тем уровнем зарплаты, который рабочие должны принять в условиях реального рынка. Цены определяются спросом и предложением, редкостью товара или услуги, конкуренцией покупателей при ограниченном количестве предлагаемых к продаже товаров. На рынке труда стоимость рабочей силы определяется конкуренцией капиталистов. В отношении покупателя товара или рабочей силы действует следующее правило: *покупатель рационально желает платить не самую низкую цену, которую он может себе представить, но самую низкую цену, которая одновременно является слишком высокой для любого другого потенциального покупателя товара, который, будь цена ниже, купил бы этот товар*. Поскольку рабочая сила как товар редка и постоянно в дефиците, то на нее распространяется данное правило товарных рынков. В условиях свободного рынка зарплата не может упасть ниже уровня, который соответствует полной занятости. Дальнейшее снижение зарплаты невыгодно нанимателю, потому что на рынке будет дефицит рабочей силы.

Баверк. Теория стоимости и прибавочной стоимости

Кредит доверия к первому тому «Капитала», который предоставили К. Марксу его поклонники, удивил авторитетных ученых того времени. Широкая публика не могла понять, что написал Маркс. Специалисты же быстро поняли диалектику Маркса и обнаружили ее слабые места. В первом томе Маркс учил, что всякая стоимость товара основывается на овеществленном в нем труде и что в силу «закона стоимости» товары должны обмениваться в отношении овеществленного в них труда. Достающаяся капиталистам прибыль, или прибавочная стоимость – результат эксплуатации рабочих. Величина прибавочной стоимости определяется не в отношении всего затраченного капитала, а только в отношении переменной его части, которая идет на выплату зарплаты рабочим. Маркс утверждал, что «постоянный капитал» не может принести прибавочную стоимость.

Это утверждение Маркса явно противоречит реальной жизни. Прибыль на капитал находится в отношении ко всему заинвестированному капиталу. Известно также, что товары обмениваются не в отношении овеществленного в них труда. Налицо противоречие между системой, выстроенной Марксом, и фактами. Сам Маркс не мог уйти от него. Он пишет: «*Этот закон (а именно, что прибавочная стоимость находится только в отношении к переменной части капитала) явным образом противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений*»⁶². При этом он продолжает называть это противоречие кажущимся. Ни во вто-

ром, ни в третьем томе, изданном Энгельсом, это противоречие не было разрешено. После выхода в свет второго тома «Капитала» (1885) и до выхода третьего (1894) развернулась бурная дискуссия на предмет разрешения загадки о «средней норме прибыли» и ее отношении к «закону стоимости». В результате научный мир так и не получил решения противоречия, которое ставит под сомнение научную суть всей системы марксизма.

О. Баверк так суммирует значение закона стоимости Маркса. Товары обмениваются между собой в отношении заключенного в них общественно необходимого среднего труда, или «товары обмениваются по своим стоимостям», или «эквивалент обменяется на эквивалент». По мнению Маркса, это «естественный закон равновесия», «вечный закон товарного обмена». Случай, когда товары обмениваются по ценам, отклоняющимся от их стоимостей, Маркс предлагает считать исключением, а отклонения – нарушением закона обмена товаров.

На основании своей теории стоимости Маркс создает учение «о прибавочной стоимости». Он сужает условия проблемы, исключая ситуации, когда капиталист в качестве покупателя постоянно приобретает товары ниже их стоимости и в качестве продавца продаёт их выше стоимости (источник прибавочной стоимости). В его интерпретации проблема сводится к следующему: «*Наш владелец денег должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и в конце концов все-таки извлечь из этого процесса большие стоимости, чем он в нее вложил. Таковы условия проблемы. Hic Rodus, hic salta. (здесь Родос, здесь и прыгай)*»⁶³. Решение проблемы, по Марксу, заключается в том, что товар обладает меновой стоимостью. Товаром является рабочая сила. Он продаётся при наличии двух условий: 1) рабочий лично свободен; 2) рабочий лишен «всех предметов, необходимых для практического применения рабочей силы», ибо он сам предпочел бы производить товар и продавать его. Для производства необходимых средств к существованию, допускает Маркс, необходимо потратить 6 часов общественного времени и получить за это 3 шиллинга. Но капиталист заставляет рабочего трудиться весь рабочий день, присваивая продукт, который был создан за оставшееся время. Эта разница и есть прибавочная стоимость, которую-де присваивает капиталист.

Используя понятия «постоянный и переменный капитал», Маркс определяет норму прибавочной стоимости – отношение, в котором прибавочная стоимость находится к авансированному переменному капиталу и в котором выражается это «увеличение его стоимости». Она тождественна тому отношению, в котором прибавочное рабочее время относится к необходимому, или неоплаченный труд к оплаченному, т. е. является «точным выражением степени эксплуатации труда». Если рабочий воспроизводит стоимость своей зарплаты за 6 часов за 3 шиллинга, а работает 12 часов с такой же интенсивностью, то прибавочная стоимость количественно совпадает с переменным капиталом, заавансированным на зарплату. Норма прибавочной стоимости составляет 100%. Она принципиально отличается от нормы прибыли, потому что капиталист сравнивает присваиваемую прибавочную стоимость со всем капиталом. Если постоянный капитал составляет 410 фунтов, переменный – 90 фунтов, прибавочная стоимость – 90, то норма прибыли составляет всего 18%, т. е. 90 фунтов на весь вложенный капитал в 500 фунтов. Следуя этой логике, можно сказать, что каждая отрасль экономики обладает своим собственным, органическим

составом капитала. Каждая отрасль должна иметь свою норму прибыли при одинаковой норме прибавочной стоимости, если товары действительно обмениваются по своим стоимостям или в отношении овеществленного в них труда.

Теория Маркса требует, чтобы капиталы равной величины, но неодинакового органического состава, генерировали различную прибыль. Реальный мир доказывает, что капиталы одинаковой величины, независимо от их органического состава, дают равную прибыль. Вот как сам Маркс описывает свое противоречие: «*Таким образом, мы показали следующее: в различных отраслях промышленности господствуют различные нормы прибыли, соответствующие различию в органическом составе капитала, внутри данных границ, а также в соответствии с разницей во времени оборота. Поэтому даже при равной норме прибавочной стоимости только по отношению к капиталам одинакового органического состава, – предполагая равенство периодов оборота, – справедлив тот закон (в общей тенденции), что прибыли относятся между собой как величины капиталов, и, следовательно, равные капиталы в равные промежутки времени дают разные прибыли. Развитые нами соображения покоятся на базисе, который до сих пор был базисом всего нашего исследования: товары продаются по их стоимостям. С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что в действительности (если не учитывать несущественные, случайные и взаимно уничтожающие различия) в разных отраслях промышленности не существует различия между средними нормами прибыли, да и не может существовать без разрушения всей системы капиталистического производства. Итак, видимо, теория стоимости несогласуема с действительным процессом, несогласуема с фактическими явлениями производства, и потому в данном случае приходится вообще отказаться от надежды понять эти последние»*⁶⁴.

Маркс пытается решить данное противоречие, отбрасывая свое базовое положение, что товар продается по своей стоимости. Маркс признает, что благодаря конкуренции нормы прибыли быстро выравниваются в разных отраслях. Прибыль на капитал данной величины, каков бы ни был его органический состав, называется средней нормой прибыли. «*Цена товара, равная его издержкам производства, плюс причитающаяся на его долю, в зависимости от условий его оборота, часть годовой средней прибыли на весь капитал, применяемый для производства товара (не только действительно потребленный на его производство), есть его цена производства*», – писал Маркс. Это практически то же самое, что А. Смит называл естественной ценой, Д. Рикардо – ценой производства, а физиократы – необходимой ценой (*price nécessaire*). Фактическое меновое отношение отдельных товаров определяется уже не стоимостью, а ценой производства. Маркс говорит о том, что так происходит процесс превращения стоимости в цену производства. Лишь в виде исключения и случайно стоимость и цена производства совпадают у тех товаров, которые производятся при помощи капитала, органический состав которого случайно равняется среднему составу совокупного общественного капитала. Во всех прочих случаях стоимость и цена производства необходимо и принципиально расходятся.

Включившись в спор о совместимости средней нормы прибыли с марксовым законом стоимости, О. Баверк писал: «*Или продукты действительно обмениваются соответственно количеству овеществленного в них труда (если рассматри-*

вать длинный период)... и тогда выравнивание прибыли на капитал невозможно; или же имеет место выравнивание прибыли на капитал, и тогда невозможно то, что продукты продолжают обмениваться по количеству овеществленного в них труда»⁶⁵. В третьем томе сам Маркс признает, что уравнивание прибыли на капитал соответствует действительности, что товары фактически не обмениваются в соответствии с заключенным в них трудом. По сути дела, Маркс признает, что его закон стоимости, который был положен в основу всего учения, не действует.

В первом томе Маркс учит, что всякая стоимость основана на труде и только на труде, что напасть на след стоимости можно, только если следить за меновыми отношениями товаров. В третьем томе звучит заявление, что в действительности нет и не может быть того, что должно быть, если верить первому тому. Как пишет Баверк, «отдельные товары, и не случайно и преходяще, а необходимо и постоянно, обмениваются и должны обмениваться в совершенно ином отношении, чем в отношении овеществленного в них труда».

Таким образом, третий том «Капитала» опровергает первый. Теория средней нормы прибыли и цен производства несовместима с теорией стоимости. Лориа заявил, что Маркс вместо решения преподнес мистификацию. Третий том, по его мнению, это «русский поход Наполеона», «полнейшее теоретическое банкротство», «научное самоубийство», «полнейший отказ от своего учения», «полное присоединение к ортодоксальнейшим учениям столь презираемых экономистов»⁶⁶. Сторонники Маркса Вернер Зомбарт также делает вывод, что третий том Маркса опровергает первый, что нет смысла обращаться к тяжеловесному аппарату теории стоимости и прибавочной стоимости, если для объяснения прибыли обращаться к издержкам производства.

Четыре аргумента Маркса в пользу закона стоимости и ответ Баверка

Маркс выдвигает четыре аргумента в пользу действия закона стоимости, которые подробно разбирает О. Баверк.

1. Хотя *отдельные* товары и продаются выше или ниже себестоимости, эти противоположные отклонения взаимно погашаются. Таким образом, в обществе сумма цен производства произведенных товаров все же остается *равной сумме их стоимости*.

Маркс соглашается с тем, что товары обмениваются выше или ниже себестоимости в зависимости от участия в производстве постоянного капитала (большая или меньшая доля, чем при среднем органическом составе). При этом он уходит от смысла закона стоимости. Изначально он должен был объяснить наблюдаемые в действительности меновые отношения благ. Нам надо узнать, почему, к примеру, десять буханок хлеба стоят один килограмм мяса. Сам Маркс понимал задачу закона стоимости точно так же. Речь может идти только о меновом отношении различных товаров между собой. Как только товары рассматриваются как единое целое и цены этих товаров суммируются, происходит отвлечение внимания от отношений внутри этой совокупности. Как пишет Баверк, «нас интересует меновое отношение благ в народном хозяйстве, а нам указывают на сумму цен, которой они дости-

гают все вместе. Это все равно, как если бы на вопрос, на сколько минут или секунд победитель потратил меньше на скачках по сравнению с его соперником, нам бы ответили: все участники соревнований в целом затратили 25 минут 13 секунд».

Таким образом, по вопросу о проблеме стоимости марксисты отвечают прежде всего своим законом стоимости, что товары обмениваются в отношении овеществленного в них труда, а далее, прямо или путем намеков, они отрекаются от этого ответа по отношению к обмену отдельных товаров, т. е. как раз для той области, по отношению к которой этот вопрос вообще имеет смысл. При этом они сохраняют свой ответ во всей его чистоте для области, где этот вопрос вообще нельзя поставить.

Говоря о средней величине неких постоянных колебаний, Маркс также смешивает две разные вещи: среднюю величину колебаний и среднюю из постоянно и принципиально неодинаковых величин. Маркс прав в том, что многие общие законы работают таким образом, что норме, устанавливаемой этим законом, соответствует средняя, результирующая из постоянных колебаний (пример: цены равны издержкам производства в долгосрочной перспективе). Однако случай, по отношению к которому Маркс использует данное указание, совершенно иного рода. При отклонении цен производства от стоимости речь идет не о колебаниях, а необходимых и постоянных расхождениях. Это как выводить среднюю продолжительность жизни слона и поденки. Первые живут сто лет, вторые – один день.

2. Закон стоимости управляет движением цен. Уменьшение или увеличение количества труда, необходимого для производства, заставляет цены производства повышаться или понижаться.

Как указывает Баверк, тот факт, что *при прочих равных условиях* в зависимости от величины затраченного труда цены поднимаются и падают, определенно указывает лишь на то, что труд является одним из условий, определяющих цену. Это то, чему нас учили классики. Маркс же своим законом собственности доказывает, что труд является единственным фактором, управляющим меновыми отношениями.

3. Закон стоимости управляет обменом товаров на известных «первобытных» стадиях, на которых еще не происходило превращение стоимости в цену производства.

По Марксу, выравнивание нормы прибыли связано с двумя предпосылками: господством капиталистического производства и конкуренцией, проявляющей свою нивелирующую суть. После пространного рассуждения «было бы», «могло бы» Маркс сразу переходит к положительным выводам. Он допускает, рассуждает, но не доказывает свои выводы. При этом его гипотеза противоречит действительности. У нас вообще нет непосредственного опыта, чтобы каждый производитель был бы собственником своих средств производства. Очевидно, Маркс имел в виду крестьян, которые обрабатывали свои земли. При этом, согласно его гипотезе, величина доходов этих лиц должна была бы быть совершенно независимой от величины капитала, вложенных ими в производство. Каждый из них должен был бы получать однаковую зарплату и прибавочную стоимость, независимого от того, эквивалентен их капитал 10 или 100 флоринам. Очевидно, что такой ситуации в докапиталистическом производстве не было.

Таким образом, «чистая» проверка закона стоимости не получается. Этот вывод подтверждает симпатизирующий марксистам Вернер Зомбарт: «*Нигде и никогда развитие не совершалось и не совершается указанным путем. Между тем это должно было бы иметь место по меньшей мере во всякой вновь возникающей отрасли промышленности. Если бы указанное воззрение было верно, то, очевидно, историческое продвижение капитализма можно было бы представить себе таким образом. Капитализм прежде всего охватывал бы сферы с преобладанием живого труда, т. е. с капиталом ниже среднего, и только постепенно переходил бы в другие сферы по мере падения цен в тех первых сферах. Между тем капиталистическое производство исторически начинает развиваться в отраслях производства последнего рода: горное и т. д.*»⁶⁷.

4. В развитой экономике закон стоимости «регулирует, по меньшей мере косвенно» и «в конечном счете», цены производства, так как вся стоимость товаров, определяемая по закону стоимости, регулирует всю прибавочную стоимость, а эта последняя – величину средней прибыли, следовательно, общую норму прибыли.

По Марксу, стоимость «стоит позади цен производства» и «определяет их в последней инстанции». Цены производства являются только «превращением стоимости» или «превращением формы стоимости». Маркс считает, что цены производства определяет средняя прибыль. Это неполный ответ. Цены производства состоят прежде всего из себестоимости средств производства для предпринимателя и из его средней прибыли на затраченный капитал.

Себестоимость же слагается из двух компонентов: из затрат на переменный капитал и на употребленный или изношенный постоянный капитал, сырье, материалы, машины и т. д. Как пишет сам Маркс, в обществе, в котором стоимость уже превратилась в цену производства, себестоимость соответствует не их стоимости, а сумме затрат. Продолжая этот анализ, мы приходим к случаю естественных цен (*natural price*) А. Смита. Таким образом, как пишет Баверк, «нарастающая при производстве товара средняя прибыль во всяком случае является определяющим основанием цены производства соответствующего товара». О другом определяющем основании, об уплаченной зарплате, Маркс в этом месте больше не говорит. Из двух слагаемых факторов «затрат на заработную плату» только одно слагаемое – количество затраченного труда – гармонирует с законом стоимости. Второе слагаемое – уровень зарплаты – с ним не согласуется.

Как показывает Баверк, прибавочная стоимость не является твердой и неизменной долей совокупного национального продукта. Она получается из разницы между «совокупной стоимостью» национального продукта и суммой зарплаты, уплачивающей рабочим. Следовательно, не только одна совокупная стоимость управляет совокупной прибавочной стоимостью. В лучшем случае она может быть одной из составляющих. Второе чуждое Марксу основание – высота зарплаты. В первом томе Маркс опроверг ее, а в третьем томе с ней уже согласился. К тому же совершенно независимо от совокупной прибавочной стоимости выступает величина капитала, существующего в обществе. Этот фактор также влияет на размер совокупной прибавочной стоимости. Таким образом, Маркс пытался доказать тезис «закон стоимости управляет ценами производства» или «стоимость определяет цены производства в последней инстанции». Если включить в эту формулу Маркса содержа-

ние закона стоимости из первого тома, то его утверждение сведется к следующему: «цены производства управляются «в последней инстанции» тем принципом, что количество труда есть единственное обстоятельство, которое лежит в основе меновых отношений товаров».

Проверка этого тезиса доказывает, что цена производства состоит из двух слагаемых: затраты на зарплату (количество труда + высота зарплаты) и начисленной нормы суммы средней прибыли. Что касается второго фактора, «то его связь с законом стоимости сам Маркс смог утверждать только лишь путем насильственного извращения этого закона, считая его действующим там, где вовсе не дано меновых отношений»⁶⁸.

Первоклассный мыслитель, но подгонял систему доказательств под нужный результат

Считая Маркса первоклассным мыслителем, О. Баверк обвиняет его в методологических и логических ошибках. Маркс, попав под власть авторитетов (Смит и Рикардо) и оставаясь социалистом, «обратился к логически-диалектической спекуляции, которая так соответствовала его умственному складу. Но здесь это означает: помоги чем можешь помочь. Он знал, чего он хочет и что он должен вывести, и до тех пор с поразительной ловкостью мастерил и подгонял покорные определения и посылки, пока заранее известный вывод действительно не выступил во внешне приличной форме силлогизма... Едва ли когда-нибудь такой могучий ум, каким был Маркс, давал образец столь тяжелой, столь постоянной и столь явно фальшивой логики, чем это сделал Маркс в систематическом обосновании своего основного положения».

Маркс декларирует тезис о том, что стоимость различных товаров относится как рабочее время, необходимое для их производства. Разумеется, труд художника, производителя скрипок или скульптора стоит больше, чем труд простого ремесленника. Маркс начинает рассуждать об этих фактах при помощи мастерского диалектического приема. Он говорит о них в таком тоне, будто они не противоречат его основному принципу, но представляют собой лишь легкий вариант, который умещается в рамки правил. Он вводит понятие «простой средний труд». Один день труда скульптора равен пяти дням труда каменотеса. Но Маркс искал нечто общее, одинаковой величины – труд или рабочее время. Так понятие «труд» трансформируется в «простой труд». Но и это не разрешает противоречия. Дело в том, что в продукте скульптора вообще не овеществлен «простой труд», не говоря уже о простом труде, эквивалентом пятидневному труду каменотеса. Реальность такова, что оба продукта овеществляют различные виды труда и в различном количестве. Это является полной противоположностью того, что требует и должен утверждать Маркс: что эти продукты являются овеществлением труда одного и того же рода и в одинаковом количестве.

Стараясь заручиться поддержкой читателей в своем абстрагировании, Маркс абстрагируется не просто от случайных колебаний, но и от прочих отклонений, продолжительных, типичных, существование которых образует неотъемлемую часть самой нормы, требующей объяснения. Баверк называет это методологическим «смертным грехом», когда игнорируется то, что должно быть объяснено. «Целью

марковой теории прибавочной стоимости является не что иное, как выдержанное в его духе объяснение прибыли на капитал. Но прибыль на капитал как раз и коренится в постоянных отклонениях товарных цен на суммы их трудовых издержек. Если игнорируются эти отклонения, тем самым игнорируется как раз самое главное, что должно быть объяснено». О. Баверк ставит диагноз: «Они (сторонники теории эксплуатации) устанавливают закон, согласно которому стоимость всех товаров основывается на воплощенном в них рабочем времени, чтобы затем все случаи образования стоимостей, которые с этим «законом» не гармонируют (как, например, стоимость, которая, как прибавочная стоимость, приходится на долю капиталистов), объявить «противоречащим закону», «неестественным», «несправедливым» и подлежащим уничтожению. Таким образом, сначала они игнорируют исключения, чтобы можно было объявить закон стоимости всеобщим законом, а добившись различными ухищрениями его всеобщности, они опять возвращаются к исключениям, чтобы наложить на них клеймо нарушителей закона. Такого рода умозаключение нисколько не лучше того, что «все люди глупы», которое было выведено как «всеобщий закон» при игнорировании существования умных людей на основании того, что на свете есть много глупых людей, а затем потребовало бы исключения всех умных как «противоречащих закону»⁶⁹.

Значительная по объему система Маркса является образцом законченной логики. «Однако в ней в двух местах, и как раз в самых важных, включены части, характеризующие невероятную слабость и непоследовательность мысли: в самом начале, где теория впервые отделялась от фактов, и после первой четверти третьего тома, где факты опять появляются в поле зрения читателя; речь идет главным образом о десятой главе третьей книги».

Теория эксплуатации

По мнению О. Баверка, теория эксплуатации, с точки зрения ее приверженцев, могла бы называться социалистической теорией процента. Суть ее в следующем. Все блага, имеющие ценность, являются продуктом человеческого труда и, с экономической точки зрения, исключительно продуктом человеческого труда. Однако рабочие получают не весь исключительно ими созданный продукт. Благодаря обеспеченному институтом частной собственности распоряжению необходимыми средствами производства капиталисты отнимают у рабочих часть их продукта. Средством для этого служит наемный договор, на основании которого капиталисты покупают рабочую силу настоящих производителей, которых голод заставляет согласиться на предлагаемые капиталистами условия только за часть производимого ими продукта, другая же часть продукта переходит в собственность капиталиста как нетрудовой доход. Таким образом, процент на капитал является частью чужого труда, приобретаемой путем эксплуатации стесненного положения рабочего класса.

Классические экономисты через трудовую теорию ценности заложили в умы людей мысль о том, что труд создает подавляющее большинство благ. Это был вопрос времени, когда кто-то от имени рабочих выступит за восстановление справедливости. Марксисты с уважением говорят о Смите и Рикардо, обвиняя их лишь в непос-

ледовательности, т. е. в неспособности вывести из теории ценности теорию эксплуатации.

К первым теоретикам теории эксплуатации следует отнести Вильяма Томпсона (Англия) и Сисмонди (Франция)⁷⁰. Именно Томпсон заговорил о том, что прибавочная ценность (*additional value, surplus value*) присваивается капиталистами. Главными апологетами теории эксплуатации являются Карл Родбертус и Карл Маркс.

О. Баверк подробно описывает основные положения теории эксплуатации этих ученых. К. Родбертус, утверждая, что только труд производителен, поддерживал этот тезис следующими положениями:

- к числу хозяйственных благ причисляются только те, которые стоили труда; все остальные блага, какими бы полезными они ни были, являются естественными благами, не имеющими никакого отношения к хозяйству;
- все хозяйственные блага являются только продуктами труда;
- с хозяйственной точки зрения, блага составляют продукт не только того труда, который выполняет материальные действия, необходимые для создания блага, но и продукт труда, создающего орудия производства; рабочие, создавшие весь продукт, имеют, по крайней мере «с чисто правовой точки зрения», естественное и справедливое право собственности на весь созданный продукт⁷¹.

К. Родбертус считает, что рабочему платят в виде зарплаты только часть заработанного. Все остальное в виде ренты присваивается. Под рентой он понимает земельную ренту и прибыль на капитал. С его точки зрения, экономической причиной ренты является то, что труд создает больше, чем необходимо для поддержания жизни рабочих, а юридической – существование частной собственности на землю и на капитал. Силой, заставляющей рабочих соглашаться на эти условия, является голод. «*To, что раньше называлось кормом, теперь именуется заработной платой*», – пишет Родбертус. При этом он не выступал ни за отмену частной собственности на землю, ни за отмену прибыли. Напротив, он приписывает капиталу вспомогательную силу, своего рода отеческую власть, которая может быть заменена совершенно иной национальной системой воспитания.

Баверк считает теорию процента на капитал Родбертуса совершенно ошибочной. В основе учения Родбертуса лежит тезис, согласно которому все блага, с *хозяйственной точки зрения*, представляют собой исключительно продукты труда. Но что такое «*с хозяйственной точки зрения*»? Он противопоставляет естественные блага и созданные трудом человека. Ошибочно было бы игнорировать факт использования этих самых естественных благ в экономическом обороте. А золото или серебро, найденное в земле? Тот факт, что рейнвейн в реальной жизни стоит в десять раз больше простого местного вина, представляет собой очевидный протест против теории Родбертуса.

Положение Родбертуса о том, что рабочий должен получать всю ценность своего труда, может обозначать только следующее: рабочий должен получать или всю настоящую ценность произведенного им продукта в настоящем, или всю будущую ценность в будущем. Но социалисты считают, что рабочий должен получать всю будущую ценность своего продукта уже в настоящем. Это невозможно, если освобо-

дить рабочего от всех оков так часто осуждаемого наемного договора и поставить его в благоприятные условия независимого предпринимателя. Требование социалистов сводится к тому, чтобы заплатить рабочим больше, чем они заработали. Не только жадные капиталисты делают различие между настоящим и будущим. Его делает каждый человек. Предложи рабочему его зарплату в \$100 не сегодня, а через три года, и ты увидишь его реакцию. О. Баверк подробно описывает логические ошибки Родбертуса и убедительно доказывает, что он противоречит сам себе. При этом он заключает, что «перед памятью этого замечательного человека я считаю себя обязанным открыто заявить, что я признаю за ним и не менее выдающиеся заслуги в деле развития экономической теории». Такая культура дискуссии заслуживает уважения и достойна восхищения.

Основы теории эксплуатации Макс изложил в первом томе «Капитала», который вышел в 1867 г. Второй том (1885) похож на первый, и только третий том (1894) отличался от первых двух. По мнению Баверка, необходимо рассматривать все три тома «Капитала» как единое произведение. На теоретических основаниях понятия ценности Маркс строит учение о прибавочной стоимости или ценности (в разных переводах по-разному). Затем Маркс свойственным ему приемом диалектического разграничения отмежевывает себе условия проблемы и устанавливает, что рабочая сила является источником меновой ценности. Всякая прибавочная стоимость, в какую бы форму она ни была облачена – прибыли, процента, ренты и т. д., есть по своей субстанции материальное воплощение неоплаченного рабочего времени. Тайна самовозрастания капитала целиком сводится к распоряжению определенным количеством чужого неоплаченного труда. Такова основная идея теории эксплуатации по Марксу.

Третий том идет вразрез с ней, но Маркс от него не отказался. Говоря об источнике ценности, он часто вспоминает классиков Смита и Рикардо. При этом он не приводит точки зрения Рикардо, который в начале своих «Принципов» четко заявил, что источником ценности является редкость и количество труда. В отношении меновой стоимости товаров, которые оцениваются по объему труда, Рикардо также делает важное ограничение, говоря о времени, влияющем на ценность. Ни Смит, ни Рикардо не обосновали труд как источник ценности. Они высказывали это положение аксиоматично. Да, ценность и труд два тесно связанных между собой понятия, но это не дает оснований для вывода о том, что труд является источником ценности. Как часто труд тратится впустую, не генерируя никакой ценности! А. Смит, говоря о ценности труда талантливого художника или архитектора, имеет в виду не меновую или потребительскую ценность, а ценность в самом широком бытовом смысле, т. е. *worth*, а не *value*. Он понимает, что защитить его тезис в строго научной терминологии нельзя, поэтому и прибегает к такому приему. Как пишет Баверк, «пресловутое место, в котором наш почтенный учитель Смит вводит трудовой принцип в учение о ценности, весьма далеко отстоит от того, что обыкновенно в нем видят, – от великого и серьезно обоснованного научного положения. Оно само по себе не очевидно; оно не подтверждается ни одним словом, его обосновывающим; оно имеет небрежный вид и небрежное содержание вульгарного изречения; наконец, оно само себе противоречит. Что же касается того, что, несмотря на все это, оно встретило всеобщее доверие, то, по моему мнению, оно обязано двум обстоятельствам:

во-первых, тому, что его высказывал такой человек, как Адам Смит, а во-вторых, тому, что он высказывал его без всякого обоснования»⁷².

А. Смит обратился к чувству, но не обратился к уму. От Рикардо до Родбертуса, от Сисмонди до Лассала имя Смита было единственным прикрытием учения о труде как об источнике ценности. Как пишет Баверк, люди презирающие доказательства, опираются на авторитеты и довольствуются ссылками на них. Единственным исключением из этого правила стал Маркс, который действительно развел учение. Можно было эмпирически проверить меновые отношения и то, насколько они отражают гармонию между величиной меновой ценности и затратой труда. Можно было бы подвергнуть анализу психологические мотивы, которые руководят людьми в процессе меновых операций и установлении меновых цен, с одной стороны, и при их сотрудничестве в производстве – с другой. Маркс не избрал ни первый, ни второй путь. Более того, из третьего тома мы узнаем: он знал, что ни один из этих путей не приведет его к благоприятному для него выводу. Вместо этого Маркс прибегает к способу чисто логического доказательства, к диалектической дедукции, вытекающей из сущности обмена. Он основывается на выводе Аристотеля, который утверждал, что обмен не может происходить без равенства, а равенство – без соизмеримости. Однако сам факт обмена свидетельствует, что было состояние неравенства.

В поисках того общего, что объединяет товары, Маркс с самого начала кладет в сито только вещи, имеющие меновую ценность, обладающие тем свойством, которое он в конце концов желает видеть «общим», а все другие оставляет вне сита. Он поступает, как человек, который сильно хочет, чтобы из урны вышел белый шар, и, чтобы содействовать результату, кладет в урну только белые шары. Он не дает точного определения понятия «товар» и понимает его как «благо», сводит его к продуктам труда, противопоставляя дарам природы.

Исключение даров природы нельзя оправдать, тем более что некоторые из них (почва) принадлежат к наиболее важным имущественным и меновым объектам. Маркс даже остерегался дать точный ответ, почему он исключил часть благ из исследования. Он не говорит, что его понятие товара уже, чем понятие имеющего меновую ценность блага. Он бросает невинную на первый взгляд фразу: «Богатством общества, в котором господствует капиталистический способ производства, является огромное скопление товаров».

Как пишет Баверк, «простодушный читатель незаметно проходит мимо этой неточности. Он ведь не знает, что впоследствии Маркс придаст слову «товар» гораздо более узкий смысл». Говоря о «потребительской ценности», «благе», «товаре», Маркс попеременно использует разные слова, например «вещи». «Товарное тело ... есть потребительская ценность, или благо», – пишет Маркс. Потом «каждый отдельный товар, положим квартер пшеницы, обменивается в разнообразнейших отношениях на другие предметы». Он нигде не говорит об ограничении области своего анализа до части благ, жонглируя терминами для получения нужного результата.

Факты говорят, что меновая ценность находится в зависимости от количества труда, которого стоило их производство, только у одной части благ. Баверк группи-

рует список всех благ, которые в реальном экономическом мире нарушают принцип трудовой ценности:

- редкие блага (не только предметы искусства, но и вся земля), блага, которые производятся по патентам, авторское право, промышленные секреты и т. д.;
- блага, производимые не простым, а квалифицированным трудом;
- блага, производимые неестественно низкооплачиваемым трудом (швейное производство);
- блага, меновая стоимость которых то падает ниже уровня, который должен был бы соответствовать количеству затраченного на них труда, то поднимается выше под воздействием колебаний спроса и предложения; Маркс игнорирует данную причину, но в реальной жизни таких примеров очень много;
- из двух благ, производство которых стоит одинакового количества овеществленного труда, высшую меновую ценность имеет то, производство которого требует большего объема «предварительного труда». Поэтому меновая ценность благ постоянно значительно отклоняется от уровня, устанавливаемого овеществленным трудом.

Значит, «*книгому «закону», согласно которому ценность благ определяется количеством овеществленного в них труда, значительная часть благ вообще не подчиняется. Остальные же подчиняются не всегда, а если и подчиняются, то никогда в точности – это данные опыта, с которыми приходится считаться теоретику ценности*», – заключает О. Баверк. Законы, формулирующие влияние труда на меновую стоимость благ, будут относиться к общему закону ценности приблизительно так же, как закон «западный ветер приносит дождь» относится к общей теории дождя. Рикардо только в незначительной степени перешел границу дозволенного. Он слишком преувеличил объем благ, для которых этот закон верен, при этом делая оговорку относительно редких благ. Он не понял, что исключений из этого правила, которое никто не доказал, огромное множество.

Теория эксплуатации должна была стать научным обоснованием того, что рабочим надо отдать то, что, по сути дела, заработали совсем другие люди. Имеют ли рабочие право требовать, чтобы больший, более ценный продукт принадлежал им сполна, причем чтобы он принадлежал им сполна уже тогда, когда еще не был произведен.

Теория эксплуатации никак не затрагивает проблему различия времени для создания производственной техники и для оценки благ. «*Если теория эксплуатации, несмотря на свою внутреннюю слабость, все же находила и находит в себе столько веры, то этим она, на мой взгляд, обязана стечению двух обстоятельств. Во-первых, она перенесла спор в область, в которой обыкновенно говорят не только ум, но и сердце. Чему верят охотно, тому верят легко... Толпа же, вполне понятно, тем более переходит на сторону такой теории. Второе обстоятельство – слабость ее противников. До тех пор, пока научная полемика велась с точки зрения и при помощи аргументов не менее слабых теорий производительности, воздержания или трудовой и велась в духе Бастия или Мак-Куллоха, Рошера или Страсбергера, до тех пор спор не мог закончиться поражением социалистов.*

*Социалисты умело выявляли недостатки старых теорий, но заменить ложь истиной так и не смогли*⁷³.

Все основные прогнозы Маркса провалились.

Современный марксизм

Нобелевский лауреат по экономике Василий Леонтьев в 1938 г. заявил, что Маркс был прав в своих выводах. Однако польский философ-марксист Л. Кулаковский, утверждает, что «все основные предсказания оказались фальшивыми».

Вот они:

- при капитализме ставка прибыли не снизилась, даже несмотря на то, что на протяжении столетий накапливается все больше капитала;
- рабочий класс не погрузился в глубокую нищету; зарплаты выросли гораздо выше прожиточного уровня; уровень жизни в промышленно развитых странах резко возрос; средний класс не исчез, а стал более численным;
- существует мало доказательств концентрации промышленности в развитых капиталистических обществах, и наоборот, наблюдается углубление системы разделения труда; доказательством этого является и процесс аутсорсинга;
- ни одно утопическое социалистическое государство не процветало; неизбежность пролетарской революции также оказалась надуманной;
- несмотря на бизнес-циклы и Великую депрессию (она стала следствием государственного интервенционизма в сферу денежного обращения), капитализм выжил и процветает; у людей, уважающих методологию науки и факты реальной жизни, полное и безоговорочное поражение социализма не вызывает сомнений.

Сегодня марксизм занимается следующими проблемами.

1. Проблема отчуждения (потеря своего «я») рабочих (*alienation*) и монотонность работы. Как писал Дэвид Денби, «мы работаем на других, выполняем задачи и цели других людей. Часто мы смотрим на то, что произвели, с безразличием, гранничащим с отвращением»⁷⁴. Марксистов заботит вопрос, как справиться со скучай на рабочем месте и бессмыслицей сегодняшнего мира бизнеса.

2. Проблемы жадности, мошенничества и материализма в капиталистическом обществе, настроенном на получение дохода. Тот же Денби пишет, что капитализм породил зависть и желание идентифицировать себя через товары. По его мнению, американская версия капитализма несет ответственность за низкие стандарты морали в современном обществе. Марксисты утверждают, что отношения между людьми сегодня имитируют отношения между товарами.

3. Проблема неравенства богатства, дохода и возможностей. Именно марксизм стоит за разработкой коэффициента Джини и популярной идеи неравенства как причины дестабилизации общества. Неравенство возможностей также используется многими переходными правительствами в качестве аргумента в пользу введения протекционистских мер, в том числе для входа на рынок капитала (мол, наши банки,

фирмы слишком бедные, поэтому им нужно определенное время, чтобы накопить капитал и выравнить свои возможности). Научно пустой тезис о неравенстве и несправедливости капиталистического распределения до сих пор является основой прогрессивных налогов, торгового протекционизма, законов о минимальной зарплате и т. д.

4. Проблемы расовой дискриминации, феминизма и охраны окружающей среды. Марксисты стараются охватить как можно больше чувствительных тем и через социализированные СМИ заставить правительства ввести дополнительные ограничения (издержки) для бизнеса. При этом современные марксисты стыдливо умалчивают экономическую и научную несостоительность работ своего патрона. К сожалению, вслед за поражением социализма на производстве, в торговле, финансово-вом секторе социалистические теории, в числе которых главное место занимает теория стоимости и эксплуатации, продолжают в большей или меньше степени господствовать в западных и постсоциалистических вузах. От перемены названий предметов (к примеру, научный социализм называется экономикс) знаний у преподавателей больше не стало. А научные работы О. Баверка, Л. Мизеса до сих пор известны чрезвычайно узкой группе экономистов. К сожалению, они не формируют университетский научный *mainstream*.

Несмотря на научную и методологическую слабость теории Маркса, на игнорирование ею фактов реальной жизни и явную подгонку умозаключений под идеологически искомый результат, ею продолжают травить умы и сердца людей, разжигая в них зловещий и опасный огонь зависти и ненависти к тем, кто достоин почести и уважения, – к предпринимателям, к капитализму в целом.

21. Церковь Кейнса. К 70-летию экономического шаманства

Вопрос: Профессор Кейнс, что вы имеете в виду, когда говорите о «недобровольной безработице»?

Ответ: Вот мое определение: «Люди находятся в состоянии недобровольной безработицы, если в случае небольшого роста цены wage-good относительно money-good и совокупное предложение рабочей силы, желающей работать при текущем уровне денежной зарплаты, и совокупный спрос на нее при этом уровне зарплаты будут большие, чем существующий уровень занятости.

В: Да, ваш ответ много проясняет. Профессор Кейнс, скажите, пожалуйста, что управляет частными инвестициями в рыночной экономике?

О: Наши выводы можно сформулировать в самом общем виде. Дальнейший рост ставки инвестиций возможен, если самые высокие из own-rates of own-interest всех имеющихся ресурсов равны самому высокому показателю среди предельных эффективностей всех активов, измеренных посредством активов, собственные won-rate of own-interest которых являются самыми большими.

В: Да, конечно... И последний вопрос, профессор. Разве инфляция не инициирует искусственный бум?

О: Сейчас мы находимся в затруднительном положении. Дикая утка нырнула глубоко ко дну – так глубоко, как только можно. Она хватает всякую всячину, растения и путается в них.

Нужна чрезвычайно умная собака, которая могла бы нырнуть и достать утку.

В. Спасибо, профессор Кейнс. Да, поздравляем с получением Нобелевской премии в области литературы.

Роджер Гаррисон.

Мы думали, что, стимулируя расходы, сможем выйти из рецессии... Честно вам признаюсь, такой точки зрения больше нет. В то время, когда она доминировала, все сводилось к инъекции больших доз инфляции в экономику. За этим следовал рост безработицы. Такова история последних 20 лет.

Джеймс Каллагэн, премьер-министр Великобритании, 1977 г.

Избитые дорожки в академической дискуссии привели экономистов в кейнсианское болото. Сейчас те в большинстве своем понимают, что слишком долго следовали за своим лидером, который сам заблудился. Но многие, кажется, обреченно несут свой крест и не желают выпутываться из этого трудного положения. Некоторые экономисты пытаются рацionalизировать ситуацию: мол, какой бы ошибочной ни была теория Кейнса, конкретные политические меры, следующие из нее, мудрее советов классических экономистов по политическим причинам.

У. Хатт.

Древнему Египту дважды сопутствовала удача. Вне сомнений, его сказочное богатство обеспечено двумя факторами: строительством пирамид и поиском драгоценных металлов. Пирамиды и металлы не могут удовлетворять потребности человека: их нельзя есть. Они не портятся по мере накопления. В средние века строили кафедральные соборы и пели погребальные песни. Две пирамиды, две мессы по усопшим в два раза лучше, чем одна. Этот принцип не относится к двум железным дорогам от Лондона до Йорка.

Дж. М. Кейнс.

Главным препятствием при принятии и реализации классических либеральных принципов является подход либералов к спору, к контрверсии. Мне кажется, они даже не пытались разработать стратегию, дающую надежду на изменение точки зрения своих оппонентов. Публикуется много хорошего экономического анализа и критики, но его влияние распространяется на тех, кто уже разделяет либеральные принципы. Мало людей читает материалы, которые противоречат их собственным принципам. Да и те при чтении легко опускают не подходящие под их взгляды факты и аргументы. Требовать от человека добровольно принять логические импликации фактов и аргументов противника – значит требовать слишком много. Когда существует более чем

погдюжины противоречащих друг другу школ экономической мысли и бесчисленное количество вариантов и особенностей этих школ, то даже самый образованный, умный и добросовестный гражданин или госслужащий едва ли сможет отделить от анализа свои собственные взгляды и пристрастия и изучить предмет с открытым умом. Он едва ли сможет найти точные аргументы на каждый тезис оппонента, на представленные им факты, аргументы, теории, чтобы истина была выявлена объективно и беспристрастно. Необходим совершенно иной подход. Необходим механизм, при помощи которого надо систематизировать споры так, чтобы экономистам, политикам и электорату было трудно сохранять свои неправильные представления и мифы... Проблема сегодняшней дискуссии заключается в том, что она ведется недостаточно глубоко, чтобы изменить точку зрения оппонентов. Конфронтация настолько поверхностна, что ее участники и зрители могут пребывать в своих собственных предрассудках...

Мне кажется, что сам факт выживания свободы, не говоря уже о ее развитии, будет зависеть от инициации и развития исчерпывающей и решительной дискуссии по экономическим вопросам. Это должна быть дискуссия в формате, специально смоделированном для прямой конфронтации противоположных точек зрения. Такой подход предполагает не одиночные публикации или выступления, а продолжительный обмен тщательно подобранными аргументами между командами квалифицированных экспертов, во главе которых стоит или которых поддерживает известный и общепризнанный политик или общественный авторитет.

Д. Вильельсон, 1975.

Кейнс. Меньшее из двух зол спасло капитализм?

Великая депрессия была одним из самых трагических событий в мировой экономике. В то время как естественные науки достигали новых высот, появлялись новые технологии, большинство экономистов (кроме представителей австрийской школы, которых, к сожалению, практически никто не слышал) были явно не в состоянии объяснить проблемы 20-х – 30-х гг. XX века. Великая депрессия 1929 – 1933 гг. привела к тому, что ВВП в США упал на 30%, почти половина банков обанкротилась. Фондовый рынок потерял 88% своей стоимости. Аналогичные события развивались в Европе и других частях мира. Л. Мизес и Ф. Хаек, равно как и сторонники теории стабильных денег (*sound money*), предвидели экономические проблемы, но не могли повлиять на затвердевший коллектivistский *mainstream*. Не помог и новый курс Т. Рузвелта. В течение целого десятилетия безработица в США превышала 10%. Только гитлеровская Германия не имела проблем с занятостью. Продолжительность и интенсивность Великой депрессии стали причиной изменения отношения большинства экономистов к свободному рынку (*laissez faire*).

К тому времени марксизм стал очень модным течением в университетах и академиях. Американский экономист, выпускник Гарварда Пол Свиги после стажировки в *London School of Economics* стал убежденным марксистом. Сидни и Беатрис Уэбб вернулись из Советского Союза полные оптимизма и начали восхвалять советскую плановую систему. Они считали, что Сталин построит «новую цивилизацию», в кото-

рой будет полная занятость и которая будет лучше капиталистической системы. В такой ситуации интеллектуалы Запада, не будучи сторонниками советской альтернативы, жаждали учения, которое позволило бы им защитить рынок, но при этом очеловечить его, сделать его «социально ориентированным».

Путь между двумя крайностями – социализмом и капитализмом – предложил Дж. Кейнс. Этот средний путь, революционный и оригинальный, был описан в «Общей теории занятости, процента и денег», своего рода Библии современных интервенционистов, опубликованной в 1936 г. Кейнс обвинял капитализм во внутренней нестабильности, но не призывал к всеобщей национализации, ценовому регулированию и вмешательству в бизнес на микроуровне. С его точки зрения, надо было лишь взять бразды правления монетарной и фискальной политикой в руки государства и вернуть экономику в русло нормального развития.

Революция Кейнса быстро завладела массами. Дж. Гэлбрайт писал, что «это было лекарство от отчаяния, и оно не уничтожило систему, а спасло ее. Для нереволюционеров это лекарство было слишком хорошим, чтобы в него поверить... Старую экономику по-прежнему изучали в вузах, но по вечерам, с 1936 г., почти все обсуждали Кейнса». В результате бурного распространения идей Кейнса, которые в большинстве своем не были оригинальными, модель совокупного спроса завладела миром быстрее, чем марксистская революция. Не прошло и 10 лет, как П. Самуэльсон, Алвин Хансен, Лоренс Клейн начали преподавать в вузах США функцию потребления, мультиликатор, предельную склонность к потреблению, парадокс сбережения, совокупный спрос и «магическую» формулу $C + I + G$. По мнению Г. Хэзлитта «Общая теория» представляет собой самое тонкое и вредное нападение на традиционный капитализм и свободный рынок, который когда-либо появился на английском языке». (1977)⁷⁵.

Дорога Кейнса к «Общей теории»

Выпускник престижной средней школы Итона Дж. Кейнс поступил в Кембридж и в 1905 г. получил диплом по математике. Друзья вспоминали о нем как о бунтаре, умном и грубом. Он был избран одним из двенадцати апостолов секретного общества Кембриджа. В начале XX века эти парни резко выступали против викторианской морали, противопоставляя себя аристократическому обществу. Они даже утверждали, что гомосексуализм морально выше других интимных связей. До женитьбы на русской балерине Лидии Лопоковой в 1925 г., в возрасте 44 лет, Дж. Кейнс был активным гомосексуалистом.

В 1919 г. Кейнс был главным представителем финансовых органов Британии на Версальской мирной конференции. Затем он ушел в отставку и написал книгу «Экономические последствия мира» (*The Economic Consequences of the Peace*). Этот труд принес ему деньги и славу. Кейнс резко критиковал победителей за то, что они потребовали от Германии огромной контрибуции в размере \$5 млрд. «золотом, товарами, кораблями, цennыми бумагами и т. д.». Он намекал на то, что единственный выход для Германии – инфляция: «Ленин был прав: нет более надежного способа разрушить устои общества, чем разрушить его деньги. Этот процесс затрагивает все скрытые силы экономического закона с точки зрения разрушения эконо-

мики. События разворачиваются так, что из миллиона человек едва ли кто-нибудь может диагностировать то, что происходит»⁷⁶.

В 1925 г. Кейнс сделал еще одно удачное предсказание. На этот раз он заявил, что возвращение Британии к золотому стандарту по фиксированному довоенному курсу \$4,86 было большой ошибкой. В буклете *The Economic Consequences of Mr. Churchill* он предупреждал, что дефляция приведет к падению реального уровня зарплаты и сокращению экономического роста. Но, видимо, предсказательный талант Кейнса иссяк: в конце 20-х гг. он «проморгал» гораздо более весомое событие – Великую депрессию. В своей книге *Tract on Monetary Reform* (1923) он присоединился к Ирвину Фишеру, который призвал отказаться от золотого стандарта, и хвалил Федеральную резервную систему (ФРЗ) за стабильный доллар и его вклад в мировую монетарную систему.

В 1926 г. он встретил швейцарского экономиста Феликса Сомари и заявил ему: «*В наше время у нас больше не будет кризисов*». Кейнс и Фишер игнорировали выводы представителей австрийской школы экономики, которые придерживались противоположной точки зрения.

Опериуя на рынке валют, ценных бумаг и товаров, Кейнс получил репутацию талантливого финансиста. Он был председателем *National Mutual Life Insurance Company* и казначеем *King's College*. Автор трехтомника о Кейнсе Р. Скидельски писал, что его герой часто принимал важные решения, находясь в постели. В период Великой депрессии будущий лорд лишился трех четвертей своего состояния, в первую очередь за счет потерь на товарных рынках. Но Кейнс смог реабилитировать себя. После смерти его состояние составляло 411 тыс. фунтов стерлингов. В 1920 г. его портфель стоил всего 16.315 фунтов. Это значит, что, несмотря на критические события 1929 – 1932 и 1937 – 1938 гг., он обеспечил себе 13-процентный ежегодный доход.

В канун 1936 г. Кейнс написал своему приятелю, социалисту Бернарду Шоу, что завершает книгу, которая совершила революцию в сферах, выходящих далеко за пределы экономики. Как и Маркс, он хотел, чтобы его магnum опус читали все, поэтому убедил издательство *Macmillan* продавать 400-страничную книгу всего за 5 шиллингов. Но книга была написана так сложно, что даже сторонники Кейнса не могли ее толком понять. «Общая теория» была направлена не на то, чтобы исправить классическую экономику, а на то, чтобы ее заменить. Кейнс остро критиковал А. Смита и делал все, чтобы экономисты забыли рецепты классической экономики. Он предложил при помощи дешевого кредита, инструментов фискальной политики решить извечную проблему человечества – редкость. Вслед за Марксом, который также хотел занять место Бога и исправить природу человека (чтобы все были добрыми, благородными, трудолюбивыми и т. д.), Кейнс решил при помощи агрегатных моделей устранить «дефект» природы.

С точки зрения Кейнса, в том, что случилось во время Великой депрессии, виноваты инвесторы и спекулянты. Он считал, что фондовый рынок – это всего лишь рулетка, в которой играет кучка профессиональных спекулянтов. Кейнс призвал инвестировать все сбережения в первую очередь в проекты, которые поддерживает государство. Призвал это делать других людей, однако сам выбирал чисто капиталистические решения. Он делал акцент на потребление и атаку на свободный рынок

построил на опровержении простой и понятной аксиомы Сэя «не может быть дефицита спроса». Кейнс извратил закон Сэя, утверждая, что «предложение создает свой собственный спрос». По его мнению, Сэй говорил, что все, что производится, тут же автоматически покупается. Следовательно, закон Сэя не может объяснить бизнес-цикл. При этом Кейнс никогда прямо не цитировал Сэя. Некоторые историки утверждают, что он вообще никогда не читал «Трактат» Сэя, а полагался на комментарии Рикардо и Маршалла.

Закон Сэя составляет основу классической теории бизнес-цикла и рецессии. Классики утверждали, что безработица может возникнуть и возникает. Безработные несут серьезные потери. Ж. Б. Сэй утверждает, что рецессии возникают не по причине дефицита спроса (тезис Кейнса), а по причине структуры спроса и предложения. Рецессия возникает, когда производители делают ошибки и неправильно оценивают то, что потребители хотят купить. В результате этих ошибок растут складские запасы, сокращается производство, увольняются рабочие, падает уровень дохода и, наконец, падают расходы на потребление.

Сэй четко понимал, что в рыночной экономике могут быть продолжительные периоды экономической рецессии. Но он не доказал (очевидно, посчитав напрасной тратой времени доказывать очевидное), что увеличение уровня непроизводительного потребления не является лекарством от рецессии и депрессии. Оно не содействует процессу создания и накопления богатства. Потребление, будь-то производственное или непроизводственное, использует ресурсы, но только производственное потребление может генерировать эквивалентную или большую ценность.

По мнению Кейнса, выходом из рецессии является стимулирование спроса через дополнительные расходы. В этом смысле он перевернул закон Сэя с ног на голову. Спрос рождает предложение, а не наоборот! Кейнс решил добавить G к уравнению национального дохода $Y = C + I + G$ и решить раз и навсегда проблему редкости.

Напомним основные выводы из закона рынков Сэя. Одной из основных тем XVIII века была меркантилистская доктрина о том, что деньги, особенно открытие новых залежей золота и серебра, вместе с благоприятным балансом торговли создают богатство. Во время периодических кризисов и депрессий люди постоянно жалуются на недостаток денег. Решение экономических проблем, с точки зрения меркантилистов, было очень простым – найти больше денег и их потратить. Таким образом, будет обеспечен выход из кризиса.

Сэй говорит, что не деньги создают спрос, а производство товаров и услуг. Деньги – это только механизм обмена, а реальной причиной депрессии является не недостаток денег, а недостаток продаж фермеров, промышленников и т. д. Сэй писал: «*Не избыток денег, а избыток товаров облегчает торговлю. Деньги выполняют функцию проводника двойного обмена*». Сэй отрицает наличие общего перепроизводства в рецессии. Он утверждает, что часть продукции просто не туда направлена. Как только цены и издержки пройдут процесс адаптации к новой структуре спроса, экономика начнет расти. Потребители снова начнут тратить деньги, а производители – зарабатывать. На основании этого анализа он сделал вывод: произ-

водство является причиной потребления, или, иными словами, увеличение выпуска ведет к более высоким потребительским расходам.

Закон Сэя гласит: *предложение товара X создает спрос на товар Y*. К примеру, когда в определенном районе открывается прибыльный бизнес, он создает рабочие места и спрос на товары и услуги. Увеличенное потребление является следствием нового предложения – нового бизнеса, который открылся в данном месте. С началом рецессии первым сокращается производство, еще до сокращения потребления. Когда начинает расти производство, экономика «выздоравливает», а затем увеличивается и потребление. Экономический рост начинается с роста производительности, увеличением выпуска новых продуктов и открытием новых рынков. Следовательно, производственное потребление всегда предшествует потребительскому потреблению.

Закон рынка Сэя можно суммировать следующим образом:

- в стране не может быть слишком много капитала;
- основой экономического роста являются инвестиции;
- потребление не только не стимулирует создание богатства, но и приводит к прямо противоположной ситуации;
- спрос основан на производстве;
- дефицит спроса, т. е. перепроизводство, никогда не является причиной экономических проблем; экономические проблемы возникают только тогда, когда товары производятся в неправильной пропорции по отношению друг к другу.

При выработке своей революционной теории Дж. Кейнс не посчитал нужным учитывать эти факторы. В оправдании активной фискальной политики Кейнсу помогло изобретение Ричарда Кана – мультипликатор. Этот математик утверждал, что при помощи небольшого роста инвестиций в государственный сектор якобы можно легко добиться полной занятости. К примеру, в состоянии рецессии правительство решает построить себе новое здание за \$100 млн. Бывшим безработным, которые нашли работу на стройке, платят зарплату. На первом круге затрат в экономику добавляется \$100 млн. К примеру, предельная склонность к потреблению составляет 90%, т. е. с каждого заработка доллара рабочий тратит 90 центов. На втором круге в экономику добавляется \$90 млн., затем наступает третий круг и т. д. После того как рабочие потратили свои новые деньги, они становятся выручкой другого бизнеса (магазинов, заправочных и т. д.), который также может нанять новых рабочих, чтобы справиться с новым спросом. Эти рабочие также тратят 90 центов с каждого заработка доллара. Они получают \$81 млн. (90% от \$90 млн. первоначального потребления). Таким образом, государственные расходы генерируют множество кругов потребления, которое в конечном итоге увеличивается в 10 раз. Следуя этой логике, можно сделать вывод, что совокупная занятость увеличится в 10 раз только за счет выполнения работ по госзаказу, если, конечно, не уменьшать инвестиции.

В модели Кейнса только потребительские расходы генерируют дополнительный доход и занятость. Кейнс считал, что сбережения стерильны, что сбережения осуществляются только в виде налички в матрасе или в стеклянной банке. Модель

Кейнса – это модель борьбы с депрессией при помощи резкого расширения экономических полномочий государства.

«Интеллектуальный сорняк» попал на сильно удобренную почву

Революцию в экономике Дж. Кейнс совершил не потому, что в 1936 г. опубликовал известную книгу *The General Theory of Employment, Interest and Money*. К середине 30-х гг. XX века экономическая наука находилась в таком же упадке, как и российская власть в 1917 г., когда ее из грязи подобрали большевики. Задолго до Кейнса экономисты считали, что безработицу можно ликвидировать за счет снижения зарплат рабочим. Но после раскрутки марксистской трудовой теории ценности, превращения профсоюзов в мощный институт давления на институт частной собственности, а также тотального увлечения социализмом и его различными формами во всех индустриальных странах, интеллектуальная элита готова была сдать рациональные и очевидные аксиомы классической школы экономики. Теория эксплуатации того же Маркса сделала предпринимателей главными врагами прогресса человечества. Они якобы заставляли рабочих работать по 12 – 16 часов в сутки, за каторжный труд платили гроши и не предоставляли рабочим их справедливую часть добавленной стоимости. Покончить с этой несправедливостью призывали не только марксисты, но и критики классической школы экономики.

Независимые, которые доминировали в интеллектуальной элите США, и особенно Европы и Британии, считали, что социальный прогресс в системе *laissez faire* капитализма невозможен. И тут в этом философско-интеллектуальном контексте появляется Дж. Кейнс. Представительный, прекрасный оратор, в совершенстве владеющий английским языком и привыкший бросать вызовы истеблишменту, он умело манипулировал интеллектуальной толпой, готовой к приходу нового экономического мессии. И вот он явился, разящий и революционный. Всю систему взглянувших Кейнса можно свести к одному предложению: «*Свободный рынок рабочей силы и сокращение зарплаты не могут ликвидировать безработицу. Массовая безработица – неотъемлемая черта капиталистической экономики в современных условиях*».

Кейнс заявил, что свободный рынок труда вреден. Зачем стремиться к нему, если он не решает главную проблему – проблему безработицы? Единственное ее решение – фискальная политика и предоставление государству огромных полномочий. Кейнс дал экономистам-оппортунистам то, что уладило их конфликт с остальной частью интеллектуального мира. Сломав «хребет» классической экономике, полностью проигнорировав открытия австрийской школы экономики, Кейнс, по сути дела, начал «гнать попсу», предложил «жвачку» для СМИ, академической и университетской элиты. Они подхватили идеи Кейнса и придали им статус чуть ли не библейских заповедей. Образно говоря, интеллектуальные элиты мира придали «Бритни Спирс» от экономики статус и вес Моцарта.

Придание идеи бюджетного дефицита и строительства пирамид вместо железных дорог статуса научной теории является довольно веским основанием для того, чтобы назвать Кейнса противником как здравого смысла, так и свободы. Кейнсистство несовместимо и с аксиомами количественной теории денег. Оно утверждает,

что хоть количество денег остается неизменным, но по мере падения цен и зарплат объем расходов в экономике постоянно сокращается, поэтому нет взаимосвязи между количеством денег в экономике и объемом расходов.

В пылу ненависти к викторианской морали британец Кейнс бросил вызов англо-саксонским традициям политической экономики и ограниченного правительства. Он тоже не был оригинален и повторил многие тезисы противников классической экономики. Дж. Кейнс цитировал Дж. Гобсона (1889): «*Сбережения обогащают, а расходы обедняют общество и человека. Значит, можно сказать, что любовь к деньгам – корень всего экономического добра. Сбережения не только обогащают бережливых граждан. Они приводят к росту зарплаты, дают работу безработным, являются источником общественных благ. В ежедневных газетах, современных экономических трактатах и на трибунах Палаты лордов данный вывод постоянно повторяется. Он стал непререкаемой истиной. Но образованный мир, поддерживаемый большинством экономических мыслителей, до публикации Рикардо однозначно отвергал эту доктрину. Ее универсальная акцептация произошла благодаря тому, что экономисты не смогли объяснить и донести до людей стремительно развивающуюся доктрину фонда зарплаты (wage-fund doctrine). Вывод из этой теории должен был пережить спор, на котором он логически был основан. Экономические критики посмели атаковать каждый элемент теории, но испугались и не подвергли сомнению ее выводы»*⁷⁷.

Прошло 50 лет, и Кейнс представил социализированному миру экономический продукт, который тот с удовольствием проглотил. Доктрина, на которую ссылается Гобсон, предполагает, что *спрос на рабочую силу* отделен и отличается от спроса на потребительские товары. Он состоит из сбережений и производственных затрат, а не потребительских расходов. Кейнсианцам так и не удалось опровергнуть эту теорию. Суть критики сводилась к тому, что изменение ставок зарплаты может сопровождаться изменением общего фонда зарплаты за счет других частей производственных затрат или за счет нетто потребления. Как доказали австрийцы, возможные изменения общего фонда зарплаты не влияют на то обстоятельство, что зарплата выплачивается из сбережений и производственных затрат, и в реальном выражении зависит от производительности труда и развитости капиталистической системы. По мнению Дж. Рисмана, нет оснований отвергать эту доктрину. Гобсон был прав в том, что отрицание Кейнсом этой доктрины, равно как и ряда других положений классической экономики, позволило сделать выводы, которые нельзя было бы иначе поддерживать и раскручивать.

Мягкая критика кейнсианства кембриджским профессором А. Пигу положила начало неокейнсианству. Согласно этому варианту теории, падение ставок зарплаты может привести к ликвидации безработицы, но падение должно быть непропорционально большим любой дополнительной занятости. В такой ситуации все должники обанкротились бы, потому что резкое сокращение зарплаты и падение цен привело бы к сокращению совокупных расходов и выручки и, следовательно, способности отдавать долги. Единственным отличием кейнсианства от неокейнсианства является то, что первая теория утверждает, что свободный рынок труда не в состоянии обеспечить полную занятость, а вторая – что свободный рынок товаров не в состоянии обеспечить полную занятость, потому что свободный рынок товаров приводит

к образованию олигополии и, соответственно, отказу снижать цены. Следовательно, обе теории доказывают, что свободный рынок сопровождается массовой безработицей. Именно неокейнсианцы оправдывают антипредпринимательское антимонопольное законодательство, которое направлено якобы на установление «чистой и идеальной конкуренции».

Вторая кейнсианская альтернатива – государственное регулирование цен. Суть неокейнсианства хорошо отразил один из ее авторов Джозеф Мак-Кенна в книге *Aggregate Economic Analysis*: «*Выводы Кейнса не устраивали две группы. Первая возражала потому, что государственная интервенция, или депрессия были единственными опциями. Многие представители этой группы были в принципе против государственного интервенционизма, поэтому отвергли данный выбор. Вторая группа, которая поддерживала классический анализ, оппонировала Кейнсу по логическим, а не политическим соображениям. Для них была невозможной ситуация, когда при понижении зарплаты рабочие не могли бы найти работу. А. Пигу был в этой группе... Он считал, что изменение цены внесет корректины в функцию потребления. Падение цен ведет к повышению денежной стоимости активов и поэтому приводит к перемещению кривой потребления вверх. Результат удовлетворил Пигу, и он доказал, что полную занятость всегда можно обеспечить, если зарплата и цены упали до необходимого уровня... При этом сам Пигу предпочитал повышать спрос методами фискальной политики. Странным образом этот вывод удовлетворил политический оппонентов Кейнса, которые могли объяснять безработицу нежеланием рабочих принять более низкую зарплату. Важный эмпирический вопрос: насколько эластична кривая совокупного спроса? Если эластичность высокая, то небольшое изменение уровня цен даст необходимый для полной занятости уровень дохода. Если эластичность низкая, уровень цен, совместимый с полной занятостью, может потребовать такого радикального снижения уровня дохода, что осуществить его без разрушения системы будет невозможно... Обычный вывод заключается в том, что кривая агрегатного спроса обладает низкой эластичностью, поэтому для снижения дохода до приемлемого уровня необходимо радикальное снижение цен»⁷⁸.*

Современные неокейнсианцы пошли еще дальше. Так, П. Самуэльсон и Нордхаус в своем *Economics* пишут: «*Главное различие классического и кейнсианского подходов заключается в разнице взглядов на поведение совокупного предложения (!). Кейнсианская экономика считает, что цены и зарплаты адаптируются медленно, поэтому достижение равновесия может продолжаться годами и даже десятилетиями. Классический подход заключается в том, что цены и зарплаты гибки, поэтому экономика движется к своему долгосрочному равновесию быстро. В то время как классические экономисты говорили, что постоянная безработица невозможна, экономисты 30-х гг. не могли игнорировать армию безработных. Кейнс подчеркивал, что поскольку цены и зарплаты ригидны, то экономических механизмов восстановления полной занятости и создания условий, в которых экономика использует весь свой потенциал, не существует. В кейнсианской модели кривая совокупного спроса уходит вверх. Это значит, что при более высоком совокупном спросе выпуск будет увеличиваться столько, сколько будут оставаться неиспользованными ресурсы»⁷⁹. По сути дела, от Кейнса осталось лишь упрямство и*

нежелание отказываться от государственного интервенционизма, который является главным виновником массовой безработицы.

Причина необычайной привлекательности положений, выдвинутых Кейнсом, которые затем его учениками и последователями постепенно были трансформированы в кейнсианство, чтобы пройти курс реабилитации под названием «неокейнсианство», кроется в психологии. Иными словами, этот процесс отражает динамику интеллектуальной моды и идеологии, экономическое дополнение к философии интервенционизма и коллективизма, которая доминировала в XX веке. «Общая теория» стала чрезвычайно популярной благодаря практическим рекомендациям для политиков, которые следовали из нее. Извращения классической экономики также были приняты на ура, потому что на протяжении поколений никто не мог опровергнуть «догмы» приевшейся *dismal science*. Словесная обертка придавала критике вид реальной науки.

Но и на старуху бывает проруха. После 30 лет безраздельного царства кейнсианство начало сдавать позиции в академических кругах, но по-прежнему доминировало в политических. Политики как огня боялись двух вещей: депрессии и рецессии. Поэтому лекарство Кейнса в виде стимулирования потребления или обеспечения более высоких темпов роста госрасходов до сих пор не утратило своей привлекательности. Появился целый ряд работ, которые последовательно опровергали базовые положения как самого Кейнса, так и того течения, которое называется кейнсианством. Среди критиков Кейнса и кейнсианства отметим следующие работы: *T. W. Hutchison «Keynes Versus the Keynesians»*, *Axel Leijonhufvud «On Keynesian Economics and the Economics of Keynes»*, *Don. Patkinson «Keynes' Monetary Thought. A Study of its Development»*, *John Hicks «The Crisis of Keynesian Economics»*.

Mainstream-экономисты в большинстве случаев отказывались от интеллектуальных дискуссий на предмет основных теорем Кейнса. Экс-коммуникация сторонников австрийской школы, а также других направлений экономической мысли, критически настроенных по отношению к кейнсианству, была частью тактики руководителей академических и университетских кругов. Ненависть к тому, что в XIX веке называлось буржуазной этикой, к капитализму в целом предопределила отношение к тем экономистам, которые защищали эту систему.

Кейнсианское препятствие

Кейнс до сих пор остается влиятельной фигурой в академической и университетской среде. При этом среди неокейнсианцев идут жесткие споры относительно дальнейшего развития данного учения. Х. Мински и Т. Хатчinson считают, что кейнсианство сегодня нарушает «дух и существо работ Кейнса». При этом оба автора называют прямо противоположные причины этого. Так, Х. Мински считает неправильным растущее одобрение количественной теории денег, а Т. Хатчinson – что сам Кейнс утверждал, будто «лекарство классической школы» будет эффективным только при «эффективном спросе». По мнению Мински, акцептация количественной теории денег отбрасывает мир до времени публикации «Общей теории». Он по-прежнему уверен, что главное достижение Кейнса заключается в том, что он показал: в капиталистической экономике ничего нельзя сделать для противодействия депрессии.

Хатчисон утверждает, что в период между двумя мировыми войнами никто, кроме Кейнса, не представил достойной экономической альтернативы для мировой экономики и для Британии в частности. Действительно, предложения Кейнса были наиболее политически приемлемыми и легкими для реализации. В начале 30-х гг. даже противники Кейнса считали, что в кризисной ситуации рецепты Кейнса были оптимальными. Они предлагали «лечить» депрессию инфляцией. До публикации «Общей теории» Кейнс не называл свои рекомендации инфляционными. Он говорил о необходимости контроля расходов: «Болезнь надо лечить посредством немонетарных инструментов рыночной системы».

Сейчас многие неокейнсианцы, прикрываясь патроном, предлагают «лекарство», которое было популярно как раз до Кейнса. Догматичные кейнсианцы начали осторожно пересматривать свои взгляды только после того, как развитие событий в мировой экономике свело базовые положения кейнсианства к абсурду. Даже сам Кейнс отступил от своих догм, о чем свидетельствуют последняя глава «Общей теории» и последняя статья, опубликованная уже после его смерти.

Сегодня оставшиеся кейнсианцы и неокейнсианцы все еще пытаются найти различия между своими практическими рекомендациями и советами классических экономистов. К примеру, Мински утверждает, что «Общая теория» показала, что «уровень цен зависит не только и не в первую очередь от количества денег». Делая такое «открытие», автор подзабыл, что это и есть одна из аксиом количественной теории денег. До Кейнса было принято считать, что если спрос на деньги, предположим, остается неизменным, «уровень цен», разумеется, зависит от «количества денег». Если T и V – данные, рост M означает повышение P . При всей полезности уравнения $MV = PT$ нельзя отрицать того, что на потенциальную прибыль от инвестиций в деньги влияют многие факторы, т. е. спрос на деньги, следовательно, изменение в T и V .

Кейнсианские догмы подверглись такой ревизии, что многие *mainstream*-экономисты заговорили о том, что мы уже живем в посткейнсианскую эпоху. К примеру, Гарри Джонсон, как и многие бывшие кейнсианцы, признает, что изначальная оригинальность «Общей теории», которая заключается в тезисе о равновесии безработицы, не подтвердилась. Он не говорит, что Кейнса можно защитить и оправдать, а утверждает, что «его полемический инстинкт был, конечно, правильным, потому что неоклассический способ мышления тогда (в 1936 г.) был существенным препятствием для политики противодействия депрессии». Интересно, как можно было обвинять рецепты классической школы экономики в неэффективности, если их никто не опробовал?!

Высказывание Г. Джонсона означает, что классические рецепты, безусловно, могли вывести экономику из кризиса, но объяснить это электорату было бесполезно. Получается, что кейнсианцы просто считали, что заручиться поддержкой людей для реализации правильной, экономически оправданной политики было невозможно, поэтому они и предложили «революцию» экономической теории. Ее сутью было: а) признание инфляции как средства для ликвидации угрозы безработицы и рецессии (при этом намерение проводить инфляционную политику непременно скрыто от работающих, чтобы конфисковать часть их реальных доходов); б) признание необходимости проведения авторитарной политики доходов, установления разных

форм контроля над производством, потреблением и инвестированием, в том числе фиксирование ценовых потолков и минимумов, установление «приоритетных направлений» развития промышленности или сельского хозяйства (выделение «точек роста»).

До Кейнса лекарство против депрессии было простым. Считалось, что безработица (как краткосрочный феномен) и депрессия являются причинами сокращения разных форм дохода через сбой в координации ценовой системы. В свою очередь, сбой в координации объяснялся слишком высокими ставками зарплаты, в результате чего конечные цены устанавливались на уровне выше рыночного, т. е. слишком высокие по сравнению с доходом или не соответствующие ценовым ожиданиям. Профсоюзы были одними из основных институтов, которые настаивали на повышении зарплат и, в конечном итоге, цен.

До Кейнса считалось, что для противодействия депрессии надо избегать инфляции и тщательно выстраивать рыночные институты для реализации эффективной работы системы рыночного ценообразования и свободной адаптации цен к новым условиям. Неокейнсианцы не смогли предоставить новую аргументацию против докейнсианской теории. Трагедией экономической науки XX века было то, что Кейнс и его последователи отвлекли мир от развития реальной экономической науки, от выработки новых инструментов проведения экономической политики, в то время как серьезные институциональные изменения требовали развития существующих инструментов анализа. Поэтому У. Хатт называет увлечение академических и университетских кругов Кейнсом кейнсианским эпизодом. Кейнс подхватил тренд формулирования экономической теории к уже проводимой экономической политике правительства. Кейнс и его сторонники развили так называемую «операционную экономику», или экономику оперативного реагирования (*operational economics*).

Они придумали целый набор концепций и теоретических конструкций, которые были использованы для оправдания экономической политики только потому, что она была политически приемлемой. Правительства концентрировали свои усилия на сборе информации для наполнения национальных счетов, для координации и адаптации своего собственного поведения.

Появился устойчивый спрос на экономистов-технарей, удовлетворять который правительства призывали западные вузы. Экономисты-статистики, экономисты-математики стали нормой. Студентов перестали учить координирующей роли ценовой системы. Им внушали, что роль экономиста заключается в такой обработке собираемой информации, чтобы через различные инструменты контроля над расходами добиваться полной занятости. Их убеждали, что при свободном рынке полная занятость невозможна, что надо ликвидировать недостатки координации ценовых механизмов на рынке труда. Индикативное планирование в централизованной экономике бессмысленно. Кейнсианцы понимали это и пошли другим путем. При поддержке чиновников они внедрили свои идеи в академических и университетских кругах. Общественное мнение в этих кругах было агрессивно настроено против сторонников докейнсианской экономики.

У. Хатт пишет: «*В 50-х гг. большинство молодых людей, которые скептически относились к «новой экономике», исключали из академической жизни... Предполо-*

жить, что Кейнс был неправ, было то же самое, что поставить под сомнение выводы Эйнштейна или Бора. Экономисты старшего поколения могли выразить свои сомнения без серьезной потери престижа, но любое проявление неудовлетворения со стороны молодых людей было свидетельством интеллектуальной ограниченности»⁸⁰.

Небольшая группа классических экономистов защищала свои позиции, но, используя кейнсианскую терминологию, загнала себя в угол. Большинство преподавателей экономики забыли или не знали, чему учила экономика до Кейнса. Молодому человеку надо было быть действительно проницательным и смелым, чтобы поставить под сомнение Кейнса. Математизация экономики стала универсальным явлением. Студентам приходится посвящать больше времени изучению математики, чем собственно экономическим проблемам. Акцент на макроэкономике привел к тому, что студенты и преподаватели потеряли из виду главного актора экономического процесса – человека. Внимание студентов сосредоточено на графиках и моделях, а не на проблеме редкости и координирующей роли ценовой системы. Кейнсианцы обвиняли сторонников классической школы в том, что те отрицают Кейнса из-за своих корпоративных интересов, что не желают постигать новые идеи.

Кейнсианство как идеологическая и научная диверсия против переходных стран

После распада Советского Союза кейнсианцы, доминирующие во всех международных организациях, которые в той или иной степени занимаются экономикой, наперебой бросились предлагать модели для новых переходных экономик, используя всю мощь своего математического инструментария. У них под руками были десятки моделей вывода стран из депрессии и создания полной занятости. Не осознавая, что социалистические экономики есть результат реализации аналогичных моделей, они «продавали» политикам то, что дает сильные сбои в их собственных странах, с гораздо более зрелым институтом частной собственности, более эффективной судебно-правовой системой и, несомненно, более приближенной к естественной структуре производства.

Прогрессивным, современным и модным было изучение *economics, micro and macroeconomics*. Эконометрика стала составной частью курса по экономике. Кейнсианцы быстро и эффективно установили монополию в слабой, промарксистской экономической науке переходных стран. Гранты Всемирного банка на обучение самых способных студентов за рубежом, курсы и конференции МВФ, образовательные программы, финансируемые правительствами западных стран и фондов, деньги на перевод *mainstream*-учебников – все это было направлено на индоктринацию лучших студентов переходных стран и превращение их в авторитетных кейнсианских миссионеров, которые якобы знали, как Запад стал богатым, как регулировать экономику, чтобы обеспечить «догоняющее развитие» или «устойчивое развитие». Эти люди имели высокие зарплаты, доступ к грантам, возможность научных публикаций. Так престиж профессии «экономист» в переходных странах был прочно привязан к способности постигать кейнсианство и оперировать математическими формулами.

Разумеется, учителя молодых экономистов из бедных стран были весьма критичны к реальным альтернативам кейнсианству (хотя бы классикам и австрийцам). Подготовив «экономических священников» в рамках кейнсианской религии, Запад создал фундамент для формирования бюрократических, олигархических государств. Одна рука Запада – политики – проповедовали демократию, права человека и индивидуальные свободы. Другая рука – экономисты – несли государственное регулирование, активную с/х и промышленную политику, выделение точек роста и стимулирование полной занятости. Чтобы еще больше запутать пытливые умы из бедных стран, процесс проходил под знаменем либеральных рыночных реформ и лозунгом социальной справедливости.

Переводные учебники «Экономикс» прочно вошли в университетский обиход. Кейнсианство, которое полностью дискредитировало себя как научная теория для объяснения экономических явлений и выработки практических рекомендаций, в переходных странах (особенно на уровне академий наук, признанных в советские времена научных экономических центров) было принято в качестве современной, прогрессивной теории. Грабли, на которые западный мир наступил более 60 лет назад, оказались весьма опасным инструментом и для едва научившихся ходить молодых экономик. Так постсоциалистические страны погрузились в кейнсианское интеллектуальное болото, которое с навечно вбитыми в мозги идеологемами Маркса дало опаснейшую гремучую смесь. В академических и университетских кругах переходных стран места для реальной капиталистической альтернативы практически не осталось.

Политики в переходных странах под интеллектуальное уплюканье западных представителей *mainstream*, уверовали, что именно государство сделало Запад богатым. Именно оно, всемогущее, всевидящее и всезнающее, должно заправлять инвестициями, потреблением, производством и сбережением. За такую идеологию якобы капитализма с удовольствием готовы были платить не только международные фонды, но и местные олигархи, а также работающая в рамках своих институтов международная организованная преступность.

Чему учили экономистов до Кейнса

В период после первой мировой войны и до публикации «Общей теории» экономисты не считали безработицу проблемой или интересной исследовательской темой. Рано или поздно рабочие находили работу, если, конечно, хотели. Политики же начинали спекулировать безработицей во время предвыборных кампаний. Теме безработицы не было посвящено ни одной серьезной теоретической работы. Книга *W. Beveridge «Unemployment: a Problem of Industry»*, написанная в 1908 г., была сплошной эмпирикой, а не разработкой теоретической концепции. После первой мировой войны развитие системы пособий по безработице сделало весьма привлекательным статус безработного. В то же время эти люди были избирателями, что резко увеличило их политическое значение. Экономисты того времени объясняли безработицу неправильной ценовой политикой на рынке труда, а не неадекватным спросом. Экономисты рассуждали о том, как использовать все общественные ресурсы. При этом закон рынков, или закон Сэя был непрекаемой аксиомой.

У. Хатт считает, что главной ошибкой Кейнса и его последователей было именно игнорирование закона Сэя. Если государство не вмешивается в работу рынков, то рациональная адаптация предпринимателей, инвесторов к падению спроса (дохода) приводит к временной потере работы для некоторых участников рабочей силы, но такой дисбаланс быстро выравнивается под воздействием именно рыночных стимулов. Менеджеры стремятся сохранить как можно больше ценности в своих активах, что бы ни происходило со спросом, поэтому они адаптируют свое производство к новой ситуации на рынке. Мотив сокращения издержек и потеря в виде неиспользования ценных ресурсов (рабочей силы) приводит к быстрой ликвидации безработицы без инфляции. Единственным препятствием может быть государство, которое поощряет безработицу путем щедрых пособий и других льгот.

Так рассуждали экономисты до Кейнса. Именно такой подход рассматривался в экономических учебниках. В них не было описания инструментов монетарной и фискальной политики для обеспечения полной занятости. Докейнсианские экономисты сказали бы, что хорошая монетарная система, как и хорошая транспортная система, имеет отношение к проблеме полного использования ресурсов – активов и людей. Они видели, что контроль правительства над монетарной системой может быть использован чиновниками и политиками в личных целях.

Надо отметить еще один важный аспект экономики до Кейнса. Это была проблема конфискации или потери (повреждения) собственности в результате забастовок. Считалось, что угроза срыва поставок сырья или компонентов производства может быть причиной замедления выхода из рецессии (по причине забастовок). Профсоюзы были мощной силой, которая уверенно разрушала рынок труда, превращая его в интервенционистскую вотчину.

Докейнсианские экономисты понимали, что при приобретении факторов производства предприниматели выравнивали цены на них с планируемыми ими будущими доходами от продажи своих товаров или услуг. Во время всеобщего пессимизма большое количество производственного потенциала не действовало по причине сопротивляемости к снижению цен. Это приводит к тому, что рабочим предлагаются зарплаты гораздо ниже, чем после преодоления рецессии. Кейнс обвинял классических экономистов в том, в чем они, собственно, не были виноваты. В первую очередь это касается монетарной теории. Кейнс считал классическую теорию денег неудовлетворительной и в своих работах *Tract on Monetary Reform* (1923), *Treatise on Money* (1930) и *General Theory* якобы представил новую теорию денег. Его критики, далекие от австрийской школы, отмечали, что если и есть у классиков большие достижения, то они относятся именно к денежной теории.

События, происходившие после первой мировой войны в течение более десяти лет, до Великой депрессии, создали благоприятную почву для работ Кейнса. Активная денежная политика правительства, отказ от классического золотого стандарта, искажения на рынке труда и в структуре доходов, вызванные действиями профсоюзов, привели к насыщению рыночных искажений. Защищенные отрасли экономики были бенефициарами, в то время как незащищенные вынуждены были платить за них. В результате манипуляций деньгами, правительство создало структурные дисбалансы, которые выражались как в безработице, так и в совершении серьезных инвестиционных ошибок.

Инфляция, которую все считали злом и ересью, с точки зрения выхода из кризиса, вдруг стала уважаемым инструментом, даже до публикации «Общей теории». Отказ Британии от золотого стандарта открыл дорогу инфляционистам. Ситуацию можно было бы спасти, если бы лорд Пасфилд заявил в Палате лордов то, что он говорил Сидни и Беатрис Уэбб о сущности профсоюзов (*«они свиньи, свиньи, свиньи»*). Он мог бы привести к отставке правительства, восстановлению золотого стандарта. Британия могла бы избежать сильной девальвации, которая затем последовала в других странах. Германия была бы гораздо более спокойно страной, и, возможно, Гитлер не пришел бы к власти.

Есть все основания предполагать, что если бы правительство смогло решить проблему профсоюзов, жестко следовало правилам рынка и не препятствовало установлению клиринговых цен в защищаемых отраслях (при которых рынок был бы сбалансированным), то это привело бы к следующим последствиям: а) росту спроса на факторы производства и готовую продукцию в незащищенных секторах экономики; б) трансферту рабочей силы от «старых» производств, из секторов с искаженной структурой в новые сектора и проекты; в) безработица была бы ликвидирована за счет быстрого создания рабочих мест новыми предприятиями.

Не монетарная политика привела Британию к кризису в 1931 г., а плохая экономическая политика в целом. Она была основана на мифе, что только акцептация угроз профсоюзов, проведение политики определения цен и регулирования факторов производства может защитить рабочих от эксплуатации. На практике получилось так, что любая организованная группа рабочих могла заставлять правительство создавать ей особые условия работы на рынке. Никто не изучал последствия фиксации цены на рабочую силу выше уровня рынка. Утверждалось лишь, что профсоюзы не должны заходить слишком далеко. Что такое «слишком далеко», ни один теоретик на практике объяснить не мог.

Если бы Кейнс понял, если бы он признал

Кейнс неоднократно с пренебрежением высказывался относительно невидимой руки рынка. Он не понял, что в условиях интервенционизма одной из общественных групп «невидимая рука» не может эффективно работать. Экономисты до Кейнса не смогли предложить механизмы, которые сняли бы давление в экономической системе и установили «оптимальное использование ресурсов». Как сказал Кейнс, проблема экономики до его открытий заключалась в том, что экономисты исходили из положений *laissez faire* и свободной конкуренции, в то время как общество быстро избавлялось от них.

Кейнс не видел, что именно отказ от политики *laissez faire* был корнем зла. Если бы он это понял, он бы сказал примерно следующее: *«Наша проблемы сегодня вызваны деградацией демократического политического процесса, который заставил дисижнмейкеров отказаться от своих базовых принципов. Мы, экономисты, развиваем эти принципы со временем Адама Смита. Но политики игнорировали их так долго, в таком большом количестве сфер, что политика строилась только на краткосрочном pragmatizme. Мы старались решить краткосрочные политические проблемы самыми простыми политическими способами, забывая и игнорируя долгосрочную перспективу. У нас сейчас два пути. Первый – мы можем быстро*

отменить все законы, ограничивающие доход и вносящие искажения на рынке труда. Тем самым мы быстро восстановим способность людей зарабатывать и богатеть. Во имя «социальной справедливости» были установлены цены на многие важные товары и услуги, факторы производства на уровне гораздо выше уровня рынка. Отмена этих ограничений не только позволит стране быстрее развиваться, но и восстановит социальную справедливость (если равенство возможностей – это принцип, который мы отстаиваем). Второй путь – если такие реформы политически невозможны, нам надо снизить стоимость наших денег. Мы должны скрывать наши истинные намерения, чтобы простые люди не догадались, что их реальный доход будет уменьшен. Мы должны предупредить избирателей, что мы приписываем «наркотик», к которому легко привыкаешь. Мы делаем это для того, чтобы предотвратить трагедию общества, которое уже сидит на игле. Снижение ценности наших денег позволит нам выиграть время. Мы должны использовать его для того, чтобы законодательно закрепить невозможность будущих попыток вмешательства в механизм рыночного клиринга. Мы признаем, что на протяжении многих лет развития промышленности забастовки были причиной бедности, что они делали бедных беднее, а богатых богаче. Наша задача – повернуть вспять этот тренд и создать равные условия работы и возможности для всех».

Интеллектуальный лидер заявил бы о непререкаемости закона Сэя, вместо того чтобы полностью его отрицать. Если бы Кейнс указал на организованные группы как на основной институт искажения координирующего действия рынка, то его самого прозвали бы чудаком. Так же поступала, к примеру, и Беатрис Уэбб. В своем дневнике она писала о том, что профсоюзы саботируют британскую промышленность, но на публике горячо отстаивала их права.

Одним из самых противоречивых моментов в работах Кейнса является его отношение к прибыли. С одной стороны, он признает докейнсианский мотив получения прибыли как важнейшую движущую силу предпринимателя. Он признает отношение к прибыли в качестве принципа аллокации ресурсов, т. е. распределения ресурсов среди множества людей в соответствии с миллиардами конкурирующих между собой и дополняющих друг друга желаний потребителей. Его высказывания в последней главе «Общей теории» ярко противоречат всему тому, о чем он говорил в предыдущих главах: *«Нет оснований считать, что существующая система серьезным образом искажает аллокацию факторов производства. Конечно, есть ошибки при планировании, но центральным планированием их нельзя избежать. Существующая система сломалась в определении объема, а не направления занятости. Преимущества децентрализации в достижении эффективности и преимущества личной ответственности даже больше, чем предполагалось в XIX веке. Реакция против индивидуального, личного интереса зашла слишком далеко. Но, главное, если индивидуализм можно очистить от его дефектов и злоупотреблений, то мы получим лучшую систему защиты личной свободы. В этом смысле по сравнению с любой другой системой она резко расширяет возможности осуществления личного выбора. Такая система является и лучшей защитой для сохранения разнообразия жизни, которое, в свою очередь, является следствием реализации индивидуального выбора человека. Его потеря – самая большая потеря гомогенного, тоталитарного государства»*. Кейнс не поясняет, какие злоупотребления индивидуализма

он имеет в виду. Докейнсианские экономисты считали аксиоматичным утверждение, что избегать бумов есть лучший способ избавления от депрессии. Они были согласны с тем, что бум является следствием проводимой до этого мягкой денежной политики, что дешевые деньги – единственная причина последующей корректировки в виде дефляции.

Самая большая слабость докейнсианских экономистов заключалась в том, что они не делали акцента на следующем факте. Восстановление объема выпуска, следовательно, восстановление источника спроса в результате привлечения доходов, позволило бы получить неинфляционное увеличение номинального денежного предложения. Если изначально в экономике было много незадействованных мощностей, то реальная стоимость денег увеличится, по мере того как будут использованы данные мощности и будут продаваться товары или услуги по рыночным, клиринговым ценам.

Кейнс и его сторонники считали, очевидно, что установление цен, при которых рынок очищается от завалов перепроизводства, упразднение административных барьеров является политически невозможным. Кейнс был уверен, что дефектами рыночных механизмов являются вредные преференции (слишком высокая оценка будущего потребления по сравнению с потреблением в близком будущем) и вредная пропорция (соотношение), т.е. ставка процента, которая образуется из-за этих предпочтений и которая приводит к потере ценности активов. Попытки корректировки этих двух недостатков вылились в разработку большого количества инструментов и механизмов манипуляции на денежном рынке. До Кейнса при данной золотого стандарта экономисты считали, что избежать депрессии можно, только не допуская инфляции (потому что затем надо будет прибегать к дефляционным мерам), а при образовании свободных производственных мощностей: а) признать и поощрять мотивацию работодателей и рабочих к восстановлению занятости путем адаптации зарплат и цен на другие факторы производства до уровня рынка; б) либерализовать цены, понимая, что цена занятости и товара, производимого одним человеком, является источником спроса на товары и источником занятости другого. Политически такие меры предпринять было сложно. Кейнс понимал это и поэтому предложил более легкое, по его мнению, решение: централизовать контроль над расходованием номинально увеличенной денежной массы.

Вера в сказку о добропорядочном бюрократе

Как показал опыт экономических реформ за последние 60 лет, данное решение является времененным и ошибочным. Для полноценного выздоровления необходимо полное восстановление прав собственности, чтобы решения принимали те, кто имеет мотивацию действовать ответственно. Кейнс считал, что его предшественники не предполагали, а считали неоспоримым тот факт, что экономическая система имеет встроенный механизм самокорректировки.

Действительно, классики считали, все изменения, большие или малые, целей или средств, требуют бесконечных, широко распространенных и сознательных предпринимательских действий по координации своего поведения. В конечном итоге они выливаются в адаптацию цены. Для хорошей администрации системы, обеспечения эффективности и стабильности необходима децентрализация системы принятия

тия экономических решений. Именно такая система может, насколько это вообще возможно, нейтрализовать риски неопределенности как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе. К примеру, докейнсианец Филипп Викстед считал, что ключевая роль предпринимателя заключается как раз в управлении бизнесом, т. е. в принятии сознательных решений, направленных на обработку фактов, меняющих цели или средства для их достижения. Причем они носят сугубо индивидуальный характер.

Человек, работающий в рамках конкретного бизнес-плана, имеет гораздо больше знаний и информации о том, как этот план будет осуществляться. Именно он с его конкретным индивидуальным представлением о предельной полезности разных факторов производства в разное время может принимать ответственные решения и сокращать риски неопределенности. Один из больших недостатков Кейнса и его последователей заключается в том, что они: а) игнорировали ключевое значение знания предпринимателями деталей своих экономических планов; б) поддерживали такую экономическую политику, которая разворачивала дисижнмейкеров и не заставляла их принимать ответственные решения в свете известной информации. Иными словами, кейнсианцы были более склонны прощать инвестиционные ошибки нерадивым бизнесменам и заставлять платить за них всех налогоплательщиков и потребителей.

Кейнсианцы, как и другие «левые», просто перенесли атрибуты индивидуального действия «целенаправленный», «сознательный» на действие правительства. При этом они предполагали, что чиновники будут такими же ответственными, как и предприниматели. Как показали не только австрийцы, но и сторонники школы *public choice*, данное предположение было еще одним опасным заблуждением.

Развитие экономической истории мира показало, что мотивация чиновника принципиально отличается от мотивации предпринимателя, который управляет своими ресурсами. В демократической системе чиновники и политики зависят от избирателя, но детальная, подробная информация для координации процесса аллокации ресурсов им недоступна. Кейнс отвергает *laissez faire* по причине его догматичности. Но систему свободного рынка можно обвинять в чем угодно, только не в догматичности. Ключевые решения на рынке принимаются в свете подробной и общей информации. Сознательные, целенаправленные действия и предсказания можно назвать ответственными, если только они вознаграждаются за разумность и удачу и наказываются за отсутствие рационализма и удачи.

Прибыль является доказательством эффективности социальных услуг. Предпринимательские действия успешны только в том случае, если их одобряет потребитель, действующий в условиях свободного выбора. Главная благодетель системы прав собственности в системе разделения труда, в которой стороны вступают в договорные отношения, заключается в том, что она служит рамками закона и институтов, которые не должны полагаться на предположение, что дисижнмейкеры действуют альтруистически. Традиционной слабостью экономистов было их мнение, будто с переносом места принятия решения от предпринимателя к правительству, которое якобы контролируют избиратели, эгоизм будет заменен альтруизмом (конечно, не в рэндовском смысле этих слов).

В реальной жизни события развивались с точностью до наоборот. В связи с этим можно проанализировать докейнсианско положение классической школы экономики о «самоадаптации» системы рынка, ее автоматизме. Во-первых, такое предположение основано не на гибкости денежных вознаграждений. Оно основано на том тезисе, что если бы такая гибкость зарплаты была достигнута, то система работала бы лучше, и массовые увольнения рабочих случались бы реже. Случай массовой безработицы, которые иногда возникают, можно объяснить в том числе нерыночно высоким вознаграждением, которое не может быть оправдано существующим объемом продаж и дохода.

Обвинить классиков, извратив их

Во второй главе «Общей теории» Кейнс еще раз несправедливо заклеймил классических экономистов. Он пишет, что большинство экономических трактатов «*в первую очередь было посвящено распределению данного объема ресурсов по разным формам их использования*». Как известно, классическая экономика имеет дело не просто с распределением. Она занимается тем, что исследует: 1) причины того, что ресурсы имеют ценность и поэтому используются в процессе производства; 2) факторы, определяющие степень использования ценных ресурсов; 3) причины, которые определяют сбережения, т. е. накопление ресурсов, и обеспечивают поток дохода.

Среди предметов изучения классической экономики нет «данного объема» занятости или предложений об условиях, необходимых для полной занятости. Рикардо, на которого ссылается Кейнс, дает однозначно понять, что закона, который определял бы «*количество богатства*», не существует.

До Кейнса экономисты изучали закономерности отношений между институциональным развитием и феноменом редкости. Их интересовали монополии, ценовые адаптации и ригидности, флуктуации дохода и т. д. Главный вывод классических экономистов заключается в том, что в существовавшей системе экономической организации причиной безработицы, неопределенности, отсутствия координации и безопасности для экономической деятельности является отсутствие ценовой гибкости при снижении цен. Кейнс и его последователи сконцентрировали внимание на использовании монетарных инструментов государством для контроля «эффективного спроса» с целью обеспечения занятости, а не сохранения ценности денежной единицы. Сегодня студентов учат, что до Кейнса экономисты считали мир системой идеальной конкуренции и полной занятости. Их учат, что при ломке институтов не стоит беспокоиться и суетиться. Для достижения полной занятости, обеспечения эффективного спроса можно пожертвовать всем.

В 18-й главе «Общей теории» Кейнс делает абсолютно нереальные предположения. Это подтверждается эмпирическими данными во всех странах, в каждый из временных периодов. Кейнс говорит: «*Это не значит, что мы считаем эти факторы постоянными. Мы полагаем лишь то, что в данном месте и в данном контексте мы не принимаем во внимание и не рассматриваем последствия их изменения*». Но «в этом месте и данном контексте» распространяется на всю «Общую теорию». Модели Кейнса статичны и механистичны. Вкрашивание реальной жизни фрагментарно и непоследовательно. Поэтому их использование для описания, тем более для прогнозирования развития экономики практически невозможно.

Особые проблемы возникают в переходной экономике, которая характеризуется большей неопределенностью, отсутствием истинных ценовых сигналов и других факторов, которые позволяли бы принять адекватное экономическое решение. Инициируя эпоху активной монетарной и фискальной политики, оправдывая свои теории моральными лозунгами защиты слабых, Кейнс способствовал построению системы (что прекрасно показал Дж. Бьюкенен), в которой централизация власти делает бенефициарами политически сильные группы за счет самых бедных.

Экономические последствия кейнсианства

Последствие первое. Госрасходы

Главный элемент экономической политики по Кейнсу – активная фискальная политика, допущение дефицита бюджета во имя снижения массовой безработицы. Стимулирование совокупного спроса через государственные программы – типичный инструмент подавляющего большинства современных экономик мира, начиная от ЕС и заканчивая США. Такой подход неокейнсианцы теоретически не опровергают. Максимум, на что они согласны, это на установление предела дефицита бюджета (как в зоне евро – 3%), но жесткое выполнение данной нормы практически невозможно, потому что отсутствуют реальные механизмы наказания правительства, т. е. бюрократов и политиков.

Самый популярный способ добиться дефицита бюджета – увеличить госрасходы, а не сократить налоги. По мнению кейнсианцев, при госрасходах бюджетный мультипликатор больше, чем при сокращении налогов, и вроде бы должен иметь больший стимулирующий эффект. Увеличение госрасходов считается панацеей, эффективным средством поглощения вроде бы излишних и поэтому вредных сбережений. Полная занятость позволяет людям получать выгоду от дополнительного выпуска товаров и услуг. То, что правительство использует сбережения населения, не приносит никаких издержек, потому что без государства, по мнению кейнсианцев, эти сбережения вообще не появились бы.

По логике кейнсианцев, у правительства всегда есть возможность обеспечить себя и своих клиентов бесплатными обедами. Более того, кейнсианцы считают, что не имей правительства бесплатных обедов, производители были бы не в состоянии производить больше товаров. Кейнсианство – это в основном потребительство (*consumptionism*). Ни одна другая теория не утверждает, что паразитизм является источником реального обогащения его жертв. Как говорит Дж. Райсман, кейнсианство – это философия, утверждающая, что «*строительство пирамид, землетрясения и даже войны могут служить источником роста богатства*»⁸¹. Согласно этой логике, плохих государственных программ просто не существует: государственное строительство жилья, транспорт, государственное образование, социализация медицины – все эти программы, конечно, приносят выгоду некоторым людям на протяжении ограниченного промежутка времени.

Большинство идеологов белорусской экономической модели основано именно на кейнсианстве и на марксизме, независимо от того, осознают полисимейкеры источник своих идей, мыслей и предложений или нет.

Последствие второе. Рост государства

Неизбежным последствием повсеместной адаптации философии кейнсианства является резкий рост размера и значения государства. Дж. Миль еще в XIX веке предупреждал: «*Что касается потребления отдельных людей, то нам не стоит на него обращать особого внимания. Мы с большой долей уверенности можем доверять человеку и его желанию сберегать, а не транжирировать деньги. Когда же такой совет предлагается правительству, ситуация радикальным образом меняется. В этой ситуации правительство больше склонно потреблять, чем сберегать...*»

Дж. Миль предвидел опасность резкого роста госрасходов. Даже в США с 1929 г. до конца XX века госрасходы увеличились с 11% национального дохода до примерно 35%. Это означает пропорциональное сокращение свободы человека на самостоятельное использование своего дохода. Это и есть пример статизации института частной собственности. Государство начало вмешиваться практически в каждый аспект жизни человека. Помимо чисто экономического вреда, кейнсианство через такое поведение сделало общество аморальным, разрушило институт семьи и воспитало целые поколения паразитов, живущих только за счет других и считающих, что это одно из их фундаментальных прав человека. Расширение концепции «права человека», выдвижение других модных лозунгов для того, чтобы скрыть суть кейнсианской политики вывода из депрессии и рецессии, обеспечить полную занятость, является следствием активных попыток неокейнсианцев в очередной раз адаптировать религию своего патрона к реальной жизни.

Последствие третье. Дефицит бюджета, инфляция и дефляция

Еще один теоретический вывод кейнсианства разрушил многие экономики мира. Бюджетная экспансия должна сопровождаться монетарной экспансией, т. е. допечатыванием денег. Поскольку деньги (кредит) должны быть доступными, то их цена (процентная ставка) должна регулироваться государством, по крайней мере для инвестирования в «приоритетные», с точки зрения правительства, проекты. Без этого правительство может просто обанкротиться, поскольку на обслуживание долга надо будет тратить все больше и больше налоговых поступлений. В свою очередь, это снизит возможности реального сектора производить товары и конкурировать как на внутреннем, так и на внешнем рынках. В этом плане особенно уязвимыми являются малые открытые экономики, которые сильно ориентированы на внешние рынки. К ним относится Беларусь, Литва, Дания, Голландия и десятки других стран мира.

По мере накопления долгов и интенсификации проблем с их обслуживанием правительство будет менее надежным заемщиком. В результате цена кредита также увеличится. Это прямой путь к дефолту. Если однажды утром бухгалтер Минфина или Казначейства придет к начальнику и скажет, что денег на оплату долгов нет, тот должен понимать, что виноваты в этом не предприниматели, которые не ходят давать взаймы государству, а само государство. Но установление таких реальных причинно-следственных связей большинству чиновников недоступно.

В условиях, когда правительство не может создавать деньги, мягкая фискальная политика приводит к финансовому кризису и спаду экономической активности. С наступлением такого спада политика дефицита бюджета имеет дефляционный характер. Именно так работает экономика при золотом стандарте. В этом монетарном режиме политика дефицита бюджета приводит к сокращению предложения золота, которое находится в обращении в стране. Это происходит потому, что, подрывая способность страны к аккумуляции капитала, дефицит бюджета приводит к сокращению доли страны в мировой торговле и, следовательно, своей доли золота в совокупном мировом объеме. Более того, неопределенности, связанные с бюджетной политикой правительства, и угроза его банкротства приводят к тому, что люди начинают копить золото, вместо того чтобы инвестировать его в производство. Если в стране государственный долг является активами, под которые государство допечатывает деньги, то монетарная система страны в целом сталкивается с еще большей угрозой. Любая опасность банкротства правительства означает угрозу банкротства банков, которые имеют государственные ценные бумаги. Таким образом, при классическом золотом стандарте политика бюджетного дефицита не может достигнуть цели, поставленной кейнсианцами. Она скорее приведет к прямо противоположному результату.

Кейнсианцы не признают, что существуют условия, при которых дефицит бюджета будет иметь дефляционные последствия, но при золотом стандарте они признают существование таких условий. Именно поэтому кейнсианцы все до одного резко выступают против золотого стандарта и высмеивают его. Они знают, что при увеличении дефицита бюджета и, соответственно, росте госрасходов его надо финансировать за счет увеличения количества денег. Значит, правительство должно иметь возможность делать это. Золотой стандарт лишает кейнсианцев такого права, поскольку увязывает увеличение количества денег с увеличением запасов золота. Кейнсианский тезис о проведении политики дефицита бюджета – это имплицитный тезис о поощрении инфляции. Кейнсианцы даже открыто признают инфляцию, призываю к увеличению кредита, если только им удастся сократить ставку процента. По их мнению, предельный минимальный уровень составляет 2%.

История XX века, и даже сравнительно небольшой опыт современной Беларуси, доказала, что право создания денег правительством – это прямой путь к инфляции, к конфискации активов, в первую очередь малообеспеченных, необразованных слоев населения, которые не знают экономики и продолжают доверять правительству.

Таким образом, кейнсианство вымостило дорогу в монетарный ад сотням миллионов людей во всем мире. Придание инфляции научообразности и валидности в качестве инструмента выхода из депрессии привело к тому, что чиновники почувствовали себя богами, создающими богатство из ничего. Помимо чисто экономического вреда, людям был нанесен огромный моральный ущерб: человек работает, сберегает, инвестирует, строит планы на будущее, укрепляет доверие к себе как к экономическому агенту. А тут правительство, нагло заявляя о необходимости обеспечения полной занятости и использования всего потенциала экономики, приводит к обеспечению бумажных денег. За труд и успешное инвестирование ресурсов человек получает наказание в виде конфискации. Должники же, дебиторы радуются вознаграждению за инвестиционные ошибки.

Последствие четвертое. Экономическая разруха через структурные искажения

Инфляция оказывает крайне негативное воздействие на экономику. Активная работа денежного печатного станка приводит к росту цен и безработицы среди тех, чей доход фиксирован в национальной валюте. Инфляция приводит к перераспределению богатства от кредиторов (т. е. людей, которые сберегали, рационально вели хозяйство и удачно инвестировали) к заемщикам, от тех, кто получает новые деньги относительно позже тех, кто получает их в первую очередь. Еще ни в одной стране мира пенсионеры, многодетные семьи первыми не получали новые деньги. В стране подыгрывается возможность создавать капитал, следовательно, повышать производительность труда и реальную зарплату. При увлечении дефицитом бюджета и инфляцией происходит разрушение капитала и падение производительности труда, падение уровня реальной зарплаты. И это показала практика переходных стран.

Враждебное отношение Кейнса и его последователей к бережению привело к огромным экономическим разрушениям. Под воздействием идеологии антисбережения триллионы долларов были потрачены на государственные программы – были куплены государственные облигации, построены дороги, идущие в никуда, созданы производства, товары и услуги которых не покупают потребители. Конфискационное прогрессивное налогообложение привело к тому, что наиболее производительные люди либо уехали из страны, либо перевели часть дохода в теневой сектор, либо просто начали хуже работать.

Еще более страшные последствия имеет налог на прибыль юридических лиц, активно поддерживаемый кейнсианцами. Сокращая его, компании искусственно завышают издержки, покупают активы, чтобы только не платить высокие налоги. Чтобы умело манипулировать сложным налоговым законодательством, они нанимают целую армию аудиторов, консультантов.

Налоги на наследство – еще одна иезуитская форма конфискации имущества и деморализации института семьи. В результате реализации кейнсианской политики не появились новые фабрики, дороги, новые технологии, эффективные лекарства, мощные электростанции в тех местах и такого масштаба, который был бы определен реально существующим спросом.

Огромное количество активов было бы создано, если бы правительство не проводило политику антисбережения. Еще одно последствие инфляционной политики кейнсианства – сокращение реальной доходности капитала и создание условий, при которых люди вынуждены откладывать деньги в чулок, но в виде физических активов, которые с течением времени наименее теряют стоимость. Таким образом, если правительство занимается насилием над своими собственными деньгами, люди находят выход, покупая твердую валюту, произведения искусства, недвижимость и т. д. Поскольку координировать государственные программы с реальным спросом практически невозможно, государство приходит к сильным структурным искажениям (много никому не нужных станков, производств и оборудования), за которыми неизбежно следует депрессия.

При попадании в такую сложную ситуацию кейнсианцы советуют установить ценовой контроль, заморозить зарплату, установить ограничения на рынке валюты,

оградиться от импорта и т. д. Это прямая дорога к экономическому хаосу, что прекрасно продемонстрировали страны ЦВЕ, а также Мексика, Аргентина, Южная Корея и даже Япония.

Кейнсианство является прямой угрозой правам собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как показала история, оно не является спасением от депрессий и безработицы. Кейнсианство – это идеология и теория, закладывающая бомбу замедленного действия под рынок труда любой страны. Это религия, в которой главным грехом является индивидуализм, основанный на самостоятельном принятии решений и ответственности за них.

Кейнс симпатизирует коммунизму, Кругман несет идеи Кейнса в массы XXI века

Кейнс не позиционировал себя как социалист, потому что это лишило бы его возможности быстро стать британским отцом своей новой экономической религии. Описывая жизнь и деятельность Кейнса, Роберт Скидельски забыл упомянуть мнение своего героя о Сталине. Кейнсу было выгодно считаться продолжателем либеральных традиций Дж. Локка, Т. Джефферсона или А. Токвилля. Его последователи считали, что он хотел лишь усовершенствовать существующую либеральную систему. Но если это так, как же объяснить оправдание Кейнсом, правда, с некоторыми оговорками, социальных экспериментов, происходивших в то время в Италии, Германии и России? И как же объяснить суть его введения к немецкому изданию «Общей теории», в котором он написал, что его подход к экономической политике больше годится для тоталитарного государства, такого, каким управляли нацисты?

В радиоинтервью BBC в июне 1936 г. (серия *Books and Authors, volume 28 из Collected Writings*, стр. 333-34) Кейнс детально анализировал книгу известных британских коммунистов Сидни и Беатрис Уэбб *Soviet Communism* (первое издание имело подзаголовок *A New Civilisation?*, в последующих изданиях знак вопроса убрали). По мнению Б. Уэбб, они влюбились в советский коммунизм. В ходе трехнедельного визита в СССР к ним относились, как к королевским особам. Их снабдили массой статистики. Уэббы были ярыми сторонниками социализма, и можно было бы ожидать, что Кейнс, будучи либералом, подвергнет резкой критике их книги. Но вместо оценок, которых можно было ожидать от либерала, пусть даже с левым уклоном, Кейнс написал, что «Советский коммунизм» – это книга, «от прочтения которой будет польза каждому гражданину. До недавнего времени Россия двигалась слишком быстро, и расстояние между бумажными и реальными достижениями было слишком большим для качественной оценки. Но сейчас новая система выкриктилизовалась достаточно полно, и ее можно проанализировать. Результат запечатывает. Русские инноваторы прошли не только революционную стадию, но и доктринальную. От Маркса или марксизма осталось мало или ничего. Они сейчас занимаются выполнением огромной административной задачи. На огромной территории, составляющей шестую часть суши, успешно работают совершенно новые экономические и социальные институты. Методы быстро меняются в ответ на приобретаемый опыт. Эмпирицизм самого большого масштаба, который когда-либо предпринимался незаинтересованными администраторами (*disinterested administrators*), работает... У меня есть уверенность, что мы в нашей стране можем открыть способ сочетания безграничной готовности к экспери-

ментам с изменениями политических и экономических методов и институтов, но при сохранении традиционализма и консерватизма, если так можно выражаться»⁸².

Почему в качестве источника информации о Советском Союзе Кейнс выбрал именно семейство индоктринированных Уэббов? В то время известные англичане Е. Лионз, У. Г. Чемберлен, М. Маггеридж уже писали о зверствах и ужасах, которые творили в СССР «незаинтересованные администраторы» (*disinterested administrators*). Такая поддержка Кейнсом Уэббов свидетельствует о глубокой ненависти Кейнса к мотиву получения прибыли и зарабатыванию денег. Кстати, сам он не чурался этой «грязной» деятельности и жил в роскоши.

Кейнс и многие британские бунтари смотрели на Советский Союз как на систему, которая морально и духовно выше Запада. Они верили в «коммунистическое сознание». Анализируя работу Уэббов, Кейнс показал свою полную профессиональную несостоятельность. Он в принципе не видел в плановой экономике проблемы экономического расчета, которую экономисты активно обсуждали с 1920 г., после публикации известной книги Л. Мизеса «Социализм». Он не видел проблемы убытков и администрирования, которая была очевидна для австрийцев. Поддерживая британских коммунистов, он действительно сам стал если не «красным», то уж точно «розовым». Если человек дает такие характеристики Советскому Союзу, идеям Уэббов и других социалистов, то его никак нельзя назвать либералом.

Возьмем пример современного кейнсианца, который далеко не всегда таковым себя признает. С точки зрения профессора Принстонского университета П. Кругмана, подъем американской экономики с 1993 г. был обеспечен за счет того, что Б. Клинтон повысил налоги и запустил механизмы государственного инвестирования и потребления. По мнению Кругмана, рост налогов позволил сбалансировать бюджет, что магическим образом привело к созданию новой экономики. Тот факт, что бюджет был сбалансирован Клинтоном только в конце его президентства и за счет чрезмерно мягкой монетарной политики, Кругман игнорирует.

Как большинство сторонников социалистической теории, П. Кругман считает, что государство всесильно, что при помощи манипуляций деньгами оно может избавить нас от «маленькой» проблемы, которая в экономике называется редкостью. Вслед за Кейнсом он использует термин «ловушки ликвидности» (*liquidity trap*) для описания ситуации в Японии. При этом он не делает акцента на основной проблеме этой страны – неспособности правительства Японии разрешить ликвидацию огромных финансовых и структурных завалов, которые образовались в процессе длительных плохих инвестиций (*malinvestment*). Япония на протяжении десятилетий проводила политику финансового стимулирования через дорогие государственные инвестиционные проекты. В результате сегодня перед страной стоят огромные проблемы: высокий государственный долг, растущая безработица и неопределенность экономического будущего.

Другие идеи Кейнса также глубоко проникли в работы Кругмана: снижение налогов необходимо для стимулирования агрегатного спроса. Если же состоятельные граждане, которые склонны сберегать больше, не тратят здесь и сейчас, то они наносят вред экономике, и их надо обложить прогрессивными налогами. Для Кругмана, яркого и авторитетного представителя современного кейнсианства, любое понижение налогов означает сокращение совокупного спроса со стороны богатых

граждан, которые «по справедливости» делятся заработанным ими капиталом. Кейнсианские экономисты, сегодня даже не называя себя так, превратили экономику в шахматную доску агрегатных показателей и статистики. Для них деньги не что иное, как количественная переменная, которую нужно обязательно облачить в массу математических формул. Без понимания природы денег как актива, отделяя деньги от человека, нельзя определить причинно-следственные связи в экономике в целом. Но Кейнс и Кругман совершенно свободно обходятся без предельной полезности в теории денег. Деньги для них – это просто M из раскрученного в курсе *Economics* уравнения $MV = PY$.

Как традиционные, так и современные кейнсианцы выстроили теорию в поддержку протекционизма. Они считают, что торгуют не люди, а нации или национальные государства (*nation states*). Даже опускаясь до уровня микроэкономики, Кругман делает допущения, за которые прилежным студентам, изучавшим теорию предельной полезности, ставили двойки. Они знают, что межличностное сравнение предельной полезности невозможно. Идеи «потребительского избытка» или «потери благосостояния» люди типа Кругмана могут представить графически, но они не имеют ничего общего с действительностью. Кругман также выступает против снижения налогов, считая, что они принесут пользу в первую очередь богатым. При этом он нигде не говорит о том, что уже неоднократно было подтверждено историей. Даже незначительное снижение предельных ставок налогов приводит к значительному росту налоговых поступлений, потому что большую часть налогов платят богатые. Кругман не оперирует фактами и не делает всестороннего анализа.

П. Кругман является последовательным учеником Кейнса и его школы. Его главный вывод заключается в том, что если возникают экономические проблемы, надо расширять государство и его присутствие в экономике. Если эти меры не помогают, значит, надо расширить его еще больше. К сожалению, П. Кругман также считается либералом, прогрессивным экономистом, которого поддерживают как университеты типа Гарварда, так и организации типа ООН.

Исходя их популярности кейнсианства, можно с сожалением констатировать, что кейнсианство как экономическая религия еще долго будет генерировать своих апостолов и святых, блокировать реальные альтернативы, подвергать ревизии «библию» отца-основателя – «Общую теорию». Причина популярности кейнсианской религии проста. Вера людей в сказки безгранична. Со времен утописта Томаса Мора мало что изменилось. Люди хотят верить в чудо: быстрое обогащение без труда, бесплатные ресурсы, благородство души чиновника новой эпохи.

Депрессии, рецессии, опасные конфликты и войны будут возникать постоянно и гораздо чаще, если экономисты современности, в том числе экономисты Беларуси, не перестанут превращать эту опасную сказку в быль. Еще один известный кейнсианин, П. Самуэльсон, писал: «*До тех пор, пока я пишу учебники по экономике для государства, мне все равно, кто пишет его законы или составляет для него договора*».

Будущее Беларуси в большой степени зависит от того, какой экономике будут учить в нашей стране, как быстро академические и университетские элиты поймут всю губительность реализации на практике кейнсианских догм. Пора отказаться от экономической религии и мистицизма. Пора вернуться к здравому смыслу и науке.

Примечания

1. *Anti-Liberalism 2000: The Rise of New Millennium Collectivism (Occasional Paper, 115) (Paperback)*.
2. «Конец истории и последний человек. Ф. Фукуяма, «Издательство АСТ», 2004 г.
3. *Economist, January 27- February 2, 2007.*
4. *Anti-Liberalism 2000: The Rise of New Millennium Collectivism (Occasional Paper, 115) (Paperback)*.
5. www.oecd.org
6. *Anti-Liberalism 2000: The Rise of New Millennium Collectivism (Occasional Paper, 115) (Paperback)*.
7. *Richard A. Epstein Simple Rules for a Complex World Harvard edition 378 p.*
8. *Anti-Liberalism 2000: The Rise of New Millennium Collectivism (Occasional Paper, 115) (Paperback)*.
9. www.oecd.org
10. www.fi.com
11. www.worldbank.org
12. www.un.org
13. <http://www.tasman.com.au/institute.htm>
14. Steven E. Landsburg. *Armchair Economist: Economics And Everyday Experience*.
15. Steven E. Landsburg. *Armchair Economist: Economics And Everyday Experience*.
16. <http://www.tasman.com.au/institute.htm>
17. Дж. Саймон. Неисчерпаемый ресурс. 2005 Издательство «Социум».
18. Дж. Саймон. Неисчерпаемый ресурс. 2005 Издательство «Социум».
19. Garret Hardin. *The Tragedy of the Commons*. <http://dieoff.org/page95.htm>
20. www.liberty-belarus.info
21. Дж. Саймон. Неисчерпаемый ресурс. 2005 Издательство «Социум».
22. <http://www.ausubel.com>
23. Дж. Саймон. Неисчерпаемый ресурс. 2005 Издательство «Социум».
24. www.un.org
25. www.un.org
26. www.fraserinstitute.ca
27. *Independent Summary for Policymakers IPCC Fourth Assessment Report, Frazer Institute 2007*
www.fraserinstitute.ca
28. www.worldbank.org
29. www.worldbank.org
30. <http://www.wri.org>
31. www.shell.com
32. <http://www.theworldeconomy.org/publications/worldeconomy>
33. <http://www.amazon.com/Walking-Talk-Business-Sustainable-Development/dp/1576752348>
34. David Henderson. *The Role of Business in the Modern World*
<http://www.iea.org.uk/record.jsp?type=book&ID=248>.
35. David Henderson. *The Role of Business in the Modern World*.
36. Jacob Schmookler. *Invention and Economic Growth*.
37. <http://www.amazon.com/Walking-Talk-Business-Sustainable-Development/dp/1576752348>.
38. David Henderson. *The Role of Business in the Modern World*.
39. www.weforum.org
40. David Henderson. *The Role of Business in the Modern World*.
41. www.un.org/esa/sustdev/agenda21.htm
42. www.un.org
43. David Henderson. *The Role of Business in the Modern World*.
44. David Henderson. *The Role of Business in the Modern World*.
45. <http://www.adamsmith.org smith/tms-intro.htm>
46. www.wbcsd.org

-
-
- 47. <http://assembly.coe.int>
 - 48. <http://assembly.coe.int>
 - 49. <http://assembly.coe.int>
 - 50. <http://microeconomica.economicus.ru>
 - 51. Ойген Беем-Баверк. Критика теории Маркса Издательство «Социум» 2002 г.
 - 52. А. Смит. Богатство народов. Книга 1.
 - 53. А. Смит. Богатство народов. Книга 1 Глава 6 [1:56].
 - 54. А. Смит. Богатство народов. Книга 1 Глава 11 [1:277 – 278].
 - 55. George Reisman Capitalism. A Treatise on Economics.
 - 56. George Reisman Capitalism. A treatise on economics. 1998 p. 485 – 487.
 - 57. D. Ricardo Principles of political Economy and Taxation, глава 1, раздел 1.
 - 58. D. Ricardo Principles of political Economy and Taxation, глава 7.
 - 59. D. Ricardo Principles of political Economy and Taxation, глава 16.
 - 60. Karl Marx, Capital .
 - 61. Karl Marx, Capital.
 - 62. Marx. Das capital. Bd. 1.2 Aufl. S. 312.
 - 63. О. Бем-Баверк. Критика теории Маркса.
 - 64. Marx. Das capital. Bd. III s. 131.
 - 65. О. Бем-Баверк. Критика теории Маркса, стр. 32.
 - 66. L'opera postuma di Carlo Marx// Nuova Antologia vom 1 Februar 1893. s. 20, 22, 23.
 - 67. Sombart. Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx.
 - 68. О. Бем-Баверк. Критика теории Маркса.
 - 69. О. Бем-Баверк. Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien.
 - 70. Thompson. An inquiry into the principles of the distribution to human happiness; Sismondi. Nouveaux Principles d'Economie politique.
 - 71. Rodbertus. Zur Beleuchtung der Sozialen Frage.
 - 72. О. Бем-Баверк. Критика теории Маркса.
 - 73. О. Бем-Баверк. Критика теории Маркса.
 - 74. M. Scousen Making modern economics p. 161.
 - 75. W. H. Hutt The Keynesian Episode. Indianapolis: LibertyPress, 1979.
 - 76. W. H. Hutt The Keynesian Episode. Indianapolis: LibertyPress, 1979.
 - 77. W. H. Hutt The Keynesian Episode. Indianapolis: LibertyPress, 1979.
 - 78. Дж. МакКенна. Агрегатный экономический анализ.
 - 79. Самуэльсон П.Э. Нордхус «Экономика».
 - 80. W. H. Hutt The Keynesian Episode. Indianapolis: LibertyPress, 1979.
 - 81. George Reisman Capitalism. A treatise on economics.
 - 82. W. H. Hutt The Keynesian Episode. Indianapolis: LibertyPress, 1979.

